

Анна Самойлова

Заклятие роз

Что делать, если тебя против воли отправили учиться в университете магии, а дома ищет полиция? И единственное, на что ты можешь рассчитывать — это женская дружба, которая постоянно проверяется на прочность? Справятся ли Марта и Полина с заклятием роз, смогут ли вернуться домой и помочь женщине-следователю, случайно попавшей под это мощное заклятие?

Анна Самойлова

Заклятие роз

Глава 1

В сумеречном свете, делающем тёмное ещё темнее, а светлое подвергая сомнению, в обычной барнаульской сталинке на Ленинском проспекте внезапно словно бы из ниоткуда возник мужчина. Только что его не было, и вот он здесь. Он был высок, тёмно-рус, зеленоглаз, хорошо сложен и обладал модной стрижкой, стильной бородкой и подкрученными усами — «хэндлбарами». Одет в тёмное пальто, с шеи свисал длинный светлый шарф. Под пальто были надеты чёрный свитерок и узкие брюки. На ногах — берцы. На левой руке из-под рукава поблёскивали металлом часы.

Мужчина постоял, прислушиваясь и, поняв, что в квартире никого нет, надел перчатки и достал из воздуха полиэтиленовый мешочек доверху наполненный лепестками роз. Развернув мешочек, мужчина зачерпнул лепестки и широким жестом сеятеля бросил их на пол. Снова зачерпнул и снова бросил — теперь уже на диван, потом снова — в другую сторону.

Засеяв комнату розовыми лепестками, мужчина вытряхнул оставшиеся, аккуратно свернул мешочек и убрал его в карман.

Прислушавшись, мужчина протянул руку в сторону книжной полки и щёлкнул большим и средним пальцами в направлении большой вазы авторской работы, которая стояла наверху рядом со статуэткой, изображающей странное.

По мановению указательного пальца ваза приподнялась, медленно поплыла к журнальному столику и аккуратно встала посередине.

Мужчина снова щёлкнул — на этот раз над вазой, и она волшебным образом наполнилась водой.

Донёсся еле слышный звук — хлопнула дверь подъезда.

Мужчина засуетился, но тут же сделал глубокий вдох. Постоял миг, сосредотачиваясь, потом одним точным движением выхватил из воздуха великолепный букет ароматных роз и поставил его в вазу. Поправил отклонившийся в сторону цветок. Потом придирчиво оглядел комнату, снял перчатки, залихватски подкрутил усы и в тот момент, когда ключ повернулся в замке, исчез.

В прихожей щёлкнул выключатель. Загоревшийся свет разогнал тени, возвращая миру реальность и являя двух девушек, которые только что вошли в квартиру. Одна — брюнетка с белой кожей. На ней были джинсы цвета металлик, чёрная шёлковая блузка, чёрные ботильоны и чёрный лакированный клатч. На шее — три нити крупного искусственного жемчуга такого же цвета, как и джинсы.

Вторая — пышнощёкая и в веснушках. По плечам огненной рекой стекали рыжие волосы. Одета она была в белую блузку, серо-коричневую жилетку, юбку до колен в цвет волосам, коричневые колготки и рыжие сапожки. На шее повязан жёлто-рыжий шёлковый шарф.

Девушки вошли, разулись, и нечаянно столкнувшись, рассмеялись.

— И всё-таки зря ты его так! — всё ещё улыбаясь сказала рыжая и с сомнением покачала головой. — Такой стильный, такой красавчик. А у тебя давно не было парня.

— Урод! — поморщившись, бросила брюнетка.

— Ну не зна-аю... — протянула рыжая.

— Ох, Поля, на лицо, может, и красавчик, но он же идиот! И вообще мутный тип, —

ответила брюнетка.

— Вот ты вечно так, Марта! А я бы с ним замутила. Если бы он ко мне подошёл, — сказала Полина, поправляя перед зеркалом свою рыжую шевелюру и явно любясь отражением. — Не понимаю, почему он тебя выбрал... — и добавила: — А ты чего-то всё перебираешь. Вот и нет у тебя парней.

— Ох, Полина, Полина! Мне нужен один, но идеальный.

Полина фыркнула.

— Ладно, проехали, — сказала Марта и, томно приложив руку ко лбу, добавила: — Если я сейчас не выпью кофе, я усну прямо здесь.

— Какие проблемы? Сейчас сварю. Тебе какой крепости? — подхватила игру Полина.

— Такой, чтобы только хватило сил дойти до кровати... — изображая пальцами идущего человечка, с интонацией смертельно больного сказала Марта.

Девушки снова посмотрели друг на друга и снова рассмеялись.

— Как бы то ни было, но чаю попить совсем не помешает, — уже нормально сказала Полина.

— Сейчас поставлю, — ответила Марта и добавила: — Руки только помою.

И она отправилась в ванную комнату.

Полина прошла на кухню, одним точным движением включила свет. Ополоснув руки в кухонной раковине и вытерев полотенцем, она заглянула в чайник, проверяя количество воды, долила из фильтра, щёлкнула клавишей «нагрев» и крикнула:

— Март, можешь не торопиться! Чайник греется!

Когда Марта вошла на кухню, чайник уже шумел.

— Ты голодна? — спросила Марта у Полины.

— Не то что бы да... — протянула та.

— Поняла. Лёгкий ужин?

— Если только совсем лёгкий!

— Ну это легко! — ответила Марта и девушки снова рассмеялись.

Открыв холодильник, Марта спросила:

— Салатик? Йогурт? Творожок со сметаной? Ещё есть борщ... Лёгкий...

— Давай лёгкий борщ, — выбрала Полина.

Достав две красивые миски из цветного стекла, Марта выдвинула ящик кухонного стола, взяла половник и с половником наизготовку повернулась к подруге.

— Поль, тебе сколько накладывать?

— Давай половину. На ночь много есть не хочу. — И когда Марта уже зачерпнула борщ, спросила: — Ты завтра идёшь на первую лекцию?

Марта пожала плечами и, поставив миску в микроволновку, спросила в ответ:

— А у меня есть варианты? Если, конечно, я хочу сдать конфликтологию. — И добавила, вздохнув: — А я хочу. Поэтому, да. А ты?

— Не знаю пока... Если после сегодняшнего будут силы подняться.

— Ну да, — засмеялась Марта и деланным голосом, явно кого-то копируя, произнесла: — Две подружки, поле в марте... — и характерным движением подкрутила воображаемые усы.

Девушки снова засмеялись. Но потом Полина вздохнула.

— И всё-таки он вполне симпатичный и стильный, — сказала она.

Марта покачала головой

— Самовлюблённый зануда.

— Хотя ты права, — сдалась Полина. — Самоуверенность из него так и пёрла! Явно маньяк какой-то, — снова поправляя свои рыжие волосы подвела итог Полина. — Правильно, что ты его отшила.

Звякнул, отключившись, электрочайник.

— Какой чай заварить? — спросила Марта.

— А помнишь ты в тот раз заваривала... то ли «Принцесса ночи», то ли «Сокровища шаха».

— Это который с кусочками персика?

— Ага

— Он называется «Сны китайского любовника». Это смесь зелёного и красного чая с лепестками роз и кусочками персика.

— Как романтично! Он ещё есть у тебя? Заваришь?

Марта, улыбнувшись, кивнула, взяла поршневой заварочный чайник, обдала внутренность и поршень кипятком. Потом достала с полки красивую жестяную коробочку, открыла её, понюхала, выражая несказанное удовольствие, сыпнула немного ароматной смеси в заварочный чайник и залила водой из чайника. К тому времени разогрелся борщ, и Марта поставила миску перед Полиной, а свою отправила в микроволновку.

— Сметана? Майонез? — спросила Марта, открывая холодильник.

— Мы ж собрались есть лёгкий борщ! — возмутилась Полина, зачерпывая из миски.

Марта улыбнулась. Вскоре снова звякнула микроволновка, и Марта присоединилась к подруге.

Доедая последние ложки борща, Полина вдруг фыркнула.

— Это ж надо такое придумать: поле в марте!

— Видимо он хотел сразить нас своим остроумием... Полина, Марта... поле в марте... Видимо, мы должны были заценить и пойти с ним в его... как это?.. Магический университет!.. А в том «университете», поди, цепи с наручниками, толстые верёвки для связывания, кляпы и крючки для подвешивания жертв...

Девушки помолчали, рисуя в воображении кабинет пыток. Потом Полина, отпив чай, задумчиво произнесла:

— А я и не замечала, что у этого чая такой сильный розовый аромат...

Когда с ужином было покончено, Полина сладко потянулась.

— Хорошо-то как! — сказала она и добавила: — Вот не хочется домой идти.

— Так оставайся! — предложила Марта. — Спать есть где. Диван в гостиной в полном твоём распоряжении. А завтра вместе пойдём в универ.

Полина засмеялась:

— Подруга, ты не оставляешь мне выбора!

— Ну так остаёшься?

— Остаюсь!

Девушки быстро сполоснули посуду и, выключив на кухне свет, пошли в гостиную.

Но едва светодиодные светильники, встроенные в потолок словно россыпь звёзд, загорелись, девушки замерли.

— Откуда это?!

— Ни фиги себе!

Воскликнули они одновременно.

— Признавайся, у тебя всё-таки кто-то есть?! Ты готовилась к романтической встрече, а

я сломала тебе планы? — спросила Полина, снова поправляя свои роскошные рыжие волосы, на этот раз неуверенно.

— Да я понятия не имею, откуда это всё! — возмутилась Марта.

— Да ладно, могла бы по-дружески сказать, я б не обиделась, пошла бы домой. Зачем подруге ломать планы на ночь?..

— Ты можешь себе представить, чтобы я мусорила у себя в доме? — На лице у Марты было написано отчаяние.

— Так это точно не ты? — В голосе Полины прозвучала тревога.

— Говорю тебе...

Полина задумалась. На её щеках проявился румянец. От этого, показалось, что веснушек стало значительно больше.

— Тогда откуда это взялось? — спросила она у Марты.

— Понятия не имею! — ответила Марта. Она была очень расстроена.

Девушки стояли на пороге гостиной, не решаясь войти в комнату, и с недоумением рассматривали усыпанную розовыми лепестками гостиную и шикарный букет алых бархатных роз в вазе на журнальном столике перед диваном.

Наконец Марта с решительным видом открыла в коридоре встроенный шкаф, достала пылесос и направилась в гостиную. Но Полина остановила её.

— Подожди. Это же проникновение в квартиру. А ты сейчас все улики уничтожишь. Давай вызовем полицию?

Марта согласно кивнула, выключила пылесос, но убирать его обратно в шкаф не стала. Взяла с тумбочки в прихожей свой клатч, достала телефон и набрала номер полиции.

Ни проходить в гостиную, ни возвращаться на кухню девушки не стали. Так и остались стоять у порога гостиной, словно боялись, что как только они обе уйдут, это наваждение исчезнет, и тогда им нечего будет предъявить полиции. А не входили, чтобы не затоптать следы, они ж там должны быть?

Когда запел домофон, обе вздрогнули. Марта сняла трубку, спросила: «Кто?», выслушала ответ и нажала клавишу «Открыть». Сама пошла к входной двери и распахнула её, встречая дежурную бригаду: следователя, эксперта и сотрудника полиции.

В квартиру вошло три человека в форме, но сразу стало так тесно, словно их было не три, а тридцать три.

— Что случилось? — едва войдя в прихожую спросила худенькая женщина лет тридцати пяти, со светло-русыми волосами, с огромными глазами, непроницаемым лицом, в форме и с папкой в руках. Она представилась дежурным следователем майором юстиции Анной Юрьевной Бронько.

Девушки перебивая друг дружку начали рассказывать, как пришли домой, но сразу не заметили, потому что ужинали, а когда собрались идти отдыхать, то увидели вот что... И стоя по-прежнему на пороге гостиной, они одновременно показали на розовые лепестки и букет в вазе.

Анна Юрьевна сделала знак глазами эксперту, и тот принялся изучать замок входной двери.

— Кто хозяйка? — спросила Анна Юрьевна.

— Я, — Марта выступила вперёд.

— Вы живёте одна или с кем-нибудь?

— Одна.

— У кого ещё есть ключи?

— У родителей, но их нет в городе. Да и не будут они...

Анна Юрьевна понимающе кивнула. Романтичная обстановка явно не родительских рук дело.

— Кто-нибудь в доме был, когда вы пришли? — следователь продолжила задавать вопросы. — Что-нибудь ещё странное? Кроме этого. — Следователь махнула рукой в сторону гостиной.

— Нет.

— Что-нибудь пропало?

Девушки переглянулись и пожали плечами.

— Не знаю, мы туда не заходили, — сказала Марта.

— Посмотрите, пожалуйста.

Марта шагнула в гостиную.

Но едва она босыми ногами наступила на лепестки, как голова у неё закружилась. Марта качнулась и упала бы, если б не подоспевшая Полина, а следом и Анна Юрьевна — по-прежнему обутая в чёрные полусапожки. Вдвоём они поддержали Марту, довели её до дивана и помогли лечь.

— Может, врача вызвать? — предложила Анна Юрьевна с тревогой вглядываясь в побледневшее лицо Марты.

— Лепестки... жгут... — пробормотала девушка, теряя сознание.

— Скорую вызовите, — крикнула Анна Юрьевна своим помощникам и добавила тихо: — Что-то и меня мутит. Вы как? — спросила она у Полины.

Отвечать той не понадобилось. Она тоже была бледна. Настолько, что веснушек почти не стало видно. Полина стояла, словно оглушённая и машинально пыталась ступнёй отгрести розовые лепестки в сторону.

Не дождавшись от Полины ответа, Анна Юрьевна, бросив:

— Сейчас воды принесу, — поспешила на кухню.

Пока следователь гремела посудой, доставая кружку и наливая в неё воду, ноги у Полины подкосились, и она упала, покачнув при этом столик.

Ваза с букетом перевернулась, и вода потекла на лицо Полине, но девушка даже не смогла отвернуться.

Едва вода коснулась пола, раздалось лёгкое шипение и все розовые лепестки съжились и покоричневели, будто пролежали на солнцепёке не один день, а букет приобрёл такой вид, словно простоял в вазе не меньше месяца.

Анна Юрьевна прибежала на грохот от упавшей Полины и успела заметить финал метаморфоза лепестков и букета.

А потом обе девушки словно бы растаяли в воздухе. И только завядший букет в вазе и скукоженные лепестки на полу говорили о том, что всё это не сон.

Анна Юрьевна выронила стакан до половины наполненный водой и начала оседать. И упала бы, если б её не подхватили мужчины-сослуживцы. Её отвели на кухню, посадили спиной к стенке, чтобы она могла опереться, и открыли окно — вдруг в комнате какой ядовитый газ? Хотя ни эксперт, ни оперативник, прибывшие с Анной Юрьевой никаких отклонений не чувствовали.

Когда приехала скорая Анна Юрьевна, забыв про исчезнувших свидетельниц, тихо плакала на кухне о своей неудавшейся жизни, о потерянной любви и ушедшей молодости.

Она сожалела о том, что дни проходят, а она только и делает, что выезжает на вызовы, допрашивает свидетелей, составляет протоколы и снова выезжает на вызовы. И так изо дня в день на протяжении уже десяти... нет, двенадцати лет! Она, уткнувшись в плечо эксперта рыдала и повторяла, что мечтает надеть стильное платье и пойти куда-нибудь в клуб потусить, и там встретить какого-нибудь красавчика со стильной бородкой и подкрученными усами, в чёрном пальто с белым шарфом, в узких брюках и в берцах... и обязательно с часами! Это так стильно — носить наручные часы, когда теперь время можно посмотреть на сотовых телефонах.

На возражение эксперта, что в клуб в пальто не ходят, Анна Юрьевна зарыдала ещё громче, как будто у неё отняли последнюю надежду на счастье.

Врач скорой помощи дала Анне Юрьевне успокоительное и предложила проехать с ними в больницу, чтобы взять анализ крови на предмет отравления неизвестными ядами. Эксперт поддержал врача, и врач вместе с санитаром повели дежурного следователя майора юстиции Анну Юрьевну Бронько в машину скорой помощи.

Эксперт же вернулся в квартиру. Оперативник, который был в следственной бригаде, тем временем вызвал следователя из прокуратуры — двое людей пропали — это дело совершенно другого уровня, чем незаконное проникновение в квартиру. Даже если люди пропали на глазах у представителей закона и порядка... Такие дела рассматривает следственный комитет.

Ждали вторую бригаду недолго. Приехал один следователь — чисто выбритый, жилистый мужчина лет сорока. Представился следователем прокуратуры Петровым. Взгляд его поначалу выражал некоторое превосходство по отношению к смежной конторе — так накосячить — потерять сразу двух свидетельниц из квартиры, в которой следственная бригада в этот момент находилась в полном составе...

Но осмотрев место происшествия и допросив свидетелей — оперативника и эксперта, прибывших сюда первыми, следователь прокуратуры Петров поубавил прыти. Дело принимало неприятный оборот и грозило перерасти в висяк. А в следственном комитете этого ох как не любят.

Петров пошёл по фактам:

Девушки внезапно и бесследно исчезли из комнаты. Это был факт.

Следователь юстиции подверглась неизвестному воздействию и сейчас находится в больнице. Это второй факт.

Ни оперативник, ни эксперт никакого воздействия не почувствовали. И это тоже был факт. Видимо, воздействие избирательно — ему подвергались только женщины, ну или действовало только в гостиной, куда ни оперативник, ни эксперт не заходили.

Можно было конечно провести следственный эксперимент — пригласить в квартиру какую-нибудь женщину. Но подвергать кого-то риску, чтобы проверить эту теорию, нельзя. Хотя, возможно, у следователя из прокуратуры и была такая знакомая, на которой он с удовольствием проверил бы свою теорию. Он поделился этим замечанием с присутствующими в квартире, те проявили полную мужскую солидарность, вспомнив своих знакомых женщин, подходящих на роль лабораторной крысы.

Проведя все необходимые следственные действия, усечённая бригада и следователь прокуратуры закрыли квартиру — ключи лежали на полке в прихожей, и опечатали её.

Когда все покинули квартиру, в ней снова появился тот же мужчина с усами «хэндлбарами».

На улице было уже совсем темно, и казалось, что темнота победила. Но свет уличного фонаря разрывал тёмное пространство, не позволяя ему полностью овладеть миром. Так или иначе, но он высвечивал правду — в свете уличного фонаря было видно, как мужчина в тёмном пальто с длинным светлым шарфом с довольным видом подкручивает усы.

Щёлкнув большим и средним пальцами, мужчина убрал все розовые лепестки и остатки букета, мановением указательного пальца отправил вазу на место и высушил пятно на полу от разлившейся воды.

Оглядев комнату придирчивым взглядом, он пробормотал:

— Ах, поле в марте, поле в марте... Я ж говорил, от меня не спрячетесь! Я иду к вам, девочки! Ждите и не скучайте! Сейчас буду!

И, посмотрев на часы, мужчина исчез.

Первой в себя пришла Марта.

Прислушалась — тишина. Она, одетая, лежала на широкой кровати с балдахином. Витые столбики красного дерева поддерживали густой шёлковый полог нежного золотистого оттенка. Простыня, наволочки на подушках и пододеяльник были шёлковыми и цвет имели розового жемчуга. Запах в комнате не сказать, чтобы был неприятный, но чужой, с тонкой примесью розового аромата.

Села — ничего не произошло.

Оглядела комнату — не очень большая, но и не тесная. Кроме кровати, рядом с которой стояла изящная, красного дерева, прикроватная тумбочка на высоких гнутых ножках с двумя выдвижными ящичками, в комнате из мебели были ещё письменный стол тоже красного дерева — двухтумбовый, с резными столбиками по углам и с резным основанием, комод — тоже с резными столбиками. Ручки у комода были кованые. Ещё в комнате стояли книжный шкаф — в том же стиле, что и прикроватная тумбочка, и письменный стол с комодом, стул и кресло... Обивка на стуле и на кресле была одинаковой и гармонировала с обоями — витиеватый бордово-розовый рисунок обоев и бордово-сиреневая обивка на кресле. Большое окно было задёрнуто тяжёлыми плотными портьерами в тон обоям и мебели. Освещала комнату люстра с подвесками на цепочках.

Марта встала и увидела Полину. Рыжеволосая подруга лежала на полу. Её одежда и волосы были мокрыми. Лежала она на длинноворсном ковре, который покрывал весь пол. Лишь у двери виднелся кусочек паркета — достаточный для того, чтобы дверь свободно открывалась.

Полина тихо постанывала. Марта кинулась к подруге, затормошила её.

Наконец Полина застонала громче и открыла глаза.

— Где мы? — прошептала она, едва смогла сфокусировать зрение.

Марта огляделась и пожала плечами.

— Последнее, что я помню — это розовые лепестки на полу у меня в квартире, — сказала она.

— А я помню букет роз на журнальном столике... — прошептала Полина.

Разговор девушек прервал лёгкий скрип открываемой двери. Они инстинктивно повернулись на звук, и увидели, что в комнату вошёл их недавний знакомец в чёрном пальто и светлом шарфе, с бородой и усами «хэндлбаррами». За ним вошла худощавая высокая женщина в чёрном закрытом платье в пол, её длинные чёрные, как смоль, волосы были распущены. Она несла два таких же, как у неё, платья.

Девушки в ужасе прижались друг к дружке. Конечно, уже то, что они вместо гостиной в квартире у Марты, оказались тут, шокировало, но появление типа, который накануне в клубе уговаривал их пойти с ним в какое-то мутное место, представило комнату и обстановку совсем в другом свете.

Вчерашний вечер встал перед глазами, словно всё произошло только что. Полина и Марта на концерте заезжей фолк-рок группы. Они уже потанцевали около сцены и идут к своему столику — билеты купили дешёвые, поэтому столик стоит далеко от сцены, но в таком грохоте это скорее преимущество. Подруги садятся, и тут же с обычной ничего не значащей фразой, с которой парни часто знакомятся с девушками в клубах, к ним

подсаживается симпатичный в общем-то стильный мужчина. Услышав имена, он каламбурит про поле в марте, а потом...

Дальше всё развивается молниеносно. Он, перекрикивая грохот музыки, говорит Марте, что она прекрасно сложена, её внешность просто идеальна. Она брюнетка с белой кожей. Такое красивое сочетание! У неё замечательные гены! В её жилах явно течёт кровь Древних! Он давно искал её, и теперь ей жизненно необходимо пойти с ним. Она просто создана для того, чтобы учиться на его факультете, и что отныне она должны забыть про свою прошлую жизнь — её ждут великие дела.

Полина немного обижена. Она бы, конечно, сразу же отшила б его, но он не даёт ей такой возможности — разговаривает только с Мартой.

Марта наклоняется к мужчине, который ей почему-то не просто неприятен, а противен, и говорит громко и отчётливо проговаривая каждое слово:

— Проституток для своих забав поищите в другом месте. Мы в порно не снимаемся!

Мужчина резко, как от пощёчины, выпрямляется на стуле и, презрительно глядя на Марту, тихо, но Марта с Полиной почему-то отчётливо слышат каждое его слово, произносит:

— Я всегда получаю то, что хочу!

Марта с милой улыбкой припечатывает:

— Ни! За! Что!

Девушки поднимаются и уходят к сцене слушать музыку и танцевать. Когда возвращаются, мужчины уже нет.

Не обращая внимания на Марту с Полиной, женщина разложила на постели платье. Отошла в сторону, оценивающе глянула на кровать, потом на девушек и щёлкнула большим и средним пальцем в направлении кровати.

Та разделилась на две, и каждая вновь образовавшаяся подросла до размеров той, что была раньше.

Женщина ткнула указательными пальцами в кровати и раздвинула руки, указав, куда кроватям следует встать.

Те послушно раздвинулись.

Женщина оценивающе глянула на подруг и щелчком изменила цвет полога и цвет постельного белья на одной — постель стала салатовой, а полог приобрел цвет весеннего неба. На другой полог так и остался нежно-золотистым, а постель — цвета розового жемчуга.

Одно платье перекинулось на свободную кровать, второе осталось лежать там, где его положила женщина.

Потом точно так же, как кровать, женщина разделила прикроватные тумбочки и ночные светильники. После подошла к стене и, глянув на девушек, приоткрыла дверь в ванную комнату. Девушки раньше этой двери не заметили.

Марта и Полина расширенными глазами молча наблюдали за происходящим. Они сидели на полу, прижавшись друг к дружке и не шевелились. Даже дышать боялись...

Когда женщина закончила, она повернулась к мужчине и не говоря ни слова, слегка поклонилась ему и вышла из комнаты.

Девушки с облегчением вздохнули — женщина почему-то пугала их больше, чем этот тип. Он вызывал, скорее, отвращение и презрение. А ещё жгучую ненависть... У Марты, вс

всяком случае. Полина просто была испугана.

Едва за женщиной в чёрном длинном платье закрылась дверь, мужчина лихо подкрутил усы и весело, даже немного легкомысленно, воскликнул:

— Дорогие Марта и Полина! Рад приветствовать вас в самом лучшем на земле университете магии! Как вы, наверное, уже поняли, всегда бывает так, как я сказал. А я сказал, Марта, что твоё место здесь! И вот ты здесь. И очаровательная подруга с тобой!..

— Здесь это где? — спросила Марта, и слова её прозвучали враждебно.

Но мужчину это только развеселило.

— Я ж сказал: в университете магии! — широко улыбаясь повторил он.

— Это где Гарри Поттер что ли? — спросила Полина.

— Гарри Поттер литературный персонаж. А тут всё по-настоящему! — ответил мужчина и перешёл на деловой тон: — Переодевайтесь, пожалуйста, и проходите в гостиную. Я буду вас там ждать. И покажу вам место, где вы проведёте самое интересное в вашей жизни время.

— А если мы не хотим тут проводить время? — спросила Марта.

— Девочки, у вас нет выбора, — мило улыбаясь, сказал мужчина, но в его голосе прозвучали жёсткие нотки. — Не захотите по-хорошему, будет по-плохому. Но вы всё равно будете учиться тут, в университете магии. И покинуть эти замечательные стены, — мужчина с гордостью развёл руки, — вы сможете только когда... так или иначе... закончите магическое образование и сдадите все экзамены. Таковы правила!

Не дождавшись ответа от подруг, мужчина хмыкнул, подкрутил усы и направился на выход. Уже взявшись за ручку двери, он обернулся и довольно-таки холодно сказал:

— Не советую медлить, переодевайтесь и выходите в гостиную.

— Нам обязательно переодеваться? — спросила Полина.

— Вы хотите ходить мокрой и босой? — сказал мужчина насмешливо и повторил теперь уже совсем холодно: — Да, вам обязательно переодеваться. Это форма учащихся в нашем университете.

Когда за ним закрылась дверь, Полина тихо спросила:

— Что будем делать?

— Когда тебя насилуют, — так же тихо ответила Марта, — нужно расслабиться и постараться получить удовольствие. Ну и искать, как отсюда сбежать...

Девушки поднялись. Но не успели они решить, кому какое платье надеть, как дверь снова скрипнула. Та же высокая женщина вошла в комнату и молча поставила на паркет перед дверью две одинаковых пары кожаных туфель на невысоком устойчивом каблуке с узкими носками и металлической пряжкой — вышедшие из моды лет двести назад.

Бросив короткий взгляд на подруг, женщина молча вышла.

Девушки глянули на свои босые ноги, а потом переглянулись. Если теоретически можно не переодеваться, то босиком ходить точно не комфортно.

— Эх, надо было спросить у неё... — запоздало всполошилась Полина.

— О чём? — грустно спросила Марта.

— Ну... Как тут?..

— Думаешь, она с ним не заодно? И, как я поняла, нас ждёт экскурсия, — пожалала плечами Марта.

— Так что, переодеваемся? — в голосе Полины всё ещё было сомнение. — Мне что-то совсем не хочется, несмотря на то, что я мокрая. — Полина оттопырила на груди жилет. —

Эх, кажется блузка покрасилась, теперь пятна останутся... Жаль, это моя любимая...

— Если бы из всех проблем у нас была только твоя полинявшая блузка! Похоже, в этот раз мы с тобой, подруга, вляпались по-настоящему. — Марта задумчиво оглядела комнату. — Видимо, нам придётся принять условия игры. Мы не знаем где мы. К тому же тут кровати делятся, как клетки под микроскопом, а постель меняется по мановению пальца. Думаю, нужно сначала сделать вид, что мы согласны, пока не поймём всех правил. А потом сделать отсюда ноги. Какую кровать выбираешь?

— Эту, если ты не против. — Полина махнула в сторону голубого полога.

— Мне без разницы! Я надолго тут оставаться не намерена, — ответила Марта и пошла ко второй кровати.

— Я тоже, — согласилась Полина. — Марта, а если тут камеры наблюдения? — тихо спросила она.

— Значит, за нами наблюдают, — усмехнувшись, ответила Марта и начала методично и безэмоционально расстёгивать блузку.

— Ну почему мы? — Полина тоже подошла к выбранной кровати и взяла в руки платье и брезгливо сморщилась. — Фу, какое страшное! Я такое не ношу!

Марта глянула на подругу и ничего не сказала. Она уже сняла блузку и стояла в джинсах, бюстгальтере и искусственном жемчуге.

Полина вздохнула и тоже начала раздеваться. Она развязала шарф, сняла жилетку, потом блузку. Всё это было мокрое и Полина шарф оставила на кровати, жилетку положила на прикроватную тумбочку, а блузку повесила на стул. Потом сняла юбку — её тоже разложила на кровати.

— Как ты думаешь, колготки снимать? — спросила Полина у Марты, которая боролась с застёжкой жемчужного ожерелья.

— Думаю, колготки можно оставить...

Девушки одновременно взяли платья.

— Ну что? Временно меняем имидж? — спросила Полина, подныривая под подол.

Марта ничего не ответила — она немного запуталась в длинной юбке.

Едва девушки надели платья, как из ниоткуда раздался голос:

— Нерушимый договор на обучение в университете магии заключён.

— Что?! — подскочили подруги. — Какой такой договор?

Они повернулись друг к дружке. А потом не стовариваясь кинулись к двери — туфли сами прыгнули им под ноги, словно каждая пара знала свою владелицу.

Спальню от гостиной отделял небольшой коридор. Девушки бегом пробежали его и выскочили в большую комнату с камином. И мебель, и обои здесь были в бело-золотых тонах. И на белом фоне этот мерзкий тип выделялся чёрным пятном. Он был один в гостиной. Заложив руки за спину, он с преувеличенным вниманием рассматривал картину на стене.

Обернувшись на звук шагов, он расплылся в довольной улыбке.

— Что это значит?! Что за нерушимый договор?! — накинулись на него девушки.

— Это значит, что вы заключили магический контракт с университетом и теперь вы студентки моего факультета, — самодовольно пояснил он.

— То есть как это?! — Марта и Полина опешили. — Мы никаких контрактов не заключали!

— Заключили-заключили! — кивнул он. — Как только вы надели студенческие платья,

вы заключили магический контракт на обучение на моём факультете. — Мужчина откровенно развлекался, глядя на подруг.

— Подождите... — сообразила Марта. — То есть, мы могли не надевать платья?

— Могли. — подтвердил мужчина. — И тогда я вынужден был бы отправить вас домой. — Он явно издевался над подругами. — Но всегда происходит так, как я хочу. И теперь вы мои...

— Контракт не действителен! Нас обманули! Любой суд его аннулирует! — решительно прервала его Марта. — Пойдём отсюда, Поля...

Она взяла подругу за руку и потянула обратно в коридор. Но мужчина расхохотался и это остановило подруг.

— Не выйдет! Нет таких судов! — сказал он отсмеявшись. — Контракт магический. Расторгнуть его вы сможете только, окончив университет. Точнее, тогда он будет исполнен и потеряет силу.

— Но вы нас обманули! — Марта и Полина были в бешенстве.

— Урок первый! Никому не верь! — мужчина выставил указательный палец. — А теперь позвольте представиться: ваш декан профессор Серафимович, — он с довольным видом подкрутил усы и демонстративно отвесил поклон. — А вы теперь мои студентки! — добавил он, и в его голосе прозвучала неприкрытая угроза. — Расписание получите у старосты. Она вам и экскурсию проведёт. А мне некогда! — последние слова прозвучали совсем холодно.

Серафимович развернулся на каблуках берца, заложил руки за спину и пошёл, напевая:

— Ах, поле в марте, поле в марте...

Марта и Полина обречённо переглянулись.

— Что теперь делать? — спросила Полина.

— Он же сказал никому не верить. Вот и не будем ему верить. Пока сами не убедимся, что выхода нет.

— Марта, нам лучше тут остаться или в комнату вернуться? Или, может, самим походить, посмотреть, что тут к чему? — спросила Полина.

Марта, задумчиво блуждая взглядом по стенам, пожала плечами.

Освещена гостиная была тремя хрустальными люстрами в золотистой оправе. Три больших окна были закрыты плотными роликовыми жалюзи. Между окнами вдоль стены стояло четыре стола, рядом с ними — по два или три удобных стула. Каждый стол был отделён колоннами, что обособляло его, создавало условно закрытую зону. На стене рядом с каждым столом была закреплена полочка для книг и светодиодный светильник на гибкой ножке. За столом могли работать до трёх человек. Кроме того, в гостиной, в разных её концах, стояло два дивана, перед ними журнальные столики и ещё по три кресла. На диванах и креслах могли разместиться группы в пять-шесть человек. И в центре ещё оставалось достаточно свободного пространства — хоть хороводы води. На стенах висели картины. На всех были изображены ведьмы: одни варили зелье, другие — устраивали шабаш, третьих пытали представители святой инквизиции, ещё одну — сжигали на костре...

Взгляд Марты остановился на картине, что висела над входом в коридорчик, из которого они только что вышли. Это было полотно из серии «Вальпургиева ночь». Четыре молодые полуобнажённые девушки танцевали ночью вокруг костра под музыку козлоногого Пана. Картина была полна чувственности, но что-то в ней было не так. Марта смотрела и никак не могла понять, что же цепляет её в этой картине, что заставляет снова и снова скользить взглядом по полуобнажённым телам, повторяющим в своей экспрессии неровные языки пламени. Что заставляет её, Марту слышать музыку козлоногого и свист ветра, что заставляет ощущать свежесть ночи и чувствовать запах дыма, смешанный с ароматом луговых трав. И, наконец, что заставляет безумно желать самой присоединиться к этим ночным пляскам.

Полина в это время изучала, как движется подол её платья. Она кружилась, поворачивалась, шагала. Но всё время оставалась недовольной...

Внимание подруг привлекли голоса, послышавшиеся из коридора, куда ушёл Серафимович.

Марта с трудом оторвалась от картины и повернулась в сторону вошедших девушек. Их было немного, человек десять и все они были в таких же платьях, как у Марты с Полиной.

Едва вошедшие увидели Марту с Полиной, как разговоры стихли. Некоторое время стояли и молча смотрели. Потом пришедшие девушки развернулись и направились каждая в свой коридорчик. Как оказалось, коридорчиков из гостиной вело много, но почему-то Марта с Полиной раньше их не заметили. Каждый коридорчик располагался рядом со своей картиной.

Но едва девушка проходила, как коридорчик словно бы затягивало пеленой, и он снова становился незаметным — будто его тут и не было. Сразу стало понятно, почему подруги не увидели их раньше.

Наконец, в гостиной из пришедших осталась только одна девушка — высокая, широкой кости со светлыми волнистыми волосами, распущенными по плечам. Она обошла вокруг Марты и Полины и спросила:

— Новенькие, значит?

Марта снова пожала плечами, не спуская глаз с блондинки. А Полина кивнула. Она, поджав губы, рассматривала, как на девушке сидит платье.

— Ну да, ну да... — пробормотала блондинка. И вдруг протянула руку: — Анжелика. — И немного погодя добавила: — Староста курса.

Марта с Полиной представились. Ладонь Анжелики оказалась сухой и жёсткой.

— Вы сюда сами или?.. — спросила Анжелика.

Марта с Полиной переглянулись и недоумённо посмотрели на старосту.

— Сюда прибыли сами или вас... вынудили? — пояснила она вопрос.

Марта не торопилась отвечать. У неё в голове звучали слова Серафимовича: «Урок первый — никому не верьте». Но поразмыслив, она сказала обтекаемо:

— Мы не планировали быть тут.

— Ну да, ну да... — снова пробормотала Анжелика. — Вам уже показали университет?

— Нет, мы ещё ничего тут не знаем, — ответила Марта.

— Совсем ничего, — вставила Полина. И услышав всё то же: «Ну да, ну да», спросила: — Что это за университет магии такой? И чему тут учат?

Но не успела Анжелика ответить, как Марта спросила:

— Контракт действительно нерушимый?

Анжелика сочувственно посмотрела на Марту и вздохнула.

— К сожалению, да, — сказала она, и девушки почувствовали, как спало напряжение.

Но не от того, что стало ясно, что контракт — это не глупый розыгрыш, и теперь они вынуждены тут учиться пока ещё непонятно чему. А потому, что в интонации Анжелики читалось сочувствие и понимание. Стало ясно, что она тоже не по своей воле оказалась тут.

— А сколько длится обучение? — спросила Марта.

— У кого как. Здесь важно не отбыть время, а усвоить знания и научиться ими пользоваться. Чем лучше будете учиться, тем быстрее окончите. Но, к сожалению, если быстро всё освоите, то... — Анжелика оборвала себя, и быстро предложила: — Пойдёмте, я вам всё тут покажу.

Девушки шли по запутанным и пустым коридорам свет загорался перед ними и гас позади них. Все окна, которые встречались, были тоже закрыты плотными роликовыми жалюзи. Стены были отделаны дубовыми панелями, по ним чувствовалось, что этим коридорам не один год, и даже не десять, а много, много больше. Роликовые жалюзи рядом с дубовыми панелями смотрелись странно.

Подруги слушали рассказ Анжелики об университете магии, но мысли у обеих были совершенно в другом месте. Марта продолжала пляску у костра и никак не могла отделаться от мелодии, звучащей у неё в ушах и напоминающей шум ветра. А Полина чувствовала себя растерянной. Ей казалось, что пустые коридоры полны людей, и все оборачиваются, смотрят на неё в этом жутком платье. Всю дорогу она была занята тем, что старалась, чтобы юбка от шагов разлеталась красиво, но постоянно путалась в подоле и юбку приходилось поправлять и придерживать. Полина с завистью поглядывала на Анжелику, которая скользила в длинном платье легко и грациозно.

Анжелика, показывала учебные аудитории — тоже пустые. Свет также загорался, едва они входили в аудиторию, и гас, как только покидали её. Староста рассказывала о преподавателях, о тщеславии и злопамятности их декана Серафимовича. О том, что студенты подавали на него жалобу, что он незаконно вербует девушек на свой факультет, и что было слушание в университетском Совете. Но Серафимович выкрутился, сказал, что он

вербует только тех, у кого есть кровь Древних, и что это преступление, когда ведьма по рождению не получает должного образования. Тогда, мол, она по незнанию и себе вредит, и окружающим. И привёл в пример знаменитую Ольгу, которую теперь все тут знают, как Ольгу-Варгу. И надо сказать, это был весомый аргумент! Тут никто не смог возразить. А так как, если уж в чём и силён Серафимович, так это в вопросах крови, то соответственно, Совет все его объяснения принял.

Марта слушала вполуха. Она уже поняла, что нет другого выхода для них с Полиной, кроме как освоить все знания, которые тут преподают и побыстрее завершить учёбу. А после того, как Анжелика, обронила, что Ольга-Варга, про которую ходят легенды, весь университетский курс освоила за неделю, Марта поняла, что у неё есть шанс побыстрее расквитаться с университетом магии, вернуться домой и успеть до окончания сессии в нормальном университете сдать конфликтологию. И ещё она поняла, что бессмысленно тратить время и нервы на жалобы, что их незаконно заставили заключить контракт — судя по всему, тут это в порядке вещей. А значит... когда тебя насилуют, постарайся расслабиться и получить удовольствие.

Воспоминание о конфликтологии потянуло за собой цепочку других воспоминаний, связанных с тем университетом. Марта слушала Анжелику, а думала о том, что записалась в университетский клуб дебатов и что следующая тема в клубе будет о легализации проституции, и что хорошо, что она на эту встречу пойдёт только зрителем, потому что перевести в слова свои чувства она не смогла бы, а уж аргументировать — и подавно! И как следствие, растерялась и проиграла бы дебаты. Народ там циничный...

В реальность её вернули слова Анжелики. Протягивая листок, выхваченный буквально из воздуха, Анжелика сказала:

— Вот ваше расписание на завтра. Не опаздывайте! Первая лекция по истории магии, у профессора Февроньи Статс. А она очень требовательна к дисциплине. Ну ладно, пока! Я пошла делать домашнюю работу. Да и спать уже давно пора.

Девушки стояли снова в бело-золотой гостиной. Марта с ужасом смотрела, как Анжелика сворачивает в коридорчик рядом с картиной, на которой сжигали ведьму, как лёгкая дымка скрадывает белокурую старосту курса. Марта вдруг осознала, что она не помнит расположение кабинетов и не знает, куда завтра нужно идти, где, в каком кабинете их будет ждать профессор Февронья Статс. Вся надежда была на Полину, на то, что она запомнила дорогу.

Но повернувшись к Полине, Марта увидела на её лице растерянное и недоумённое выражение.

— Что будем делать, подруга? — шёпотом спросила Марта.

Полина обречённо пожала плечами и прошептала в ответ:

— Я боюсь, что завтра мы не найдём кабинета. — Она выглядела уставшей и несчастной.

Марта тоже чувствовала себя усталой и разбитой.

— Знаешь что, Поль, пойдём-ка отдыхать. У нас с тобой сегодня был очень длинный день. Уже поди глубокая ночь.

— Точно! — Полина начала загибать пальцы: — Отучились в универе — раз, сходили на концерт — два, уже собрались у тебя дома спать — три, как перенеслись сюда — четыре! А тут ещё этот Серафимович и прогулка по длинным коридорам и пустым аудиториям — пять и шесть. Всё, пора спать. Может, проснёмся у тебя дома и пойдём с утра в универ, как

нормальные люди и не вспомним даже весь этот магический бред.

Марта улыбнулась подруге.

— Вот за что я тебя люблю, Поль, так это за твой оптимизм! Ладно, пойдём спать.

И подруги направились в коридорчик, который единственный виднелся рядом с картиной с танцующими под музыку козлоногого Пана девушками. Едва они покинули гостиную, как за ними опустился полупрозрачный серебристый полог.

Коридорчик был небольшим и оканчивался уже знакомой дверью.

Девушки вошли в комнату, разулись и с удовольствием ступили босыми ногами на длинноворсный ковёр. Марта напрямик направилась в ванную — дверь всё так же была приоткрыта, как её и оставила женщина, которая приходила с Серафимовичем. Ванная была отделана плиткой шоколадного и молочного цветов. Душевая кабина, ванна, унитаз, раковина умывальника — всё было изящным и стильным. Раковина умывальника стояла на столике, словно её подставили под кран с холодной и горячей водой. Кабина душевой огорожена прозрачным стеклом, под ногами резиновый коврик. К ванне можно было подойти с любой стороны, по узким сторонам стояли полочки для моющих принадлежностей. Унитаз напоминал шкатулку...

И нигде не было зеркал. В комнате, кстати, тоже.

— Ты будешь ванну принимать или ограничишься душем? — крикнула Марта Полине.

— Наверное, душ. В ванне я усну, — ответила Полина, заглядывая в двери. Она уже успела снять ненавистное платье и теперь стояла в бюстгальтере и плавках.

— Ну тогда после меня, — сказала Марта, тоже снимая платье.

Кровати были в меру мягкими. И хотя девушки очень устали, они долго ворочались и никак не могли уснуть.

— Не спится? — спросила Полина из-под небесно-голубого полога.

— Да у меня только сейчас вопросы появились, которые надо было бы задать Анжелике, — посетовала Марта из-за золотистого полога.

— Завтра спросишь, — зевая сказала Полина.

— Завтра забуду, — ответила Марта.

— Запиши...

— На чём?

— Может, в письменном столе есть ручка и блокнот или тетрадь...

— Вставать неохота...

— Мне тоже, — Полина поворочалась, укладываясь поудобнее. — Как-то тут всё слишком красиво...

— Ага. Интересно, кто финансирует это учебное заведение? — Марта взбила подушку.

— Может, Анжелика знает? — предположила Полина.

— Думаешь?

— А почему нет? — снова предположила Полина и добавила: — Хотя, кто его знает?

— Серафимович...

— Что?

— Серафимович знает...

— Серафимович-то точно знает. — Полина помолчала немного, а потом спросила: — Март, как ты думаешь, а Серафимович ведьма?

— Ведьм, — ответила Марта.

— Ведьмак?

— Слишком много чести! Просто ведьм.

— Ну да, ну да, — сказала Марта, копируя интонацию Анжелики, и девушки засмеялись.

Смех был ленивый и полусонный. Он даже не вышел за пределы пространства между кроватями. Но опутал ночники, они притухли и погрузили комнату в темноту.

По комнате поплыл едва уловимый аромат роз. Он тёк от двери по ковру, заполнял пространства под столом и под кроватями, поднимался, затекал под пологи, забирался под одеяла...

— Сплю на новом месте, приснись жених невесте, — прошептала Полина засыпая.

— А я не хочу жениха. Я хочу выбраться отсюда побыстрее.

— Тут красиво.

— Красиво. Но меня не спросили, хочу ли я быть тут, — сказала Марта и закрыла глаза.

— И меня не спросили, — согласилась Полина, поворачиваясь на другой бок и выравнивая дыхание.

Едва девушки уснули, как в комнате словно бы из ниоткуда появился Серафимович — только что его не было, и вот он тут. Декан факультета привычным движением подкрутил усы и сказал едва слышно:

— Эх, поле в марте, поле в марте!..

Он подошёл ближе и остановился между кроватями. Посмотрел сначала на одну девушку, потом на другую.

— Вы даже не представляете, что вас ждёт! — сказал он и добавил, ехидно усмехнувшись: — Ведьм, значит? Что ж, вы сами напросились!

Серафимович повернулся к Марте и щёлкнул большим и средним пальцами. Под пологом сгустилась тьма, дыхание Марты стало прерывистым, ресницы её задрожали, на лице появилась тень страдания.

Потом Серафимович повернулся к Полине, посмотрел на неё, усмехнулся и тоже щёлкнул пальцами в её направлении. На щеках Полины заиграл румянец, рот приоткрылся и раздался тихий сладостный стон.

— Вот так-то, дорогие мои! — сказал Серафимович, глянул на наручные часы и исчез, будто его и не было.

Разбудила Марту Полина. Она громко возмушалась:

— Как так?! Такие деньжищи угрохали на всю эту обстановку и не смогли купить хоть маленькое зеркальце!

Полина бегала из ванной в спальню и обратно.

— Что случилось? — спросила Марта.

— Что случилось, что случилось?! — подскочила к ней Полина. — Сегодня первый день занятий, а я даже посмотреть на себя не могу... Боже, что с тобой?

Марта настороженно спросила:

— А что со мной?

— Ты выглядишь... Как бы... Неужели я тоже так выгляжу?!

И Полина снова забегала в поисках хоть какой-то отражающей поверхности.

Встревоженная Марта села на кровати и крикнула Полине:

— Остановись, не мельтеши! Иди сюда, объясни всё порядком! — в голосе Марты прозвучала сталь.

Полина послушалась. Она подошла к своей кровати и села напротив Марты, не сводя с неё глаз.

Девушки некоторое время молча сидели и смотрели друг на дружку — Полина испуганно, а Марта — встревоженно.

Потом Марта спокойно и медленно сказала:

— Ты выглядишь замечательно! По-моему, ты стала ещё красивее, чем была. — В глазах Полины промелькнуло недоверие. Марта удивлённо поняла бровь и спросила: — Что не так?

— Ну... — замялась Полина.

— Говори! — приказала Марта.

Полина виновато вздохнула и спросила:

— Я правда хорошо выгляжу?

— Я тебе когда-нибудь врала?

— Нет, но...

— Полина, не тяни уже! Говори! — взмолилась Марта.

Полина снова виновато вздохнула и начала бормотать едва слышно:

— Прости, Март! Я не знаю, как такое произошло... Ну, ты и раньше не была красавицей, а теперь...

— Что теперь? — сухо спросила Марта.

— Но я тебя всё равно люблю! — горячо заявила Полина, подскочив и схватив руку Марты и прижав её к груди. — И всё равно ты останешься моей лучшей подругой!

— То есть, я выгляжу не очень? — уточнила Марта.

— По правде сказать, ты выглядишь ужасно.

На милом личике Полины отразилась жалость.

Марта опустила глаза и задумалась. Полина снова села и сочувственно посмотрела на подругу.

Потом Марта, испытующе глядя на Полину, предложила:

— Давай опишем друг дружку. Сначала я тебя, потом ты меня. Будем описывать, как видим, станем зеркалом друг для друга... Итак... Твоя кожа стала чище. Веснушек почти не

видно, а те, что остались — очень милые. Волосы стали пышнее и теперь блестят, словно их покрыли золотом. И грудь, по-моему, стала побольше, а талия тоньше. Встань-ка. — Полина встала и покружилась. — Да, определённо талия стала тоньше, а грудь больше. И ягодички подтянулись. Теперь у тебя классная попка... Теперь опиши меня.

Полина снова села, а Марта, наоборот, встала, не спеша обернулась вокруг себя, давая Полине хорошенько рассмотреть все изменения, и тоже села.

— Ты... — неуверенно начала Полина.

— Не тяни только. И говори, как есть, — попросила Марта.

— Твоя кожа теперь не белая, а бледная, словно ты солнца сто лет не видела. Нос стал с горбинкой, на подбородке ужасная волосатая родинка. — Марта вздёрнула руку и пощупала родинку и нос, в глазах её вспыхнуло отчаяние, а Полина продолжала, словно боялась, что если она остановится, то у неё не хватит духу рассказать своей самой близкой подруге о страшных изменениях, постигших её внешность. — Волосы... скорее патлы... И... у тебя теперь есть небольшой горб, — и, словно испугавшись своих слов, Полина добавила: — Совсем небольшой. — Увидев, что Марта пала духом и сгорбилась ещё сильнее, затараторила: — Зато глаза! Марта у тебя теперь очень яркие и выразительные глаза! Даже подкрашивать не надо! Да ты не расстраивайся так!..

Последние слова Полина произнесла уже со слезами в голосе. Она пересела на кровать Марты и обняла подругу.

Но Марта не плакала. Она успокаивающе похлопала Полину по руке и задумчиво сказала:

— Я думаю, это как-то связано с договором учиться здесь. Думаю, когда мы доучимся, всё вернётся на свои места.

— Хоть бы вернулось! — горячо воскликнула Полина.

Потом вдруг нахмурилась и прикусила пухленькую губку. И поправила свои волосы, которые действительно стали намного роскошней.

Марта почувствовав, как Полина слегка напряглась и отстранилась, и удивлённо глянула на неё. И сразу же в глазах промелькнуло понимание.

— Не переживай, подруга! — грустно улыбнувшись, сказала Марта. — Думаю, твою красоту мы сумеем сохранить.

Полина доверчиво посмотрела на Марту и спросила:

— Правда?

— Правда, — успокоила её Марта и добавила: — Однако нам нужно поспешить, а то мы опоздаем к этой, как её?.. К Февроньи Статс, профессору и преподавателю истории магии. Оказывается, есть ещё и такая история.

— Ой, точно! — Подскочила Полина, довольная, что неприятный разговор прервался. — Мы ещё не опоздали? Когда начинается занятие? Сколько сейчас времени? Часов здесь тоже нет! Как так? Такая богатая обстановка, и ни часов, ни зеркал!..

Марта встала, подошла к окну и раздёрнула шторы. В комнату хлынул яркий дневной свет.

За окном был великолепный вид на склон холма или небольшой горы. Растительности на самой макушке холма не было — ни деревьев, ни, судя по цвету, травы. Холм был лысым. У его подножья раскинулся лесочек. Деревья там росли самые разные: ели, берёзы, осины, клёны, дубы, плюс какие-то экзотические... Это было необычно — видеть такое сочетание деревьев. Чередование тёмно-зелёных пятен елей и ярко-зелёной листвы, которая бывает

только в конце апреля у лиственных деревьев, чередование плотной кроны и ажурной, создавало ощущение умиротворяющей тайны. Слишком явной, чтобы быть естественного происхождения. Казалось, этот лесочек, все эти деревья были кем-то посажены.

Марта усмехнулась: видимо теми, кто построил университет магии. Или студентами...

Сразу от здания тянулся луг, уже цветущий. Он гладким полотном простирался от стен университета до лесочка, и даже затекал в лесочек. Коричневыми тесёмками пересекали луг узенькие тропинки и найденные дорожки — какие-то вели в обход здания университета, какие-то в лесочек.

— Думаю, нужно собираться и идти, — сказала Марта, не поворачиваясь к Полине и демонстративно любуясь видом.

Полина кивнула и убежала в ванну умываться и чистить зубы — новые зубные щётки стояли на столике в симпатичной керамической подставке, похожей на статуэтку, изображающую странное из квартиры Марты — ту, что стояла на полке рядом с вазой.

Марта дождалась, пока в ванной зашумит вода, и обернулась. Она по-новому оглядела комнату — пристально, как будто искала изъян в их с Полиной тюрьме. И не найдя его, снова посмотрела в окно.

— Ничего, ничего! — пробормотала она под нос. — Мы ещё поборемся! Нас такими мелочами не сломить! Подумаешь, родинка на подбородке?! Сейчас лазером их так убирают, что даже следов не остаётся! Про ринопластику вообще молчу! Да и горб ортопеда выправят, так что... Дайте только выбраться отсюда!

Потом Марта подошла к своей кровати и заправила её, добившись ровной и гладкой поверхности. Свою городскую одежду она ещё с вечера сложила в комод. Взяла платье, которое аккуратно висело на стуле, с сарказмом оглядела его со всех сторон, попробовала, как тянется ткань на спинке — в том месте, где теперь у неё возвышался горб, вздохнула и надела платье. Оно так легло на изменившуюся фигуру, словно было пошито специально для горбатой девушки. Марта осмотрела себя, подвигалась — в платье определённо было удобно.

Тем временем из ванной вышла Полина.

Она с сомнением взяла своё платье, небрежно брошенное вечером на письменный стол, придирчиво рассмотрела, тряхнула, пытаясь расправить образовавшиеся складки.

— Может, мне всё-таки свою одежду надеть? — спросила она у Марты.

— Не думаю. — Марта пожалала плечами. — Юбка не налезет на бёдра, а блузка с жилеткой не сойдутся в груди. — И уверенно добавила: — Надевай это. Складки на тебе расправятся. А впредь вешай аккуратно, не будет мяться.

— А это платье, думаешь, подойдёт?..

— Мне подошло, — сказала Марта и продемонстрировала подруге, как на ней сидит платье.

Полина зацепилась взглядом за горб Марты и закусила губу. Потом приложила платье к себе — вдруг оно стало мало?

Марта коротко взглянув на подругу, пошла умываться.

Когда Марта снова вернулась в спальню, Полина крутилась в платье, которое, само собой, прекрасно легло на обновлённую фигуру.

— Поля, постель заправь! — сказала Марта, прерывая подружкины танцы с платьем. — И вещи свои убери. Они тебе тут не понадобятся. Сейчас во всяком случае.

Полина вздохнула и пошла заправлять постель. У неё получилось не так ровно, как у Марты, но Полина была вполне удовлетворена. Потом она собрала юбку, блузку, жилетку и

шарф, свернула их и сложила в ящик комода, рядом с вещами Марты. Девушки решили, что под городскую одежду они выделяют нижний ящик — один на двоих. Ещё три ящика разделили так: в один сложили полотенца и постельные принадлежности, а два других оставили под личные вещи, если таковые появятся, — один Марте, один Полине.

Пока Полина приводила в порядок постель и одежду, Марта стояла в дверях и терпеливо ждала. Потом сунула ноги в подпрыгнувшие под них туфли и вышла в коридорчик. Полина поспешила следом.

В гостиной, наполненной светом — роликовые жалюзи на окнах были подняты — подруг ждала Анжелика. Увидев преображённых Марту с Полиной, она удивлённо вскинула брови и спросила:

— Когда вы успели насолить Серафимовичу?

— В смысле? — Не поняла Марта.

— Я про ваше наказание...

— Какое наказание? — спросила Полина, останавливаясь чуть позади Марты.

— Ну то, как вы выглядите...

Марта задумалась, а Полина, осматривая себя, спросила:

— Разве это наказание?

— Можешь даже не сомневаться! — жёстко ответила Анжелика и добавила чуть тише: — И я даже не знаю, у кого из вас оно жёстче.

Полина обижено надула пухлые губки, а Марта пожала плечами.

— Да мы вроде ничего такого...

— Ладно, разберётесь сами, — махнула рукой Анжелика. — Пойдёмте, а то скоро опоздаете.

— Анжелика, как тут узнавать время? — спросила Марта, едва поспевая за старостой. — Я не заметила здесь часов.

— Ну, часы тут одни — у Серафимовича. Но вы не переживайте, ваша комната всегда разбудит вас вовремя. Если, конечно, ночевать будете в своей комнате, — Анжелика многозначительно посмотрела на подруг. — А если придётся уснуть в другом месте, то точно на занятия проспите. И тогда будете наказаны. А так как тут университет магии, то и наказания — магические. Так что, не советую.

— Почему магическое? — спросила Полина.

— Это университет магии, детка, — изображая комика, ответила Анжелика. Глаза её при этом оставались грустными.

— А почему тут нет зеркал? — спросила Марта.

— Да, да! У нас в комнате нет ни одного зеркала! — возмущённо добавила Полина.

— Их во всём университете нет, — ответила Анжелика, останавливаясь перед тяжёлой высокой дверью. — Задайте этот вопрос профессору Февроньи Статс. Готовы? — Анжелика посмотрела на растерявшихся Марту и Полину.

— Перед смертью не надышишься, — пробурчала Марта. — Пойдём, Поля! — И толкнула дверь.

Девушки не сразу увидели профессора Февронью Статс. Первое, что их поразило, это шкафы вдоль стены. Высокие, явно ручной работы. Не гладкие ровные — современные, а с изогнутыми стенками и дверцами, словно мастер, изготовивший эти шкафы видел мир по-особенному — сюрреалистически.

Стёкла в дверках тоже меняли не только свою форму, но и толщину. Из-за этого, с

одной стороны, было непонятно, что именно находится на полках, а с другой — то, что проглядывало — флакончики, склянки, горшочки, весы и другое — вызывало некоторую оторопь.

Вдоль другой стены шли высокие стрельчатые окна с витражами. Несмотря на то, что на стене умещались три окна, в кабинете царил призрачный полумрак.

Разноцветные лучи пересекали комнату и падали на шкафы добавляя к игре формы ещё и игры света.

Именно поэтому девушки не сразу разглядели то, что было прямо перед ними: преподавательский стол, позади него школьную доску, рядом с ней книжный шкаф, полный старинных фолиантов и свитков. Около шкафа располагалась неприметная дверь.

«Такая дверь могла бы вести в лаборантскую», — подумала Марта.

За преподавательским столом, в кресле с высокой резной спинкой сидела седая женщина и терпеливо ждала, пока Полина и Марта оглядятся. Увидели её девушки только тогда, когда она предложила им сесть.

Столы для студентов располагались посреди кабинета. За каждым мог сидеть только один человек.

Девушки направились к ближайшим к преподавательскому столу.

— А что, больше никого не будет? — спросила Полина у Марты.

Марта пожала плечами.

— Сегодня больше никого не будет. Сегодня у вас индивидуальное занятие, — ответила на вопрос Полины Февронья Статс. — Здравствуйте, девушки и давайте знакомиться.

Не успели Полина с Мартой представится, как дверь лаборантской открылась и в кабинет вошёл молодой человек. Высокий, стройный блондин. Он был одет в чёрный лёгкий свитерок и чёрные брюки. В брюки был вдет ремень с крупной пряжкой в форме скорпиона. На вытянутых руках молодой человек нёс большой фолиант.

Аккуратно положив книгу на стол перед профессором, молодой человек, не глядя на девушек, остановился и склонил голову.

— Можете идти, Бард, — мягко сказала Февронья Статс.

Молодой человек развернулся и пошёл обратно в лаборантскую.

Казалось, время остановилось в тот момент, когда в учебную аудиторию вошёл он. Едва он вышел время забилось, словно сердце девушки, влюблённой с первого взгляда.

И Марта, и Полина ловили каждое его движение, поэтому испытали разочарование, когда он скрылся за дверью, так и не взглянув на них.

Февронья Статс между тем надела тонкие хлопчатобумажные перчатки, которые тут же достала из ящика своего стола, открыла фолиант и начала просматривать страницы, бормоча под нос:

— Так... так... где же оно? А! Вот! Итак, девушки... — Февронья Статс подняла голову и взглянула на подруг. — Девушки, вы меня слушаете?! Де-вуш-ки! — она повысила голос.

Марта встряхнулась и протёрла лицо ладонями, снимая наваждение.

— Да, профессор! — сказала она и приготовилась внимательно слушать.

Следом и Полина вынырнула из грёз и сказала:

— Да, слушаем. — Но в голосе её уверенности не было совсем.

— Насколько я понимаю, у вас это первая лекция в нашем университете?.. Вы только вчера прибыли?.. — не то спросила, не то констатировала Февронья Статс. В голосе её сквозило раздражение. А весь вид говорил о том, что у неё сейчас есть куда более важные

занятия, чем проводить урок таким невнимательным девушкам.

— Да, первая, — подтвердила Марта, а Полина просто кивнула.

— Ну тогда начнём с основ. Что вы знаете о магии?

Марта выпрямилась, насколько ей позволял горб, и сказала:

— Насколько я понимаю, вы спрашиваете не про то, о чём пишут в фэнтезийных романах?

— Конечно, нет, — подтвердила Февронья Статс.

— И не про костры инквизиции, — продолжила Марта развивать свою мысль.

— И не про костры, — улыбнулась Февронья Статс и добавила, — Хотя костры святой инквизиции имеют некоторое отношение к магии, но не в том смысле, в каком их приятно рассматривать.

— Значит, сказки тоже... хотя... — Марта задумалась.

Февронья Статс улыбнулась ещё шире и посмотрела на Полину, которая явно витала в облаках.

— А вы что думаете по этому поводу? — обратилась она к златовласой студентке.

— Магия — это любовь, — не задумываясь ответила Полина и, смутившись, забормотала: — То есть, я хотела сказать...

— Умничка! Вы всё правильно сказали, дорогая. В любви есть магия. В ней большая сила! — глаза седовласого профессора заблестели. Она помолчала задумчиво, потом вздохнула и продолжила, обращаясь к Полине: — Но магия проявляется не только в сильных чувствах. Подумайте, что ещё вы знаете о магии?

— Я могу сказать, чего мы не знаем о магии, — вдруг ни с того, ни с сего рассердившись, сказала, почти выкрикнула Марта.

— И чего вы не знаете? — Февронья Статс повернулась к Марте.

— Мы не знаем, как попали сюда. Мы не знаем, как одежда сама подогналась под наши изменившиеся размеры. Мы не знаем, как мы сами изменились, в конце концов! И почему именно так!.. — Марта всхлипнула, но очень быстро взяла себя в руки и сказала уже почти спокойно: — Извините.

Анна Юрьевна Бронько вышла за ворота первой городской больницы, куда её привезли на скорой, и где тщательно обследовали не только на предмет отравления, но и на предмет незамеченных травм и отпустили с вердиктом: «Здорова» и устной рекомендацией взять отпуск и уехать хотя бы на недельку из города. Лечащий доктор, выслушав сожалеющую о своей загубленной в следственных органах жизни пациентку и глядя на тёмные круги под её большими красивыми глазами, так и сказал: «Возьмите отпуск и уезжайте из города, чтобы вас не могли вызвать из-за какого-нибудь не законченного или нового очень важного дела! Всех преступников вы всё равно не поймаете, а если не отдохнёте, то больше вообще никого не поймаете».

В больнице Анна Юрьевна пролежала неделю. Доктор сказал, что по-хорошему её надо бы тут подержать подольше. И не столько ради того, чтобы найти причину её состояния, сколько для того, чтобы Анна Юрьевна хоть немного отоспалась. Но всё обследование, которое могли сделать в рамках больницы, сделали, все предписанные процедуры провели. Дольше удерживать в стационаре поводов не нашлось.

Но и за эту неделю Анна Юрьевна была благодарна доктору. Хотя, почти всё время, когда не забывалась тревожным сном, проплакала. Но это происходило хотя бы в больнице, а не на работе на глазах у всего личного состава.

Работа... Это была боль Анны Юрьевны. Обычно она никому не рассказывала о своей работе. В том, что касается следствий — это само собой — тайна следствия и всё такое. Но и о внутренней жизни в органах тоже помалкивала. И когда её спрашивали родственники или подруги, то внимательно смотрела в глаза, словно проводила допрос свидетеля. Что поделаешь, профдеформация. Неизвестно, что должно было произойти, чтобы Анна Юрьевна начала рассказывать, что, например, на прошлой неделе дежурства по графику выпали так, что она пришла на работу в понедельник утром, а ушла домой в пятницу вечером. Скажете: «Не бывает»? Ещё как бывает!

В органах, призванных следить за исполнением закона, нередко нарушается закон о труде.

Не со зла. А потому что из-за всевозможных оптимизаций оперативных сотрудников стало меньше, а количество правонарушений осталось то же, если не возросло. Плюс ещё сотрудники уходили то на больничный, то в отпуск, то на повышение квалификации... Вот и получалось, что Анна Юрьевна сильно перерабатывала.

Муж не выдержал такой жизни и ушёл. Детей с таким графиком не родилось. Кошку или собаку заводить не имело смысла. Вот так Анна Юрьева Бронько в свои тридцать пять осталась одна.

Когда она отправилась на вызов по поводу проникновения в квартиру, дело казалось ей абсолютно рядовым. Сколько подобных случаев бывает в Барнауле! Да и в других городах... Едва прибыла на место, стало понятно, что скорее всего, пострадавшая заберёт заявление, как только помирится со своим бойфрендом.

Но Анна Юрьевна была профессионалом, и поэтому начала следствие по форме, как полагается: опрос пострадавшей, опрос свидетельницы, осмотр места происшествия... И даже когда хозяйка квартиры вдруг упала в обморок, ничего из ряда вон выходящего не отметила. Пострадавшая — женщина молодая, переволновалась, вполне могла быть

беременной и... дело житейское. А вот когда и свидетельница — подруга хозяйки квартиры почувствовала себя плохо, а следом и саму Анну Юрьевну замутило, вот тут она испугалась, но уже ничего не смогла поделать.

Перед её глазами встала вся её жизнь во всей своей неприглядности. Когда она училась, мечтала о престижной профессии... мечтала сделать карьеру юриста. Гордо считала, что будет олицетворять собой закон и порядок. Будет с достоинством нести звание работника полиции.

Когда поступила в университет на юридический факультет, счастью её не было предела. Казалось, вытасила счастливый билет, пропуск в рай. Ещё бы! Такой конкурс! И родственники, и друзья в один голос твердили: «Здорово! Юрист — без работы не останешься!»

Без работы Анна Юрьевна не осталась. Работы было не просто много, а очень много!

Да, в жизни всё оказалось иначе. В свои тридцать пять Анна Юрьевна поняла, что где-то она очень сильно ошиблась.

Да ещё и эти сны... После случая с исчезновением девушек, Анне Юрьевне стали сниться сны. В них был красивый мужчина, элегантный и стильный, с усами «хэндлбарами» — напоминающими велосипедный руль — густыми, с длинными, закручивающимися вверх кончиками. Мужчина приходил с прекрасной алой бархатной розой и приглашал Анну Юрьевну на танец.

В тот момент, когда он дарил Анне Юрьевне розу, её форменная одежда превращалась в шикарное бальное платье, расшитое шёлком и жемчугом, удобные чёрные полусапожки становились изящными туфельками, подчёркивающими хрупкость и женственность Анны Юрьевны. Вместо папок с протоколами допросов появлялся пленяющий утончённой прелестью веер, а на руках — белоснежные кружевные перчатки до локтей. Волосы сами укладывались в красивую замысловатую причёску.

Анна Юрьевна лёгким, полным природной грации движением головы отвечала на приглашение и раскрывала веер в лёгком флирте.

Начинала звучать чарующая музыка. Мужчина предлагал Анне Юрьевне руку. Она с трепетом отдавала ему своё сердце.

А потом они танцевали, танцевали, танцевали...

А вокруг проступали картины из повседневной жизни Анны Юрьевны. Вот она с мамой и папой идёт на выпускной, вот ей вручают аттестат и золотую медаль и она, счастливая, спешит к родителям и пробегает мимо своего одноклассника Вовки Седова. Он влюблён в Анну Юрьевну... Аннушку. Но она не замечает его, её ждёт большое будущее!

Вот они с родителями несут документы в университет, вот она сдаёт вступительные экзамены — с ней вместе сдаёт экзамены и Вовка. Глупый! Куда он сунулся со своими тройками по истории? Естественно, не прошёл по конкурсу... Но ей-то какое дело до неудачника?

Вот она в стройотряде. Они едут на слёт стройотрядов и снова судьба сталкивает их с Вовкой. Он поступил в Политехнический и стал командиром стройотряда. Он играет на гитаре и вокруг него много девушек и парней. Он, оказывается, душа компании! Он дарит Аннушке песню со сцены...

Но у Анны Юрьевны уже есть Владимир. Сын богатых родителей. Он не поехал в стройотряд. Он считает стройотряд занятием для плебеев. Он всегда чисто выбрит, одет с иголочки. Он умён и будет известным адвокатом.

Он предлагает Анне Юрьевне заключить брачный контракт.

Вот свадьба. Небольшая — чего зря деньги тратить? Первая брачная ночь. Презерватив — дети пока не нужны, нужно закончить университет, устроить свою жизнь, потом уж как-нибудь...

Вот в разгаре диплом и недовольство Владимира тем, что Анна Юрьевна не погладила ему рубашку — ты женщина! Должна... Остальное — блажь!

Первые слёзы и первое примирение.

Вот робкий разговор о детях и насмешливое: «Не терпится стать курицей?»

Вот встреча выпускников и завистливое подружек: «Анька! Какой у тебя муж красавчик! Повезло же тебе!» И торопливое в ответ: «Да-да, конечно...» И галантный Владимир, одаривающий подружек Анны Юрьевны комплиментами... и Вовка Седов, всё время разговаривающий с приятелем в стороне от всех...

А потом дома скандал.

Потом ещё один.

У Владимира срочные дела... допоздна. И снова... И опять...

А у Анны Юрьевны две ночные смены подряд — сразу трое следователей выпали из графика: одна на больничный, а двое на учёбу.

Снова скандал и... развод.

И боль. Постоянная, нескончаемая боль.

Чем дольше звучит музыка, чем дольше Анна Юрьевна танцует с незнакомцем, тем сильнее боль.

Просьпалась Анна Юрьевна от слёз и от сожаления о своей загубленной жизни. А потом целый день неприкаянно ходила по больничному коридору или лежала, отвернувшись к стене и не реагируя на расспросы товаров по палате, медсестёр и врачей.

Когда врач выписывал её, то очень рекомендовал обратиться к хорошему частному психологу или в клинику неврозов. Он опасался, что Анна Юрьевна сведёт счёты с жизнью и очень сожалел, что не может задержать её в больнице — тут хотя бы под присмотром...

На следующий день после выписки Анна Юрьевна вышла на работу и её сразу же пригласили в прокуратуру — дать показания по поводу дела об исчезновении двух девушек. И она пошла.

В кабинете сидел чисто выбритый, жилистый мужчина лет сорока, в гражданской одежде и перебирал бумаги. Когда Анна Юрьевна вошла, он движением головы указал на стул рядом с его столом.

Анна Юрьевна, почему-то робея, присела и сложила руки на коленях. Она осматривала кабинет, но как-то отстранённо, словно это был не настоящий мир, а нарисованный в комиксах или на иллюстрации к скучной книге. А настоящий был там, где она танцевала с незнакомцем, где он дарил ей алую бархатную розу с тонким чудесным ароматом.

Наконец, мужчина оторвался от своих бумаг.

— Следователь прокуратуры Петров, — представился он и добавил: — Как вы себя чувствуете, Анна Юрьевна? — голос его был на удивление приятный, мягкий баритон.

Анна Юрьевна вздохнула и кивнула:

— Спасибо, уже лучше.

— Извините, что вызвал вас сюда. По-хорошему нужно было бы встретиться с вами раньше, но ваш лечащий врач категорически запретил все встречи. Сказал, что мы и так

загнали вас, как загоняют лошадей.

В голосе следователя прокуратуры неожиданно прозвучало сочувствие, и Анна Юрьевна с удивлением посмотрела на него.

Не дождавшись ответа, следователь продолжил:

— Вы непосредственно общались с девушками перед их исчезновением, расскажите, что там произошло?

Анна Юрьевна молчала. Она снова окунулась в розовый аромат, витавший тогда в квартире, и снова услышала чарующую музыку из своих снов. И если учесть, что сейчас она не спала, это испугало её.

Следователь, снова не дождавшись ответа, пояснил:

— Понимаете, я расспросил ваших напарников, но они были в коридоре и ничего толком не видели, да и к вашему разговору с пострадавшей и свидетельницей не прислушивались. Анна Юрьевна, что там произошло?

Анна Юрьевна пожала плечами и взглянула на своего собеседника, как на картинку из сна — на одну из длинной череды картинок, отражающих её прошлое. Она не знала, о чём сейчас говорить. У неё время от времени бывали мысли или даже фантазии по поводу того, что произошло. Но это были фантазии, а не факты. Следователь поднимет её на смех. У неё в голове всё ещё звучали слова Владимира, когда она попросила его проявить хоть немного романтики: «Баба, со своими бабскими глупостями!»

Поэтому Анна Юрьевна собралась с силами и прочистив охрипшее вдруг горло сказала чужим, казённым голосом:

— Да ничего особенного не случилось. Я допрашивала хозяйку квартиры и её подругу и попросила посмотреть, не пропало ли чего. Девушки прошли в комнату и сначала одна, а потом другая упали в обморок. Мне тоже стало нехорошо, остальное я почти не помню.

Следователь покачал головой. Он примерно такого ответа и ждал, но всё равно был несколько разочарован — он надеялся, что разговор с Анной Юрьевной приподнимет завесу над тайной. Но этого не случилось. Можно было отпустить свидетельницу — Анна Юрьевна уже готова была подняться и уйти.

И тут случилось странное: следователь вдруг отодвинул все бумаги в сторону и тепло улыбнувшись, спросил:

— Хотите чаю?

— Что? — не поняла Анна Юрьевна.

— Чаю... У меня есть хороший чай. Превосходный букет...

Анна Юрьевна неуверенно пожала плечами и вдруг кивнула.

— Вот и хорошо! — засуетился следователь прокуратуры Петров.

Он встал, проверил в электрическом чайнике воду, добавил из кулера и включил нагрев. Достал из стола небольшой заварочный керамический чайничек и жестяную коробочку, в которой хранилась заварка. И два керамических бокала — ширпотребовские, лишённые всяческого изящества и индивидуальности.

— Кружки только такие, — извинился следователь.

— Ничего страшного, — улыбнулась Анна Юрьевна.

Электрочайник зашумел, забурлил и отключился. Следователь плеснул кипятка в заварочный чайничек, прикрыл крышечкой и покачал.

— Пусть прогреется. Тогда заварка лучше отдаст все свои ароматы.

Анна Юрьевна улыбнулась.

Достав третью кружку, следователь вылил воду в неё, а в заварочный чайник насыпал заварки, залил её кипятком и плотно закрыл крышкой.

— Пусть постоит две минутки... Вы не торопитесь?

Анна Юрьевна не торопилась. Её, конечно, ждали дела — незаконченные до больницы и новые, накопившиеся за время лечения, но впервые в жизни они ушли на второй, или даже на третий план. Анна Юрьевна вдруг увидела перед собой не следователя, а мужчину. Это так поразило её, что неожиданно для себя она спросила:

— Как вас зовут?

Рука следователя прокуратуры Петрова, уже поднявшая заварочный чайник, дрогнула и чайник снова оказался на столе. Мужчина неуверенно поскрёб на щеке то место, где должна быть щетина, пожал плечами, развёл руки и сказал:

— Пётр Ильич я, м-м-м... просто Пётр.

Анна Юрьевна улыбнулась ему тепло и сказала:

— Я тогда просто Анна.

Ей было непривычно и приятно видеть не служителя правопорядка, а живого человека. Как будто такое простое действие, как знакомство, называние имени, обладало магическими свойствами — превращало винтик в машине правосудия в человека, обычного человека со своими слабостями и пристрастиями.

Мужчина смотрел на Анну Юрьевну открыто и незащитно, и она увидела вдруг сеточку морщинок около глаз, глубокие складки на лбу и от носа к губам... Губы... чувственные, рельефные... Нос — уверенный такой нос! А глаза тёплые, умные... Волосы коротко острижены, на лбу небольшие залысины. Уши расположены высоко — чуть выше линии бровей. Брови густые, слегка округлые, без изломов, волоски не длинные. А ещё — широкая грудь и сильная шея. И руки... руки настоящего мужчины.

Пётр Ильич снова взял чайничек и начал разливать чай. По кабинету поплыл чудесный аромат — немного томного юга, немного яркого солнца, чуть-чуть морского бриза и... сказки Шахеризады.

В эти ароматы вплелась чарующая музыка, звучащая в душе Анны Юрьевны, смешала их, приправила тонким флёром запаха роз и лёгким призрачным покрывалом укутала Анну Юрьевну.

Пётр Ильич пододвинул Анне Юрьевне бокал с чаем и сказал, извиняясь:

— Печенюшек бы или конфет, но свежих не купил, а деревянные даже предлагать не буду.

— Я не голодна, — успокоила мужчину Анна Юрьевна и добавила, вдохнув аромат: — А чай действительно великолепен!

— Это моя слабость! — признался Пётр Ильич. — Кто-то пьёт, кто-то курит, кто-то по горам лазит, а я вот чай люблю.

Словно чайной ложечкой размешали чай, и чайники полетели по кругу, так эти слова всколыхнули воспоминания. За одну из чаинок Анна Юрьевна зацепилась взглядом. Нахмурилась, поставила бокал на стол и сказала серьёзным тоном:

— Знаете, я вспомнила... Похоже, хозяйка квартиры... ну... которая исчезла с подругой... — Пётр Ильич кивнул, показывая, что понимает, о ком идёт речь и слушает внимательно. — Похоже, хозяйка тоже любительница чая. У неё на полочке целая коллекция. А ещё, по-моему, она увлекается керамикой... Сама делает... вазочки там, статуэтки, украшения... Мне так показалось. Не знаю, поможет вам это или нет...

— Я тоже не знаю, — вздохнул Пётр Ильич. — Но мне думается, в этом деле важна каждая мелочь. Кто знает, какая из них выстрелит? И вполне возможно вот такие детали и детальки помогут воссоздать картину происшествия.

Анна Юрьевна была полностью согласна с Петром Ильичом. И хотя она больше не вела это дело, а проходила теперь по нему как свидетельница, оставаться равнодушной к судьбе двух девушек она не могла. Тем более, что теперь вёл дело такой замечательный, такой человеческий следователь!

— Если я ещё что вспомню... — протянула Анна Юрьевна.

— Я буду очень рад. — закончил фразу Пётр Ильич.

Когда закончились занятия у Февроньи Статс, Марта с Полиной вышли в коридор и остановились. Они не знали, куда идти дальше и впервые со дня знакомства не глядели друг на дружку. Девушки стояли молча в коридоре. Мимо спешили студенты и студентки, но на подруг никто не обращал внимания.

Наконец из неприметного коридорчика вынырнула раздражённая Анжелика и подскочила к Марте с Полиной. Казалось, она готова была сейчас придушить сразу обеих девушек. Но вместо этого, Анжелика соединила кончики пальцев, прикрыла глаза, вдохнула, выдохнула и спросила уже легко:

— В чём проблема? Не помните, куда идти дальше? Пойдёмте, я провожу вас. — Слова прозвучали скороговоркой.

Ещё не договорив, Анжелика быстро пошла по коридору.

Марта удивлённо посмотрела на старосту и поспешила за ней и за Полиной, которая сразу же догнала Анжелику.

Полина почти бежала рядом с Анжеликой и несколько раз открывала рот, чтобы спросить, что это за интересный лаборант работает у Февроньи Статс, но всякий раз натыкалась на холодный и несколько раздражённый взгляд Анжелики, и вопрос оставался незадаанным.

Из коридора вышли на широкую лестницу, по которой спускалась толпа студенток. Но Анжелика не сбавила шага. Она пошла наперерез толпе, словно крейсер, рассекая волну девушек в чёрных длинных платьях. Марте и Полине ничего не оставалось, как идти сразу вслед за старостой, иначе они рисковали сильно отстать в толпе.

Наконец препятствие было преодолено. Анжелика остановилась около двери, украшенной резьбой — цветочным узором. Посмотрела на подруг и сказала:

— Сейчас у вас травоведение. Преподаёт профессор Агафья Тихоновна Бабушкина. — и уже разворачиваясь, чтобы идти, добавила через плечо: — Не ведитесь на её милоту, она настоящая ведьма. И вообще, — Анжелика смерила взглядом подруг, — не ведитесь на провокации преподавателей...

В следующий миг Анжелика затерялась среди студентов.

Девушки постояли ещё немного, потом посмотрели друг на дружку. В их взглядах были растерянность, извинения и неуют.

Первой ладонь протянула Полина.

— Мир? — спросила она.

— Да мы, вроде, не ссорились... — ответила Марта, но руку подруге пожала.

— Не ссорились, — подтвердила Полина. — Только я себя чувствую так, как будто мы насмерть переругались.

Марта вздохнула и призналась:

— Я почему-то тоже себя так чувствую.

— Нам нужно держаться вместе, — сказала Полина.

— Ну да, тебе без меня не выбраться отсюда, — подтвердила Марта.

Полина грустно улыбнулась и склонила голову.

Дверь, кабинета, у которого Анжелика оставила подруг, открылась и выглянула сухонькая старушка — приятная, с солнечными морщинками в уголках глаз и около губ. Её

волосы были не просто седыми, они были белыми, и собраны на затылке в шишку. На голове у Агафьи Тихоновны красовался хлопчатобумажный платочек в мелкий горошек, он был повязан под подбородком. Вязаная кофта с карманами и длинная ситцевая юбка с цветочным рисунком.

— Что же вы не заходите? — спросила Агафья Тихоновна, сразу же определив, кто именно из многоликой толпы студенток пришёл к ней на занятия. Голос её был по-домашнему мягкий, успокаивающий.

Марта отметила, что больше никто в коридоре не отреагировал на слова профессора.

— А что, больше никого не будет? — спросила она, заранее догадываясь о том, что преподаватель ответит.

— Сегодня у вас индивидуальное занятие. Сегодня мы с вами познакомимся, — мило улыбаясь, ответила преподаватель травоведения. — Проходите, пожалуйста.

И Агафья Тихоновна распахнула пошире двери, пропуская девушек.

Едва Марта и Полина шагнули в кабинет, как очутились на летней лесной поляне. Пригревало солнышко, дул лёгкий ветерок, пели птицы, жужжали насекомые, цвели и пахли травы. Посреди поляны стояли ученические столы, перед ними — учительский стол и доска, в лотке внизу лежал мел, рядом на крючке висела губка.

— Ух ты! — не сдержала восхищения Полина. — Занятие на открытом воздухе!

— А если вдруг дождь? — любуясь природной красотой, спросила Марта.

— Тут дожди идут только тогда, когда им позволено идти, — ответила Агафья Тихоновна. — Проходите, девушки, садитесь!

Подруги сели и приготовились слушать.

Агафья Тихоновна начала с того же, с чего и Февронья Статс — с вопроса о магии. Только у неё вопрос звучал чуть иначе — с учётом специфики её предмета:

— Что вы знаете о магических травах?

Подруги задумались. Потом Полина несмело предположила:

— А когда на ромашке гадают, это магия?

— В общем, да, — Агафья Тихоновна улыбнулась.

— А цветок папоротника? — продолжила приободрённая Полина.

— Папоротник не цветёт! — отрезала Марта и усмехнулась. — Это древнейшее растение. У него ещё даже листьев нет. То, что мы принимаем за лист, это плосковетки или вайи с листовыми побегами. Папоротник ещё даже не успел эволюционно разделить плосковетки на стебель и лист. Растения цветут, чтобы были семена, а папоротник размножается спорами и вегетативно. Он не цветёт!

Полина сникла, а Агафья Тихоновна улыбнулась ещё шире.

— Что ж, вижу, занятия у нас будут проходить интересно, — прокомментировала она слова Марты. — Вы обе правы, девушки. Папоротник не цветёт. Но цветок папоротника — магическое растение.

— Как так? — удивилась Марта. — Если его не существует, как он может быть?

— Вы даже не представляете, что может быть! — успокаивающе сказала Агафья Тихоновна. — Но мы к папоротнику вернёмся позже, а сейчас...

Она не успела закончить фразу, как хрустнула ветка и из леса на лужайку вышел златорогий олень. Он, нисколько не пугаясь ни девушек, ни преподавателя, подошёл к доске и принялся щипать траву около ножки, словно в другом месте травы не было вовсе или именно тут была самая вкусная.

Агафья Тихоновна подошла к оленю и ласково похлопала его по крупу.

— Заграй, ну что ты мешаешь нам заниматься? Что-то случилось? А, Заграй? — спросила она у животного.

Олень громко вздохнул и повернул рогатую голову к девушкам. Поизучав их некоторое время, он снова повернулся к Агафье Тихоновне и снова вздохнул, на это раз со стоном.

Девушки сидели, боясь пошевелиться и расширенными глазами рассматривали рогатого красавца.

— Думаешь, это одна из них? — спросила Агафья Тихоновна у оленя.

Он согласно качнул головой, потом вытянул шею и горестно закричал.

— ...Или обе? — продолжила расспрашивать оленя профессор травоведения.

Олень возмущённо встряхнулся.

— Значит, одна... — Агафья Тихоновна задумчиво посмотрела на подруг. — Которая?

Марта с Полиной сидели потрясённые. Пожалуй, олень удивил их гораздо сильнее всего остального, что они до сих пор увидели в университете магии.

Девушки вроде и слышали о чём разговаривает с оленем их преподаватель, но слова оставались где-то далеко. Весь первый план занимал олень. Красивейшее гордое животное с шикарными ветвистыми рогами, каждый рог имел по семь веточек. Гладкая шкура, под которой угадывались мощные мышцы... Небольшой короткий хвостик, тонкие стройные ноги, хорошо очерченные копыта... И глаза... Умные, внимательные глаза...

В какой-то момент подруги очнулись от того, что установилась тишина. И Агафья Тихоновна, и олень смотрели на девушек и словно чего-то ждали.

Марта с Полиной переглянулись и снова уставились на рогатого гостя.

Внезапно Полина почувствовала непреодолимое желание встать и подойти к оленю. Она несмело поднялась.

Он опять вытянул шею, потряс головой и закричал. На это раз победно и призывно.

И откуда-то из леса ему ответили!

Полина неуверенно шагнула к рогатому красавцу.

Но тут Агафья Тихоновна, с не соответствующей возрасту прытью, быстро обежала и оленя, и преподавательский стол и встала на пути Полины.

— Ты что, с ума сошёл? — напустилась она на оленя. — Она же первый день в университете! Она же ничего ещё не умеет!

Олень в ответ закричал, и в его голосе прозвучали обида и возмущение.

— Да! Я всё понимаю! Но она ещё ничего не знает! Она просто погибнет ни за что! Не пушу пока!

Олень наклонил голову и выставил рога в направлении Агафьи Тихоновны.

— Да как ты не поймёшь, глупое ты животное!..

Олень возмущённо фыркнул и решительно двинулся в сторону профессора травоведения.

— Правда, что ли?! — насмешливо спросила она и скрестила на груди руки. — Ну давай! Чего медлишь-то?

Сухонькая старушка стояла на пути двухсоткилограммового рогатого исполина, готового смести её со своего пути одним движением ветвистых золотых рогов. Несколько минут они смотрели друг на друга. Потом олень отвёл взгляд.

Казалось, он был очень расстроен. Марта с Полиной смотрели на то, как он опустил голову, неуклюже развернулся, словно бы случайно задел крупом доску, отчего та

покачнулась и едва не упала, и пошёл к лесу. Прежде чем скрыться среди деревьев, олень остановился, оглянулся, снова посмотрел на Полину, вытянул шею и закричал. И такие боль и тоска были в этом крике, что подружки схватились за руки и прижались друг к другу.

Ветки сомкнулись за оленем, но девушки готовы были поклясться, что в последний момент видели среди веток ещё нескольких оленей, которые окружили своего вожака, словно бы о чём-то спрашивая его, а потом все ушли в лес.

На поляне повисла тишина. Полина растеряно смотрела на подругу, словно умоляла её объяснить, что этому оленю от неё нужно. А Марта, казалось, сгорбилась ещё сильнее.

Первой нарушила тишину Агафья Тихоновна. Она подошла к доске, взяла кусочек мела и постучала им по гладкой поверхности.

— Девушки, садитесь, наше занятие ещё не окончено.

Марта и Полина опустились на свои места, но едва присели, как с визгом вскочили на стулья, а потом и на столы — между ученических столов мелькая тёмно-коричневой почти чёрной зигзагообразной полосой вдоль спины и пробуя языком воздух, ползла гадюка обыкновенная. Только очень большая.

Змея проползла под столом и, свернувшись кольцами, остановилась около Агафьи Тихоновны. Подняла голову и уставилась на профессора травологии.

Подруги перестали визжать и вытянули шеи, чтобы увидеть, что там, за преподавательским столом происходит. Они очень боялись, что змея нападёт на их преподавателя, а потом и на них.

— Шуша, и ты туда же? Ну что мне с вами делать? — спросила у змеи Агафья Тихоновна.

Змея зашипела, задвигала длинным телом, сплетая его в кольца и оставаясь при этом на месте.

— И которая из них?.. — спросила у змеи старушка.

Змея повернула голову к девушкам, потрогала воздух языком и едва заметно качнула головой в сторону Марты.

Марта побледнела и сжалась в комочек, на глазах у неё выступили слёзы отчаяния. Ей показалось, что сейчас её отдадут на съедение змее. Полина готова была кинуться к подруге, чтобы успокоить её и защитить, и даже спустилась на стул, но, глянув на змею, снова поднялась на стол и сочувственно посмотрела на подругу.

— А ты в курсе, что она первый день тут? — с усмешкой говорила между тем Агафья Тихоновна змее.

Змея легла, продолжая ползти на месте и всем своим видом показывая, что никуда она не уйдёт, без того, что ей нужно.

Агафья Тихоновна бесстрашно склонилась к змее.

Девушки затаив дыхание смотрели в пространство между тумбами преподавательского стола. И прислушивались, со страхом и трепетом ловя каждое слово.

Агафья Тихоновна между тем говорила змее негромко:

— Я понимаю вас, Шуша, я сама устала. Но девочка ещё не готова! Ты же мудрая, ты же понимаешь! Если она сейчас выйдет на битву, то проиграет!

Но судя по всему, змея была с профессором не согласна.

— Ладно, Шуша, я обещаю тебе подготовить её, как можно быстрее.

Змея подняла голову, потрогала языком воздух и уставилась в глаза профессора.

— Я тебя когда-нибудь подводила? — спросила Агафья Тихоновна.

Змея пошипела ещё немного, и... поползла обратно.

Между столов девушек остановилась, подняла голову так высоко, что она оказалась на уровне столешницы. Положила голову на столешницу Мартинового стола и посмотрела немигающим взглядом на Марту. Потрогала языком воздух. Потом опустилась на землю и быстро уползла.

Марта и Полина не спешили спускаться со столов. Они внимательно оглядывали траву со всех сторон.

Агафья Тихоновна вздохнула и сказала подругам:

— Она уползла. Садитесь, девушки. Мы, наконец-то должны поговорить о ваших...

Прервала Агафью Тихоновну белая лебёдушка. Она с шумом опустилась на стол и захлопала крыльями и защёлкала клювом.

— Лелевеля? И ты тут? — Агафья Тихоновна была не просто удивлена, она была потрясена. — Но их же только две!

Лебёдушка дёрнула длинной шеей и расправила широкие крылья.

— Ладно верю, верю! — воскликнула Агафья Тихоновна. — Но как такое может быть?

Лебёдушка захлопала крыльями.

— Значит, есть и третья! Тогда всё понятно! Тогда, возможно, у нас есть шанс...

Лебёдушка подошла к краю стола и, напрашиваясь на ласку, ткнулась головой в руку Агафьи Тихоновны.

Профессор травологии погладила птицу и задумчиво сказала:

— Это надо хорошенько обдумать... Интересно, кто третья, и почему она не в университете магии?

Агафья Тихоновна задумалась, машинально поглаживая лебёдушку, которая подставляла под ласку голову и длинную шею. Девушки тоже вытягивали шеи, пытаясь разглядеть невидимое. Наконец, Агафья Тихоновна встряхнулась и сказала лебёдушке:

— Ладно, Лелевеля, лети пока, я всё поняла.

Лебедь оттолкнулась от стола и взлетела.

Агафья Тихоновна проводила её задумчивым взглядом и попросила девушек:

— Расскажите, пожалуйста, как вы узнали про наш университет и как попали сюда? Сюда ведь просто так с улицы не войдёшь! И кто наложил на вас заклятие, изменившее ваш внешний вид?

— Наверное, Серафимович, мы точно не знаем, — задумчиво сказала Марта и повела плечами, как бы проверяя — на месте ли горб.

— Анжелика, староста курса... — Агафья Тихоновна кивнула, что понимает о ком речь, — сказала, что это Серафимович, — подтвердила Полина.

Агафья Тихоновна понимающе кивнула.

— А вы можете это заклятие снять? — спросила Марта, слезая со стола и присаживаясь на стул.

Агафья Тихоновна, соглашаясь со своими мыслями, покачала головой и внимательно посмотрела на Марту, потом на Полину, которая тоже слезла со стола.

— Могу, — сказала она задумчиво. — Но пока мы этого делать не будем. Нужно во всём хорошенько разобраться. Нужно понять, кто третья. Расскажите, как вы сюда попали?

— Третья? — переспросила Марта. — В смысле?

— С вами должна была попасть сюда ещё одна девушка или молодая женщина. Но у нас в университете уже давно не было новеньких. Вы единственные за полгода.

Марта с Полиной переглянулись.

— Но у нас больше нет подруг, мы дружим вдвоём, — сказала Полина.

И Марта согласно кивнула.

— Хорошо, я поняла. Расскажите, как вы сюда попали, — в третий раз попросила профессор травологии. — Только пожалуйста, со всеми деталями.

Подруги переглянулись и Марта начала рассказывать о клубе, концерте, подсевшем к ним мужчине в чёрном пальто, с белым шарфом и с усами «хэндлбарами», о том, что он обращался к ней одной, а на Полину внимания не обращал.

Агафья Тихоновна удивлённо приподняла бровь, но потом пробормотала под нос:

— Странно... С Шушей-то понятно... А Заграй не мог ошибиться! Он вообще первым почувствовал! Ладно, с этим позже разберёмся. Что дальше было?

Марта продолжила рассказ, о том, как незнакомец позвал её отправиться с ним в университет магии, а она решила, что он предлагает сниматься в порнофильме. Ведь это же просто чушь! Университет магии!

Марта запнулась.

— Ну... мы тогда не знали ещё...

Агафья Тихоновна одобряюще улыбнулась, и Марта продолжила рассказывать, пытаясь вспомнить как можно больше деталей. Время от времени Полина добавляла какую-нибудь подробность, которую Марта упустила.

— Потом, когда мы вернулись к столику, его уже не было. Мы ещё немного побыли в клубе и пошли домой ко мне. — Марта снова запнулась и пояснила: — Я рядом живу.

Агафья Тихоновна снова ободряюще улыбнулась и попросила продолжать рассказ так же подробно.

— Ну, мы когда домой пришли, не сразу заметили... Мы сначала на кухню пошли, покушали, чаю попили... Потом пошли отдыхать. Полина у меня ночевать осталась...

Полина согласно кивнула и Марта продолжила.

— А там вся комната в розовых лепестках и букет роз в вазе на журнальном столике. Причём, в моей вазе, которую я сама сделала и которая совсем не предназначена для цветов! Вы представляете?!

— Значит, всё-таки заклятие роз... Кто бы сомневался! — усмехнулась профессор травологии. — Что дальше?

— Ну, мы вызвали полицию. Это же проникновение в квартиру! — продолжила Марта. — Приехала следственная бригада. Эксперт отпечатки везде снимал, а мы со следователем разговаривали. А потом прошли посмотреть, не пропало ли чего...

— А потом Марта потеряла сознание, и мы со следователем уложили её на диван. — продолжила рассказ Полина. — Дальше я помню только, что лепестки роз очень жгли ноги. И, наверное, я тоже упала, и перевернула вазу с букетом, потому что, когда я очнулась, то была вся мокрая.

— Странно... — пробормотала Агафья Тихоновна. — Ничего не понимаю! Откуда взялась третья? А она точно есть! Лелевеля не случайно прилетела! Ведь если это заклятие роз, то оно должно было связать всех молодых женщин, оказавшихся в поле действия заклятия. И судя по тому, что прилетела Лелевеля, вас должно быть трое. И вы трое одновременно должны были оказаться в квартире. В одном месте и в одно время! А вас только двое! Так не бывает! Что-то вы ещё выпустили, какую-то деталь!.. То есть, здесь в университете вас должно быть трое! Вы все три должны были попасть под одно заклятие.

Когда Агафья Тихоновна говорила о трёх девушках, Полина уже открыла рот, сказать, что следователь не мужчина, а женщина. Но наткнувшись на взгляд Марты, прикусила язычок.

Марта, пристально глядя на подругу, едва заметно покачала головой, мол, не надо об этом говорить. А когда Агафья Тихоновна попросила Марту вспомнить ещё какие-то детали, Марта пожалала плечами, мол, всё, что вспомнила, рассказала.

Полина подтвердила — всё честно рассказали, всё, как было...

Агафья Тихоновна ещё некоторое время расспрашивала девушек, но они больше ничего существенного не добавили. Всплывали какие-то мелочи, которые никак не могли пролить свет на отсутствие третьей жертвы заклятия роз. Но абсолютно ничего существенного.

Когда в очередной раз профессор травологии задумалась, Марта спросила у неё:

— Агафья Тихоновна, в что это за заклятие такое? Роз...

Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на Марту, потом на Полину и неохотно ответила:

— Это призывное заклятие. Оно призывает проявиться древнюю кровь.

— Это что, значит, в наших венах течёт древняя кровь? — с воодушевлением спросила Полина.

— Это значит, что древняя кровь течёт в ваших венах сейчас! — усмехнулась Агафья Тихоновна. — А была ли она раньше, этого теперь никто не узнает.

— И чем это нам грозит? — спросила Марта, снова пошевелив плечами и ощутив горб.

Агафья Тихоновна сочувственно посмотрела на подруг и неохотно, словно насильно вытаскивая слова ответила:

— Если в вас древняя кровь была, то она усилится, и вы станете сильными колдуньями. Если не было, то сожжёт вас изнутри. Ваша жизнь будет очень яркой, но короткой. Это как... — Агафья Тихоновна задумалась ненадолго. — Это как...

— Как костёр? — спросила Марта. — Сухие дрова сгорят быстро и дадут много тепла, а мокрые — будут тлеть и дымить?

— Нет, — ответила Агафья Тихоновна. — Это как дикая лошадь. Сможешь укротить — будет работать на тебя, станет первым помощником и верным другом. Не сможешь укротить — сбросит, да ещё и затопчет. — И добавила деловым тоном: — Так, на сегодня время вышло. Дальше вы будете приходить со своей группой на общие лекции и практические занятия. Индивидуальных занятий скорее всего больше не будет. А жаль! Вас нужно быстро и хорошо подготовить... Вам предстоит... — профессор травологии оборвала себя, а потом продолжила как ни в чём не бывало: — Предлагаю вам записаться ко мне на факультативные занятия... Это у старосты у своей запишетесь. Она включит факультатив в ваше расписание. А может... — Агафья Тихоновна снова ненадолго задумалась, а потом продолжила решительно: — Да, именно так я и сделаю! Я поговорю с ректором. Думаю, она одобрит индивидуальные занятия. Потому как времени до Бельтайна осталось совсем мало. Ну всё, идите. До свидания.

Марта с Полиной и оглянуться не успели, как оказались за дверью.

— Марта, почему про следователя... — начала было Полина, но Марта, всё ещё глядя на дверь кабинета травологии, перебила её:

— Не сейчас, Поля! Не сейчас...

Марта стояла посреди коридора и задумчиво теребила платье. Полина маялась рядом. Их обходили, обтекали студентки, спешащие на лекции и практические занятия в

университете магии. Полина провожала их нетерпеливыми взглядами, а Марта, казалось, никого не видела.

Из оцепенения Марту вывел голос Анжелики. Она была раздражена и почти не скрывала этого.

— Я зачем вам дала листочек с расписанием? Что, тяжело посмотреть и самим отправиться на следующее занятие? Нет! Я должна бросить подготовку к коллоквиуму и лететь к вам, чтобы в очередной раз проводить до нужной двери!

— Анжелика, а перерыв на обед у нас будет, — прервала Марта старосту, голос её звучал несколько легкомысленно. — А то мы от всей этой магией жутко проголодались...

Полина удивлённо глянула на подругу и закивала, мол, да голодные — просто жуть!

Сбитая с толку Анжелика несколько минут молча рассматривала Марту с Полиной.

— Мы ведь не завтракали... — поднажала Марта.

— Нет, не завтракали... — подтвердила Полина.

Анжелика вздохнула и уже спокойно сказала:

— Ну да, ну да... Пойдёмте, я отведу вас в столовую.

Познакомились Марта с Полиной, когда сдавали документы в университет. В холле, на первом этаже университета, где располагалась приёмная комиссия, было не протолкнуться от абитуриентов и их родителей. Марта стояла у большого стенда, где было перечислено, какие предметы у абитуриента должны быть сданы по ЕГЭ, чтобы он мог претендовать на ту или иную специальность. Марта хотела выбрать все специальности, какие только ей позволят сданные экзамены. И злилась, что таких таблиц им не дали в школе. Но больше злилась на себя — чего проще было, чем заглянуть в интернет и посмотреть таблицы заранее, ещё в сентябре. Выбрать и готовиться в течение года, а потом спокойно и без нервотрёпки сдавать экзамены.

Вообще-то, если быть честной, то про это и классный руководитель, и учителя время от времени повторяли: мол, нужно определиться с выбранными предметами в зависимости от специальности... Потому что потом поздно будет. Выберете профессию, а окажется, что нужный предмет не сдан! Придётся целый год терять — учить и снова идти на ЕГЭ, только уже со следующими выпускниками! Но кто же слушает учителей?!

И теперь Марта стояла и понимала, что вот для этой специальности нужно было сдавать биологию, а для этой — химию. А для той вообще — историю и культурологию. И идти сдавать ЕГЭ на следующий год — вообще не вариант! И дело даже не в том, что год теряется, а стрёмно идти с младшими. Как будто двоечница какая-то.

— А в школе все эти таблицы выглядели не так судьбоносно! — задумчиво сказала рядом Мартой рыжеволосая девушка.

— Да уж! — согласилась Марта, сразу чувствуя симпатию к коллеге по несчастью. — А вы куда поступать будете?

Обращение к ровеснице на «вы» было непривычным, но казалось единственно-верным в стенах университета.

— Видимо, на социологический, — вздохнула рыжеволосая девушка. — А так хотелось на клиническую психологию! А там, оказывается, нужно было сдавать биологию. А у нас биологичка — жуть!

— Не, у нас биологичка хорошая была. Но я что-то не подумала... Вообще, мне кажется неправильно, когда дети в школе уже должны выбрать профессию раз и навсегда. У них должен быть выбор, они же могут изменить своё решение. А тут, чтобы изменить решение, нужно терять целый год! Снова сдавать ЕГЭ. А когда год не учился, то гарантии, что сдашь на хороший балл, вообще нет никакой!

— Полностью с вами согласна! Меня зовут Полина, — и рыжеволосая протянула руку. Марта представилась, пожала мягкую ладошку и уточнила:

— Так вы на социологию? Какие там предметы должны быть? — найдя и изучив нужную строчку, Марта заключила: — Я могу тоже подать документы на социологический.

Отец Марты спросил:

— Дочь, ты уверена? Ты же хотела идти на...

— Уверена! — перебила отца Марта.

Ей вдруг стало спокойно, что на новом месте у неё будет... уже есть подруга.

— Может, ещё на два-три факультета подадим документы? — спросила мама у Марты.

Но Марта отрезала:

— Я определилась, кем хочу быть.

Мама с папой переглянулись и вздохнули.

— Ну смотри, это твоя жизнь!

Заполнив бланки, девушки встали в длинную очередь из абитуриентов и их родителей, чтобы зайти в зал, где сидят члены приёмной комиссии, и записаться на социологический факультет. Всё время, пока стояли в очереди, девушки обсуждали свои школы, уровень подготовки, возможности, которые сулит выбранная профессия, студенческую жизнь... И если в начале очереди у Марты или у Полины и были какие-то сомнения, то в дверь приёмной комиссии вошли без всяких сомнений ближайšie подруги отныне и на века.

Родители Марты и Полины стояли рядом в дочерьями, с любовью глядели на них. Перезнакомились родители почти сразу же и всё время ожидания вспоминали, насколько лучше было, когда получали своё образование они.

В кабинете Марта первой пропустила Полину. Та прошла к столу, за которым сидела девушка из приёмной комиссии. Рядом у стола стояло два стула. Полина и её мама сели, папа остался стоять.

— Возьмите вон там стул, — обратилась девушка к Полининому папе.

— Ничего, ничего! Я постаю, — ответил он.

Девушка вежливо улыбнулась, пожала плечами и, глядя то на Полину, то на Полинину маму, начала заученно, на автопилоте, рассказывать о факультете, о том, где потом, по окончании университета, Полина сможет работать, и множество других деталей.

Мама внимательно слушала, а Полина откровенно скучала.

— По ЕГЭ у вас какие предметы были? — спросила девушка.

Полинина мама ответила.

— Сколько баллов набрали?

Мама пододвинула аттестат, в который был вложен лист с оценками.

Девушка открыла, глянула. На лице у неё промелькнуло понимание, но она тут же погасила его и продолжила вежливо:

— До проходного балла не хватает. Только на платное...

Папа вздохнул:

— Да, мы понимаем.

— Обучение за год стоит семьдесят пять тысяч рублей, — очень вежливо продолжила девушка. — Первокурсникам можно оплачивать в два этапа: первую половину суммы до 1 сентября и остальное — до 30 декабря. Вам нужно пройти...

Девушка подробно, теперь уже Полининому папе, рассказала, куда нужно пройти, какое заявление написать, и почему не желательно тянуть с оплатой.

Марта, несмотря на то, что ждать нужно было в коридоре, немного вошла в кабинет, буквально заступила за порог, чтобы лучше слышать всё, что говорит девушка из приёмной комиссии. Заглядывала, тянулась...

Внезапно Марта почувствовала толчок в спину.

— Ой, извините, пожалуйста! — сказал ей молодой человек в стройотрядовской форме.

Он, а следом ещё три девушки, тоже в стройотрядовских штормовках, ввалились в аудиторию приёмной комиссии и подошли напрямик к столу социологического факультета.

Девушка, которая разговаривала с родителями Полины, оживилась, заулыбалась.

— Вы на наш факультет? — весело спросил молодой человек у Полины. — Поступайте

к нам! У нас клёво!

Счастливые лица парня и девушек говорили сами за себя. Полина вспыхнула и взглянула на Марту. Но та уже сияла. Казалось, пришедшие стройотрядовцы зарядили позитивом всех, кто был в аудитории. Даже тех, что сидели у столов других факультетов.

Все сомнения, даже если какие и были, смело напрочь.

Молодой человек взял ключи от кабинета, перекинулся несколькими словами с девушкой из приёмной комиссии по поводу завтрашнего слёта, она посетовала, что сегодня занята до шести и не может присоединиться к ним прямо сейчас.

Тепло улыбнувшись Полине, молодой человек направился к выходу. Подмигнул Марте и вышел. Его подруги вышли следом о чём-то громко смеясь.

И такая после них осталась в аудитории радость, что Марта расслабилась, а Полина начала внимательно слушать всё, что девушка продолжила говорить её родителям.

Когда с Полиной закончили, к столу подошли Марта с родителями.

Ознакомившись с баллами Марты, девушка многозначительно приподняла бровь и сказала Марте с уважением:

— У вас есть отличный шанс пройти по конкурсу на бюджетные места. Вы сюда подаёте копии документов или подлинники?

— Подлинники, — сказала Марта.

Девушка снова многозначительно приподняла бровь.

— Думаю, вам это не понадобится, но... если вдруг... хотя это маловероятно. Но я должна сказать... если вдруг вы не пройдёте по конкурсу на бесплатное обучение, то у вас будет две недели, чтобы заключить договор и оплатить обучение.

— Я всё поняла, — ответила Марта, и родители закивали — да всё понятно.

Быстро покончив с формальностями, девушка из приёмной комиссии тепло улынулась Марте и сказала:

— Это здорово, что вы выбрали наш факультет!

Когда Марта с родителями вышли в холл, там её ждала Полина. Девушки переглянулись, в глазах у них светилось понимание. Они были рады, что ещё чуть-чуть, и приобщатся к яркой, интересной студенческой жизни.

Девушки, теперь уже подруги, обменялись номерами телефонов, тут же нашли друг дружку «ВКонтакте» и отправились по домам вслед за своими родителями.

Когда на сайте университета вывесили списки студентов первого курса, и Полина, и, естественно, Марта в них были, причём, в одной группе. Радости подруг не было предела.

Тщательно изучив списки, девушки начали искать в сети своих будущих одноклассников. Оказалось, что в группе будет двадцать девушек и пять парней.

Один был потомственным КВНщиком. Его папа в студенчестве играл в КВН, теперь вот сын пошёл по стопам отца. Подруги решили, что это классно — их одноклассник весёлый парень! Да и симпатичный!

Ещё один увлекался видеосъёмками и сам монтировал ролики для сети. Ролики собирали кучу лайков. Класс!

Третий был обычным заучкой и занудой, судя по всему.

Четвёртый — хоккеист, и тоже красавчик.

И пятый тоже ничего.

Девчонки были разные.

Все добавились в друзья, создали конференцию, организовали несколько встреч и посиделок, и когда на день знаний 1 сентября пришли в университет, то почти все одногруппники Полины и Марты были уже знакомы между собой.

Среди студентов, которые разыгрывали для первокурсников представление, был и тот самый молодой человек, который встретился Марте и Полине в приёмной комиссии, и девушки, которые были с ним, и та, что сидела в приёмной. Все они входили в Лигу студентов и зажигали на сцене от души! К ним так хотелось присоединиться...

Занятия начались буднично. Было забавно, что преподаватели обращаются к студентам на «вы». Контроля, такого, как в школе, не было. Хочешь, ходи на лекции, хочешь — не ходи! Свобода!

Но Марта решила, что пропускать лекции не будет. Ей хотелось впитывать новые знания — чем больше, тем лучше. А вот Полина первые пары начала пропускать — просыпала, а ехать далеко.

Марта строжилась на подругу, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы в расписании первые пары не отменили совсем. Сказать, что студенты обрадовались — ничего не сказать!

Первая сессия обрушилась, как снег на голову. Нет, студенты, конечно же, знали о ней и готовились. Но всё равно она наступила внезапно. Сдавать зачёты и экзамены было жутко страшно. К тому же преподаватели, которые не требовали посещений, захотели услышать правильные ответы на вопросы по пропущенным темам.

Естественно, первую сессию сдали не все.

Что касается Марты и Полины, то они закрыли сессию вовремя. Более того, Марта заслужила повышенную стипендию. А Полине просто повезло. Больше книг на сайте knigochei.net Больше всего пропусков у неё было по философии — предмету, который она плохо понимала. Готовясь, она написала единственную заготовку — на большее не хватило ни сил, ни желания. И вот ей попал билет именно с этими вопросами. Пятёрку Полина посчитала вполне заслуженной, хотя Марта с ней не согласилась. Но экзамен был сдан, а чего ещё нужно студенту?

Самое интересное началось во втором семестре. Во-первых, девушки получили право вступить в Лигу студентов университета и купить билеты во все городские театры по сумасшедше-низким ценам — 20 рублей, при полной стоимости не менее 200 рублей за спектакль!

Студенты, сдавшие зимнюю сессию, получили право записываться в разные клубы при Лиге студентов. Стало можно подать заявку в театральную труппу, вступить в танцевальный коллектив или в студенческое научное общество. Или стать активным участником международного молодёжного управленческого форума «Точки роста». Или писать статьи для журнала «Студенческий легион». Первокурсников начали активно приглашать в стройотряды, в «Снежный десант». Вплотную началась подготовка к юморе, которая традиционно проходила 1 апреля — в день смеха... А главное, началась подготовка к факультетскому конкурсу красоты «Мисс социология».

У Марты с Полиной глаза разбежались от открывшихся возможностей.

Полина, естественно, записалась на конкурс красоты, а Марта пошла в студенческое научное общество. Вместе поехали на тренинги «Точки роста»...

...И набрали хвостов по физкультуре.

Когда перед сессией пришли отрабатывать, то Полине, как всегда повезло — у

преподавателя было хорошее настроение, и он закрыл все Полинины долги. Просто так, за её зелёные глаза.

Марта же, в качестве отработки, написала реферат о пользе скандинавской ходьбы и согласилась выступить на научной конференции по спорту и окружающей среде. За своё блестящее выступление Марта получила право на автоматы по физкультуре на всё время, пока физкультура будет преподаваться.

Вообще, знания Марте давались легко. Она брала в руки учебник, и он открывался на нужной странице. Вся дополнительная литература как будто ждала её в библиотеке. Ни разу не было так, чтобы Марта пришла и не нашла нужной книги.

Единственный предмет, с которым у Марты отношения не складывались, была конфликтология. И дело было даже не в самих знаниях — всю положенную по программе информацию Марта усваивала на раз! Проблема заключалась в отношении преподавательницы конфликтологии к Марте. Она почему-то невзлюбила Марту с первого взгляда. И, несмотря на правильный ответ, не приняла контрольную. Марта понимала, что чтобы сдать зачёт, ей придётся потрудиться, тем более, что сессия была на носу.

Полину преподавательница тоже невзлюбила, но Полине как всегда фантастически повезло. Староста группы напутала и скинула в конференцию неправильное расписание. Весь курс вместо лекции по конфликтологии пошёл на лекцию по социологии... Все, кроме Полины, которая проспала и не читала конференцию. Так она получила автомат, ещё до начала летней сессии.

Марта, хотя время от времени и повторяла Полине, что неразумно всегда надеяться на везение, что надо бы и учить, тем не менее немного завидовала Полине. А Полина хоть и восхищалась тем, как легко знания приходят к подруге, постоянно твердила, что молодость быстротечна, и нужно наслаждаться жизнью сейчас!

И они обе помогали друг другу. Марта Полине — учиться. Полина Марте — развлекаться.

Собственно, поход на концерт заезжей фолк-рок группы и был попыткой Полины оторвать Марту от учебников и приобщить её к развлечениям.

Марта старалась веселиться, но всё равно чувствовала себя на концерте немного не в своей тарелке. Полина же наоборот, растворилась в музыке и с удовольствием танцевала у сцены. И Марту вытаскивала туда время от времени.

В какой-то момент Марте даже понравилось. Она перестала анализировать тексты песен, и с детской непосредственностью окунулась в атмосферу фолк-рока.

В тот момент к ним и подошёл мужчина с усами «хэндлбарами» — Серафимович — профессор, декан университета магии.

В столовой было пусто. Находилась она в просторном, слегка вытянутом зале. Небольшие деревянные столы располагались в три ряда. Столешницы у столов были из толстых дубовых досок, покрытых лаком. Возле каждого стола стояло по два основательных деревянных стула.

Некоторые столы были сдвинуты по два или три, и стульев, соответственно, рядом со сдвинутыми столами стояло по четыре или шесть.

Стены были до половины покрыты деревянными панелями, над которыми светились приближающимся к полудню солнцем арочные окна с витражами. А на стенах висели картины в резных рамах — портреты, при взгляде на которые Полина прошептала Марте:

— Ведьмы и колдуны...

И Марта в ней согласилась.

Анжелика провела подруг к раздаче — длинному деревянному столу со стеклянными шкапами слева. В шкафах на полках стояли мисочки с салатами, запеканками, блинчиками, пирожными... с самого краю высилась стопка разносов и рядом — лоточки для ложек, вилок и столовых ножей. Правее, где шкафчики заканчивались, со стороны зала над раздачей нависала полочка, а со стороны кухни были встроенные в стол котлы с подогревом — чтобы супы и горячее оставались тёплыми и не остывали.

Розовощёкая улыбчивая кухарка спросила у девушек:

— Что будете кушать?

Марта и Полина растерялись. Они переглянулись, потом посмотрели на Анжелику. Они, конечно, хотели есть, но ещё больше хотели поговорить без свидетелей.

Анжелика по-своему расценила заминку и сказала:

— Пожалуй, я тоже с вами перекушу! — И добавила, обращаясь к кухарке: — Добрый день, Мавруша. Как там Мартин, рыжий шкодник?

Та в ответ приветственно кивнула и всплеснула руками, мол, что с него возьмёшь?.. И с любовью посмотрела на рыжего кота, дремлющего на стуле, застеленном небольшим ковриком.

Анжелика взяла разнос и открыла дверцу шкафчика, выбирая салат.

Марта и Полина переглянулись, вздохнули и тоже взяли по разносу.

— Рекомендую попробовать вот этот салат. Очень вкусный! Нигде раньше ничего подобного не ела! — заявила Анжелика, доставая мисочку с салатом, украшенную кольцами поджаренного до золотистой корочки лука в кляре.

Розовые щёки кухарки стали ещё розовее, а улыбка — ещё шире.

— Сегодня очень вкусные отбивные, — порекомендовала она, беря из стопки чистую тарелку. — Вам положить?

Все три девушки согласно закивали, и кухарка, довольная, положила им в тарелки по отбивной котлете и горстке картошки фри. В каждую тарелку поставила по небольшой розетке с соусом.

— Кушайте на здоровье! — сказала она.

Анжелика отошла от раздачи и остановилась, поджидая Марту и Полину.

— Пойдёмте, сядем вон там, — предложила она и кивнула в сторону сдвоенных столов. Марта и Полина вежливо улыбнулись и поплелись вслед за старостой, с тоской

посматривая на столики для двоих.

Когда сели, Полина, чтобы заполнить паузу, спросила у Анжелики:

— А ты давно здесь, в университете магии?

Анжелика пожала плечами:

— Три года уже.

— Так долго? — вздохнула Марта.

— Да я не жалуясь! — Анжелика снова пожала плечами.

— А как ты сюда попала? — спросила Полина.

Анжелика задумалась ненадолго, потом усмехнулась и начала рассказывать:

— Это было на студенческой вечеринке. Мы Хэллоуин отмечали. Набухались до чёртиков. Чудить начали. Зажгли свечку и стали усилием воли пламя двигать. Естественно, пламя двигалось, но от нашего дыхания, смеха и разговоров... Было весело. И тут меня понесло — чего по пьяне не бывает?! Я сказала, что сейчас свечку потушу совсем... усилием воли, разумеется. Все заржали, отошли подальше, чтобы не мешать. А свечка возьми, да и потухни. Кто-то начал говорить, что я задула, и что, мол, потушить и дурак может, а вот зажечь!.. Не знаю, что на меня нашло? Лишний алкоголь, наверное... А может способности проявились. Я сказала: «Легко!», щёлкнула пальцами, и... свечка снова загорелась, как будто и не тухла... Вы бы видели их лица! Да я и сама в шоке была... — Анжелика горько усмехнулась и, помолчав, продолжила: — Я тогда с парнем дружила. Так вот, он и говорит: «Моя любимая — ведьма! На костёр её!». Эти придурки все подхватили...

Анжелика замолчала. Казалось она и сейчас слышит крики: «На костёр её! На костёр её!»

Полина не выдержала и, сочувственно глядя на старосту, спросила:

— И что? Чем всё закончилось?

— А ничем... — зло сказала Анжелика. — Схватили меня, поволокли на улицу, типа сейчас костёр разведём и ведьму сожжём. Я умом понимала, что шутят, но испугалась по-настоящему...

— Не мудрено, — вставила Марта.

— И что дальше? — нетерпеливо спросила Полина, она с ужасом смотрела на старосту.

— А дальше, девушки, у вас встреча с преподавателем прорицания, — внезапно изменив тон, холодно сказала Анжелика. — Лилит Златановна ждёт вас давно! Давайте быстрее! У меня, между прочим, тоже занятия, и времени нянчиться с вами нет!

Девушки опешили, но поймав жёсткий взгляд Анжелики, съёжились от нахлынувшего внезапно чувства вины — как будто это они с пьяной толпой студентов скандируя: «На костёр её», тащили испуганную упирающуюся девушку на улицу.

Отбивные проглотили, не почувствовав вкуса — быстро и не глядя друг на друга. Отнесли разносы с пустыми тарелками в мойку и поспешили за Анжеликой прочь из столовой.

На выходе Марта едва не запнулась о большого рыжего кота — Мартина, решившего вдруг перейти ей дорогу. Кот в последний момент отскочил, а Марта, чтобы не упасть удержалась за дверь. Ни Полина, ни Анжелика не обратили на кота никакого внимания — они уже покинули столовую и, возможно, просто его не видели.

Анжелика шла хмурая, готовая всё вокруг крушить и уничтожать. Встречные студентки шарахались в стороны, Марта с Полиной буквально бежали за ней.

Внезапно остановившись у стеклянной непрозрачной двери, Анжелика успела

развернуться, прежде чем девушки ткнулись в неё.

— Здесь кабинет прорицания! — сказала она тоном, не требующим возражений. — Потом вам нужно будет пойти на зельеварение, это в правом крыле этажом ниже, — Анжелика махнула рукой, указывая направление. — А потом у вас по расписанию магические обряды — это в подвале. — она снова показала рукой, куда им потом идти, и добавила: — Учитесь уже сами ориентироваться! Я не могу вас всё время провожать!

Дождавшись от подруг знака, что они всё поняли, Анжелика крутанулась, взметнув юбку, и... исчезла.

Марта с Полиной переглянулись. За последние несколько минут произошло слишком много событий. Они хотели поговорить наедине, без свидетелей, Анжелика помешала. Потом рассказала им интересную историю и вдруг ни с того, ни с сего, как с цепи сорвалась! И вот Марте и Полине, вместо того, чтобы разобраться, что же происходит, уже нужно идти к следующему преподавателю. Они ещё предыдущие встречи не осмыслили, а тут новая.

Но как ни крути, а идти нужно. И Марта, и Полина каким-то диким чутьём знали, что если они будут стоять в коридоре, то снова появится Анжелика, и на этот раз она не будет что-то объяснять или показывать. Почему-то казалось, что в этот раз она просто уничтожит подруг на месте. Не сказать, чтобы они очень боялись, но инстинкт подсказывал, что сейчас ещё сильнее злить Анжелику нельзя. И подруги шагнули к двери.

Едва Марта подняла руку постучать, как дверь открылась. Путь преграждала туманная завеса. Девушки остановились перед ней, не решаясь войти в туман.

Но стояли недолго. Из глубины раздался грудной женский голос:

— Полина, Марта, дорогие мои, ну что же вы стоите? Проходите!

Девушки взялись за руки и, инстинктивно задержав дыхание, шагнули в туман.

Ничего не произошло. Туманная завеса растаяла. И девушки оказались в аудитории, которая была похожа на салон оракула.

Окна светились под потолком, и имели красные стёкла, отчего всё в кабинете прорицания выглядело, как нечто потустороннее. Комната была не очень большой и оклеена тёмно-красным бархатом. В глубине темнели два старинных шкафа со стопками карт, мешочками, баночками, коробочками... Вдоль стен теснились диванчики, обитые красной кожей, перед ними ученические столы, покрытые длинными скатертями ручной вязки. Круглый учительский стол стоял в центре. Он тоже был покрыт самосвященной скатертью, бахрома которой касалась пола. И на преподавательском столе, и на столах ученических в специальных подставках стояли хрустальные шары.

Около преподавательского стола было два деревянных стула и деревянное же кресло-трон с высокой резной спинкой и подлокотниками, оканчивающимися искусно вырезанными головами львов.

В кресле сидела цыганка. В ярком цветастом платке, повязанном на цыганский манер, так, что по распущенным чёрным волосам свисали длинные углы платка. По краю платка, надо лбом были пришиты монисто. Такие же монисто, но в несколько рядов, висели на шее. Из-под волос выглядывали многоярусные серёжки. Блузка у Лилит Златановны была с глубоким декольте, белая в розах, с широкими летящими рукавами. На руках при каждом движении позвякивали браслеты и кольца.

Лилит Златановна встала и шагнула навстречу девушкам. Широкая цветастая юбка в пол красиво колыхнулась, взлетела от стремительного шага преподавательницы прорицания. И если бы не цветастый платок, повязанный на бёдрах, наверное, и вовсе подхватила бы

хозяйку, как ковёр-самолёт...

И... Лилит Златановна была босой!

Последнее обстоятельство заставило девушек впасть в некоторое оцепенение.

Выждав несколько секунд, преподаватель прорицания легко подошла к Марте и Полине, тепло обняла их за плечи и предложила пройти и сесть на стулья у преподавательского стола.

Девушки сели.

Лилит Златановна, позвякивая браслетами и монисто, вернулась к своему трону и опустилась в него.

— Добрый день, дорогие мои! — поприветствовала подруг преподаватель прорицания. — Что-то долго вы шли ко мне.

И хотя она улыбалась, Марта и Полина почувствовали угрызения совести.

— Извините, пожалуйста, — сказала Марта. — Мы сильно проголодались, не завтракали сегодня... А на голодный желудок сложно что-то воспринимать.

— Ай-яй-яй! Завтракать нужно! — пожурила она студенток. — Ну да ладно! Мы с вами будем учиться предсказывать будущее, заглядывать под призрачную завесу... Как вы думаете, с чего мы начнём?

— С истории прорицания? — предположила Марта.

Лилит Златановна засмеялась. Легко, звонко.

— Нет, дорогие мои! — покачала головой преподаватель. — Мы с вами начнём с гадания. Сейчас без всякой теории и без всяких объяснений каждая из вас заглянет в мой хрустальный шар. Ваша задача отпустить сознание, позволить ему проникнуть сквозь призрачную завесу и увидеть то, что за ней находится.

— Прямо вот так сразу? — недоверчиво спросила Марта.

— Да, вот так сразу! — подтвердила Лилит Златановна. — Ну, кто рискнёт первой?

— А можно я? — спросила Полина.

— Конечно, дорогая! — Лилит Златановна пододвинула хрустальный шар к рыжеволосой студентке. — Смелее...

Полина поёрзала на стуле усаживаясь поудобнее и уставилась в шар. Некоторое время она молчала, по её лицу не было понятно видит ли она что-то или нет. Потом глаза слегка расширились, она улыбнулась... Потом вдруг побледнела и резко отодвинулась от стола.

Лилит Златановна пристально взглянула на неё и приказала:

— Что ты увидела, дорогая? Опиши!

Полина нехотя, сопротивляясь, начала медленно рассказывать:

— Я была на красивой лесной полянке... Я была не одна... Со мной был... м-м... высокий стройный блондин в чёрном... м-м... ну... свитерке. Мы с ним... целовались. И тут приползла змея и напала на нас. Она меня укусила, и я умерла...

— Хорошо, — похвалила Лилит Златановна.

— Чего ж хорошего?! Я ж умру! — возмутилась Полина.

— Конечно, нет! Толковать увиденное мы будем чуть позже. Теперь твоя очередь! — Лилит Златановна пододвинула шар Марте.

Марта хотела отказаться, сказать, что она не верит во все эти предсказания, что они вредны, потому что влияют на выбор, и что если человеку нагадали что он умрёт, то он подсознательно будет стремиться к этому... а если девушке нагадали, что она встретит суженного, то она будет открыта для знакомств и будет подсознательно искать человека, и,

естественно, найдёт! Нагадали же! Но ведь может найти и без гадания, если открыться и искать встречи... Или наоборот, будет искать только потому, что нагадали...

Но Марта не смогла всего этого сказать и под пристальным наблюдением преподавательницы заглянула в шар.

Сначала перед глазами встал туман — такой же, как на входе. Марта мысленно шагнула в него и ей открылся вид: университетская столовая, столы сдвинуты в беспорядке, сразу перед Мартой спиной к ней стоит мужчина, тёмно-русый в чёрной атласной накидке. Чуть дальше впереди, рядом с раздачей стоят она и Полина и держатся за руки.

Мужчина медленно поднимает правую руку, на ней блестят часы. Он щёлкает пальцами. Марта с Полиной падают на пол, словно тряпки, из которых внезапно вынули тела. Потом всё снова затягивает туманом.

Марта ещё некоторое время посидела, собираясь с мыслями, а потом отклонилась на спинку стула, мол, всё посмотрела — ничего интересного...

Лилит Златановна блеснув глазами спросила:

— Ну и что же ты там увидела, дорогая Марта?

— Так, мелочи! — отмахнулась Марта. — Как я на отлично сдаю экзамен по вашему предмету.

— Ты уверена? — не поверила ей Лилит Златановна.

— Абсолютно! — подтвердила Марта.

Преподавательница прорицания некоторое время испытующе смотрела на Марту, Марта глаз не отвела. Казалось, что между ними идёт внутренняя борьба, не видимая снаружи. Обе были сосредоточены. Лилит Златановна буквально пожирала Марту глазами, но Марта оставалась спокойной. В какой-то момент она улыбнулась уголком рта и Лилит Златановна опустила взгляд и сказала, обращаясь к Полине:

— Ну что ж, дорогая, давай истолкуем твоё видение. Змея — символ мудрости, а молодой человек в данном случае — символ молодости. Поцелуй — символ любви. Змея кусает тебя, и ты умираешь... Смерть — символ перехода в другое состояние. От поцелуя к смерти — от любви к мудрости... Твоё видение, дорогая, означает, что ты, через свою молодость, обретёшь в этих стенах мудрость. Так что, не расстраивайся, дорогая! — Лилит Златановна потянулась через стол и погладила Полину по щеке, потом приподняв за подбородок её лицо, заглянула Полине в глаза и повторила: — Всё будет хорошо!

Полина кивнула и вымучено улыбнулась преподавательнице.

— Гадание — древняя наука. Развивается оно с тех пор, как появился человек. Причём, у разных народов гадание развивалось по-разному. Мы будем изучать в первую очередь основные виды предсказаний. Но и редкие тоже... Тут очень много тонкостей и нюансов. Огромное значение имеет толкование, именно ему мы будем уделять больше всего внимания. Если неправильно истолковать, то можно нанести вред... Поэтому, дорогие мои, обязательно говорите мне о своих видениях. Это техника безопасности.

Девушки сидели и слушали преподавателя. Хотя Полина и приняла толкование своего видения, но в душе у неё остался осадок, и он свербел, не давал покоя.

Марта же просто сидела и показывала преувеличенный интерес к предмету. Она внимательно слушала, кивала, на её лице были эмоции — какие нужно...

Полина поглядывала на подругу и злилась. Ей казалось, что Марта что-то скрывает и надсмехается над Полининым видением. Поэтому, когда Марта тепло погладила её, отдёрнула руку.

Лилит Златановна не заметила этого движения. Или сделала вид, что не заметила... Она рассказывала о видах гаданий и о том, чему девушки будут учиться у неё.

— Жду вас завтра на занятия с группой, — уже в дверях, рядом с туманной завесой сказала она. И прежде чем Марта шагнула в туман, придержала её и спросила: — Ты уверена, что не хочешь рассказать, что увидела?

— Уверена. Я всё рассказала, — ответила Марта, глядя прямо в глаза преподавательницы.

Оказавшись в коридоре и дождавшись, пока дверь в кабинет прорицания закрылась, Марта повернулась к Полине.

— Полина, дорогая моя, вспомни, что сказала Анжелика, — Марта говорила негромко и проникновенно. — Не надо вестись на провокации преподавателей. Посмотри, нас на каждой лекции провоцировали...

— Тебе-то хорошо говорить, ты не видела, как ты умираешь... — воскликнула Полина.

— Видела, — глухо ответила Марта. — Причём, видела, как мы с тобой умираем вдвоём.

— Как это? — удивилась Полина. — Я что, умру два раза?

— Я ж говорю — провокация! — подвела итог Марта.

Пятничный день спешил к своему завершению. Анна Юрьевна закончила работу, поставила кабинет на сигнализацию, закрыла его и вышла на улицу. Ночь ещё не вступила в свои права, фонари горели жёлтыми пятнами в сумеречном свете, но на небе уже светила луна и чуть в стороне от неё виднелись первые две звёздочки. Анна Юрьевна остановилась на крыльце и посмотрела на небо. После всех этих бумаг, экспертиз, допросов подозреваемых и опросов свидетелей было так приятно посмотреть на Земную спутницу и две небольшие светлые точки-звёздочки в сумрачном небе и подумать о тайнах мироздания.

Хотя, если быть честной, думать Анне Юрьевне как раз сейчас совсем не хотелось. Наоборот, хотелось сделать что-то спонтанное, продиктованное не разумом, но чувствами.

Она вздохнула, и пошла на трамвайную остановку. Впереди были два выходных — два человеческих выходных дня! Анна Юрьевна и забыла, когда вот так выпадало по графику.

Сильно она не обольщалась — на работу вполне могли вызвать и в выходной, но даже сама мысль о том, что впереди два выходных дня, грела душу.

Были, конечно, сомнения — чем занять целых два дня?.. Анна Юрьевна давно уже привыкла к другому распорядку, давно разучилась отдыхать, всё время работая на износ. И, видимо, износ дал о себе знать. Иначе, что произошло в квартире у потерпевшей, когда Анна Юрьевна почувствовала себя плохо?

Что ж, нет худа без добра. Начальство прониклось и сделало послабление — за счёт коллег, разумеется, но тем не менее...

Короткое чувство вины перед коллегами вспыхнуло и сразу же погасло — организм хотел отдыха.

Мысли роились в голове Анны Юрьевны и никак не хотели улечься, успокоиться. Они метались от работы к звёздам, от звёзд к фонарям, от фонарей к свидетелям, потом к потерпевшим... Мысли метались, а Анна Юрьевна шла к остановке, чтобы сесть на трамвай, приехать домой, сварить себе кофе и, взяв какой-нибудь лёгкий фентезийный романчик, лечь на диван и погрузиться в грёзы о великой магии любви, сжигающей всё на своём пути страсти, дальних путешествиях, опасных приключениях... И чтоб никаких настоящих проблем, реальных конфликтов, серьёзных вопросов... И никакой чернухи!

Она подошла к остановке. Народу было немного — большинство горожан уже разъехались по своим домам. Были только такие же неприкаянные одинокие души, как она сама, и молодые влюблённые — им в сутках часов мало.

Остановилась, привычно окинув взглядом тех, кто ждал вместе с ней трамвая, и позволила мыслям захлестнуть, увлечь, утянуть...

Прикосновение к плечу было неожиданным и мягким.

Анна Юрьевна вынырнула из водоворота мыслей и обернулась.

Рядом с ней стоял Пётр Ильич Петров — следователь прокуратуры. Тот самый, который теперь вел дело о пропавших девушках.

Анна Юрьевна удивилась, что он делает в это время в этом месте — его контора располагалась далековато отсюда. Но Пётр Ильич, не дожидаясь вопросов, протянул ей букет из нежно-розовых, жёлтых и белых цветов.

— Вот, — сказал он, неуверенно улыбаясь. — Почему-то захотелось подарить вам.

Все мысли, которые роились в голове у Анны Юрьевны, моментально выпали в осадок.

В голове стало пусто и легко.

— Спасибо, — сказала она и приняла подарок.

Чтобы скрыть смущение, склонилась к цветам вдыхая их аромат и пытаюсь сдержать слёзы. Ей очень давно не дарили цветов. Выписанные начальством на 8 марта по три тюльпана каждой женщине из личного состава были не в счёт.

Подошёл нужный трамвай, но Анна Юрьевна его не видела. Зато хорошо видел Пётр Ильич.

— Ваша карета прибыла... — сказал он и кивнул в направлении открывшейся двери.

Словно камень, брошенный в сторону пирующих на поле ворон, слова Петра Ильича взбудоражили все мысли Анны Юрьевны, они заметались, заворошились.

Анна Юрьевна растерялась. Она не знала, что делать: то ли ехать, то ли остаться...

Пётр Ильич помог ей принять решение. Со словами:

— Вы не будете против, если я вас провожу? — он легонько подтолкнул Анну Юрьевну к трамвайной двери.

Вошли, сели. Салон был хорошо освещён, и Анна Юрьевна вдруг засмушалась. Ей показалось, что все смотрят на них — не только пассажиры, но и те люди, что на улице. Они хорошо видят, что Анна Юрьевна сидит рядом с Петром Ильичом.

«Мало ли кто сел со мной рядом?» — оправдываясь, сказала сама себе Анна Юрьевна.

«Ага! В полупустом вагоне, свободных мест полно, а он случайно! сел рядом с тобой!» — парировала она сама себе.

«Даже если и так! Я взрослая женщина и могу ехать с кем угодно. Может быть это мой муж!» — не сдавалась она.

«И подарил цветы...» — ехидно заметила вторая половина.

«Может быть мы молодожёны...» — привела железный аргумент Анна Юрьевна.

Оппонентка ответить не успела. Подошла уставшая кондукторша. Анна Юрьевна достала из кармана приготовленную мелочь, но Пётр Ильич мягко опустил её руку.

— Позвольте мне... — сказал он и протянул кондукторше купюру.

Она отсчитала сдачу, дважды провела карточкой по считывающему аппарату, оторвала два чек-билета и подала их Петру Ильичу. На Анну Юрьевну она даже не взглянула — развернулась и пошла дальше по салону.

«Ну вот, теперь она решит, что я еду с любовником!» — подумала Анна Юрьевна и, вдруг рассердившись, сказала себе мысленно: — «Всё! Хватит!»

— Наверное, это не очень удобно, что я вот так навязался, — сказал Пётр Ильич, — но мне захотелось увидеть вас, Аннушка.

Анна Юрьевна улыбнулась и снова уткнулась в цветы. Теперь при салонном освещении она хорошо рассмотрела букет — нежный, романтичный...

— Очень красивые цветы, — сказала Анна Юрьевна. — Мне нравятся. Такие милые...

— Мне показалось, что они больше всего вам подходят. Не яркие пышные розы, ни острые хризантемы, а именно вот эти... Я не помню, как они называются... Но... вот тут у меня записано! — Пётр Ильич гордо вынул из кармана обрывок обёрточной бумаги, на котором было аккуратно написано название цветов. — Альстромерия. Перуанская лилия или лилия инков! Во как! — гордо прочитал он.

— Как романтично, — заметила Анна Юрьевна. — Лилия инков... Прямо название для романа.

— Романа о любви, и чтоб там обязательно была магия! — подтвердил Пётр Ильич.

— Я б такую книгу прочитала, — улыбнулась Анна Юрьевна.

— А я её для вас написал бы, — просто сказал Пётр Ильич.

Анна Юрьевна почувствовала, что у неё немного «поплыло» в голове, а в горле и внизу живота стало жарко. Она снова склонилась к цветам, понимая, что щёки наверняка пылают.

— Я смутил вас, извините, — сказал Пётр Ильич.

Но из того, как он это сказал, стало понятно, что он ничуть не сожалеет о том, что смутил. И даже наоборот...

— Вы пишете любовные романы? — прочистив внезапно осипшее горло, спросила Анна Юрьевна.

— Я написал очень много отчётов, актов, протоколов... Так что, думаю, можно рискнуть и взяться за любовный роман, — отшутился Пётр Ильич.

Анна Юрьевна засмеялась и подумала, что она тоже написала очень много отчётов, актов и протоколов. Слишком много...

Трамвай громыхал сквозь вечерний город. Ночь снаружи, расцвеченная золотыми огнями фонарей и неонами рекламы, не могла пробиться в ярко освещённый салон. Салонный свет превратил окна в полужеркала — на город, который был виден в окна, накладывалось отражение салона трамвая — с сиденьями, пассажирами, кондукторшей. Создавался интересный эффект маленького мирка — мирка, который рядом, совсем близко. Всё, что осталось за пределами отражений в окнах трамвая, стало призрачным, нереальным. Зато своё отражение и отражение Петра Ильича Анна Юрьевна видела и в том окне, которое рядом с ней, и в том, которое через проход. И это двойное отражение создавало ощущение сверхреальности.

— О чём задумались? — спросил Пётр Ильич.

— О сюжете романа, — отшутилась Анна Юрьева и вдруг поняла, что это никакая не шутка. Ей действительно интересно, о чём мог бы быть этот роман.

Она взглянула на Петра Ильича и ей вдруг показалось... что у него усы «хэндлбары»... Сразу же вспомнила музыку, мужчину в чёрном, танец, розу... Но вспомнила так, словно всё это было в каком-то страшном сне. Словно бы мужчина был колдуном, зачаровавшим её...

Анна Юрьевна тряхнула головой и снова поглядела на Петра Ильича — он был гладко выбрит, с усов, естественно, не было, просто так падала тень.

— Что-то случилось? — спросил Пётр Ильич и в голосе его послышалась тревога. — Вы побледнели, словно чёрта увидели...

— Извините, видимо, переработала опять... Чёрт-те что мерещится, — сказала Анна Юрьевна и, потирая лоб, смущённо улыбнулась, понимая, что это короткое видение безвозвратно разрушило магию ночного трамвая.

— Что ж вы так, Аннушка? Бережь себя надо! Вы ещё нужны этому миру, — сказал Пётр Ильич, и в его голосе прозвучало искреннее сочувствие.

— Да кому я тут нужна? — горько вздохнула Анна Юрьевна. — Умри я завтра, никто и не заметит. Разве что начальство помянет, и то — недобрым словом. Потому что графики дежурств полетят к чёртовой матери!

— Вы мне нужны, — тихо сказал Пётр Ильич и, немного помолчав, добавил: — И уверен, что не только мне...

Анна Юрьевна хотела что-то сказать, но все слова, скопившись в горле, образовали непреодолимый затор. Зато для слёз никаких препятствий не нашлось, и они рекой хлынули из глаз. Анна Юрьевна попыталась сглотнуть, прочистить горло, но у неё ничего не

получилось, она судорожно всхлипнула, пытаясь сдержать слёзы.

Бесполезно.

Тёплые слова Петра Ильича растопили некую плотину, и вместе со слезами на свет божий выплеснулась накопленная годами боль одиночества. Анна Юрьевна безудержно заплакала. Боль, вместе со слезами потекла прочь, освобождая в душе место чему-то большому и древнему...

Пётр Ильич повторяя:

— Ну что вы, Аннушка?.. Что вы?.. — обнял Анну Юрьевну и прижал к себе. — Во-первых, вы дурак! Расстроил вас! — сокрушался он, глядя Анну Юрьевну по плечу и целуя её в макушку. — Простите меня, дурака, пожалуйста!

Анна Юрьевна хотела сказать, что он ни в чём не виноват, что она ему безмерно благодарна и даже счастлива! Но вместо этого хлопала носом и, прижимая к себе букет альстромерий, рыдала чуть не в голос.

Она видела, что и кондукторша смотрит осуждающе, и пассажиры оглядываются, но ей было всё равно. Анна Юрьевна почувствовала, что рядом с Петром Ильичом она может быть слабой. И это такое счастье!

К тому моменту, когда записанный на плёнку голос объявил её остановку, Анна Юрьевна уже выплакалась.

Пётр Ильич вышел из трамвая первым и подал ей руку.

Трамвай, предупреждая звякнув, уехал, увозя с собой сверхреальные отражения, и город сразу стал по-домашнему уютным.

Пётр Ильич взял руку Анны Юрьевны и положил на изгиб своей руки.

— Вы как хотите, но я доведу вас до дверей! — строго сказал он. — Не могу бросить женщину одну на улице в таком состоянии.

И они направились к пешеходному переходу. Несмотря на пустынную улицу, дождались зелёного сигнала светофора, перешли проезжую часть, ступили на тротуар и...

Только около своего дома, когда остановились рядом с нужным подъездом, Анна Юрьевна вдруг поняла, что она не говорила Петру Ильичу, где живёт.

«Вспомни, где он работает!» — сказала сама себе Анна Юрьевна.

«Ну и что?!» — ответила она себе и подняв букет, сквозь цветы поглядела на мужчину.

«Как знаешь! Моё дело предупредить!» — проворчала, сдаваясь, строгая половинка Анны Юрьевны — сквозь цветы Пётр Ильич улыбался мягко и смотрел заботливо.

Анна Юрьевна опустила букет. Мягкость и заботливость Петра Ильича остались.

С проснувшейся внезапно девчоночьей дерзостью и отчаянием, Анна Юрьевна предложила:

— Хотите кофе?

— Хочу, — сказал Пётр Ильич.

Анна Юрьевна открыла магнитным ключом дверь подъезда и махнула рукой, приглашая войти.

Пётр Ильич вошёл. Молча поднялись на лифте.

Уже открывая дверь квартиры, Анна Юрьевна сказала:

— Гостей я не ждала, как вы понимаете...

— Если не удобно, я могу уйти... — Пётр Ильич сделал шаг назад, и Анна Юрьевна вдруг испугалась, что он действительно уйдёт.

— Удобно, — поспешно сказала она и гостеприимно распахнула дверь.

Её строгая половинка пискнула: «Вы же почти не знакомы, а ты привела его домой!» Но Анна Юрьевна бросила ей на ходу: «Отстань!» и вошла в квартиру вслед за Петром Ильичом.

Пока мужчина не спеша разувался в прихожей, Анна Юрьевна быстро скинула туфли и прошла в комнату, оглядела её хозяйским взглядом, заметила на диване бюстгальтер с блузкой, убрала их в шкаф и повернулась к гостю, который деликатно стоял в прихожей.

— Проходите, садитесь... Я сейчас сварю кофе, — сказала она и метнулась на кухню.

Пётр Ильич прошёл в комнату. Но не успел он сесть в кресло, как она крикнула, высунувшись в дверь:

— А хотите, идёте сюда!

Пётр Ильич поднялся и пошёл на кухню.

Кухонька была маленькой. Сразу у дверей стоял обеденный стол — небольшой — одному человеку есть за ним комфортно, двоим вполне можно, троим уже будет тесновато.

Дальше — в углу — стоял холодильник цвета металлик с магнитиками на дверце. На подоконнике в вазе уже радовались воде альстромерии — Анна Юрьевна первым делом поставила цветы в вазу. Вдоль третьей стены стоял кухонный гарнитур со встроенными электрической плитой и раковиной. Подвесные шкафчики были бежевого цвета, столы — шоколадного. Толстая столешница была сделана под розовый мрамор.

Пока Пётр Ильич, присев на табуретку, рассматривал кухню, Анна Юрьевна уже смолола кофе, насыпала в турку четыре чайных ложки — на две порции, налила воды из фильтра и поставила на разогретую к тому времени плиту. И принялась двигать туркой по плите, наблюдая за процессом.

Кофе нельзя давать закипеть. Едва пенка начнёт подниматься, турку нужно убрать с огня и дать кофе немного «успокоиться». После того, как пенка осядет, турку нужно снова поставить на огонь, и снова не дать закипеть. Потом ещё раз... Лишь после этого получится хороший кофе.

Вскоре по комнате поплыл чарующий аромат арабики.

Анна Юрьевна выключила плиту, переставила турку со свежесваренным кофе на холодную конфорку, достала из шкафчика две тонкие изящные чашечки и два блюдца.

— Вы будете кофе со сливками или чёрный? — спросила она у Петра Ильича.

— А вы какой любите? — спросил в ответ он.

— Я чёрный без сахара. Мне так больше нравится.

— И я тогда тоже буду чёрный без сахара...

Анна Юрьевна налила в чашечки кофе и пододвинула одну гостю.

— Волшебный, чарующий аромат! — восхитился он, подняв чашку и вдыхая кофейный запах. — Я так, наверное, заброшу чай и перейду на кофе!..

Не успели Анна Юрьевна и Пётр Ильич сделать и по глотку, как запел, заверещал дверной звонок.

— Странно, что не домофон, — озадачено проговорила Анна Юрьевна. — Может, соседи? Хотя для соседей поздно уже... Может что случилось?

Звонок верещал так, словно случился пожар — настойчиво, призывно. Анна Юрьевна, извинившись, поспешила к двери и, не глядя в глазок, открыла...

В комнату ворвался её бывший муж Владимир. Он как всегда был одет с иголочки, чисто выбрит, модно подстрижен и пах дорогим одеколоном. Вот только был непривычно взъерошен и взбешён.

— Где он?! — с порога спросил Владимир и отстранив опешившую Анну Юрьевну, как

ураган понёлся по квартире — в спальню, зал, на кухню. — Вот он, красавчик! — с иронией и ненавистью прошипел Владимир, останавливаясь на пороге кухни, опираясь на косяк и скрещивая руки на груди. Глаза его источали презрение.

— Володя, что случилось? — спросила Анна Юрьевна.

— А то и случилось! — Владимир, уперев руки в боки, резко повернулся к бывшей супруге. — Смотрю: идут голубчики... Ни стыда, ни совести... Я зна-ал!.. Зна-ал, что стоит мне уйти, как ты покатишься по наклонной, по рукам пойдёшь!.. Я всегда чувствовал в тебе это порочное... — Владимир неопределённо покрутил рукой.

— Ты что такое говоришь? — Анна Юрьевна растерялась.

— Вы, собственно, кто? — спросил опешивший Пётр Ильич.

— Мы, собственно, её муж! — Владимир, поворачиваясь к сопернику, изобразил поклон.

— Бывший, — негромко, но твёрдо сказала Анна Юрьевна.

— Что? — не понял Владимир.

— Бывший! — повторила громче Анна Юрьевна и вдруг улыбнулась.

Она и сама не понимала откуда взялось это её спокойствие и сила. Просто в какой-то момент увидела не разъярённого ревностью мужчину, а маленького обиженного мальчика, у которого в песочнице отобрали игрушку. Она вдруг поняла, что он больше не имеет над ней власти, она свободна от него и от его мнения.

— Мужья не бывают бывшими, дура! — взвился уязвлённый Владимир, однако ощущалось, что он не чувствует уверенности — будто никак не может нащупать опору.

— Что вы себе позволяете? — Пётр Ильич встал. — Анна Юрьевна, она... она замечательная!

— А ты сиди! С тобой я потом разберусь! — рявкнул Владимир Петру Ильичу.

— Правда, что ли? — усмехнулась Анна Юрьевна. — Я бы на это посмотрела...

Владимир остановился и уставился на жену.

— Посмотрела?! Посмотрела... — Казалось, Владимир поперхнулся словами Анны Юрьевны. Он некоторое время с недоумением смотрел на свою бывшую супругу, потом спросил уже другим тоном: — Ты понимаешь, что порочишь моё имя?! — в его голосе прозвучало скорее удивление, чем вопрос.

— И чем же? — с усмешкой спросила Анна Юрьевна.

— Ну... ты и другой мужчина... — уверенности в голосе Владимира почти не осталось.

— Да ты что?! — Казалось, уверенность перетекала от Владимира к Анне Юрьевне — чем больше он терял почву под ногами, тем увереннее становилась она. — А твоя новая жена знает, что ты здесь? — спросила Анна Юрьевна и кивнула на безымянный палец бывшего мужа, украшенный обручальным кольцом.

Владимир спрятал руку в карман и затравленно огляделся. Взгляд его зацепился за букет на подоконнике. Ненависть с новой силой вспыхнула в его глазах. Он шагнул к окну и протянул к цветам руку, его пальцы были скрючены. Казалось он вытаскивает наружу остатки силы, чтобы уничтожить альстромерии, а с ними и весь этот ненавистный мир. Но, сделав ещё шаг, Владимир упал без чувств.

— Что с ним?! — растерялся Пётр Ильич и посмотрел на Анну Юрьевну.

В маленькой кухоньке типовой многоэтажки стояла красивейшая женщина, прекрасная древней, изначальной красотой. В маленькой кухоньке стояла королева.

Проведя кончиком языка по губам, Анна Юрьевна пожалала плечами.

— Не знаю, — ответила она. — Он никогда раньше таким не был.

Марта и Полина после магических обрядов поднимались по ступенькам из подвала совсем замученными. И магические обряды, и зельеварение, которое предшествовало обрядам, были тоже индивидуальными занятиями. Преподаватели что-то рассказывали, о чём-то спрашивали. Под конец магических обрядов подружки уже совсем измучались и мало что понимали. Им очень хотелось спрятаться в какое-нибудь укромное место и поговорить, проанализировать, продумать, как вести себя в этом чужом для них мире, определиться, наконец, продолжать ходить на занятия или взбунтоваться и потребовать, чтобы их отправили домой.

Но словно нарочно возможности поговорить, обсудить занятия и то, что на них происходило у Марты с Полиной не было. Даже в своей комнате они больше не могли чувствовать себя свободно... К тому же чем больше девушки уставали, тем сильнее Марта ощущала свой горб — спина не просто болела, она постоянно ныла, её ломило, и это заставляло Марту горбиться ещё сильнее. По ступеням, а потом по коридору Марта шла хмуро, и лишь глаза блестели всё ярче.

Полина тоже устала. Она поблёлкла вся, золотистые волосы разлохматились, платье путалось в ногах, каблуки уже не стучали звонко и задорно, а всё чаще шаркали. Полина плелась позади Марты и ныла:

— Если нас сейчас ещё на какую-нибудь лекцию отправят, то я умру.

Марта шла молча. Но на её лице было написано, что она сама готова помочь Полине умереть, если та не перестанет ныть. Марта пыталась мысленно собрать все преподавательские провокации и проанализировать их. Но она слишком устала. Зельеваренье, а особенно магические обряды выжали её как губку.

Зельеварение преподавала ведьма Аглая. Именно так она представилась подругам и именно так было написано на листке, который Анжелика дала им утром, и который Полина затолкала в карман и вспомнила только после прорицания, когда подружки решили не испытывать судьбу — не дожидаться Анжелику, а поискать нужный кабинет самостоятельно. Полина обнаружила в платье карман, о котором она забыла, сунула в него руку и... вытащила листок с расписанием...

Кабинет зельеварения напоминал химическую лабораторию с большим столом в центре, на нём стояли реторты, пробирки, колбы, тигели, горелки. Над столом висела вытяжка, сбоку возвышался вакуумный шкаф, в шкафах у стен в определённом порядке располагались котлы, котелки, котелочки... в другом шкафу — банки, баночки, бутылки, бутылки, флаконы, фиалы... В нескольких шкафах хранились всевозможные ингредиенты. Ещё один шкаф был большим холодильником.

Несмотря на стереотип о том, как должна выглядеть ведьма, на лице Аглаи не было бородавок, нос у неё был аккуратный, а вовсе не крючком. Лицо круглое, зелёные глаза широко поставлены. Около глаз и в уголках губ морщинки, которые показывали, что Аглая добродушная улыбчивая женщина. Длинные волосы, тронутые сединой, были собраны на затылке в шишку. Лет ей было на вид сорок — сорок пять. Одетая она была просто — встретить девушки её в городе и внимания не обратили бы.

Аглая спокойно рассказывала о традициях зельеварения и о том, что, когда святая инквизиция жгла ведьм, на самом деле это мужчины — аптекари и врачи убивали

конкурентов — ведуний. «Это была одна из самых кровавых войн за рынок в сфере лекарственных услуг, — говорила ведьма Аглая. — Люди не хотели идти к врачам и покупать препараты в аптеках. Они предпочитали знахарок и травниц. Вот мужчины и устраняли конкурентов тем способом, который им доступен, то есть, мечом и огнём...»

Аглая рассказала почему Марте и Полине необходимо с особой внимательностью отнестись к её урокам. Зельеварение — это основа магического мира. Ни одно заклинание, ни один обряд, ни один ритуал не будет иметь нужной силы, если его не подкрепить зельем.

И как бы между прочим Аглая, глядя на Марту и её горб, сказал:

— Если вы не принимали никаких зелий, то снять заклятие будет очень просто...

На вопрос Марты, сможет ли Аглая сейчас убрать этот уродский горб, Аглая ответила:

— Могу, конечно. Но вы тогда не научитесь справляться с такими заклятиями самостоятельно.

— С чего начать? — спросила Марта.

— С основ, — ответила ведьма Аглая и начала рассказывать о назначении инструментов и видах зелий.

Никакого другого преподавателя Марта не слушала с таким вниманием и упоением. Полина же наоборот, скучала и вздыхала.

Кабинет магических обрядов находился в подвале и представлял из себя огромный зал — каменный и мрачный, с широкими колоннами, поддерживающими потолочный свод, освещённый горящими факелами, вставленными в специальные держатели на стенах. Звук многократно отражался от голых стен и купольного потолка и тем самым усиливался. Никаких столов, никаких шкафов в кабинете магических обрядов не было. Зато на каменном полу была начертана вписанная в круг пентаграмма с символами по углам пятиугольника.

Марта с Полиной остановились, едва увидели пентаграмму. В памяти и одной, и второй всплыли события годичной давности: сатанинские секты и скандалы вокруг них — в новостях говорили о человеческих жертвоприношениях и чёрных мессах, посвященных Сатане. А уж как интернет гудел!.. Подруги хоть и не интересовались темой, но всё время натыкались на посты соответствующего содержания.

И вот теперь перед ними была пентаграмма! В мрачном подвале! В каком-то странном университете магии...

Девушки не на шутку испугались и готовы были сбежать, несмотря на все магические контракты. Но дверь за ними захлопнулась, заставив подруг подскочить от страха и прижаться друг к дружке.

Марта с Полиной с ужасом смотрели то на закрытую дверь, то на пятиконечную звезду в круге и поэтому не сразу увидели преподавателя. И вздрогнули от голоса, гулко разнёсшегося под сводами зала. Голоса знакомого, и в то же время сильно искажённого многократным отражением.

— Так-так-так! Поле в марте, поле в марте... Девушки, вы выглядите просто очаровательно!

Подруги уставились на преподавателя. Полина — неосознанно поправив свои роскошные волосы, а Марта — сгорбившись ещё сильнее.

В свете неровного огня по ту сторону от пентаграммы стоял мужчина в длинном чёрном атласном плаще с капюшоном, из-под полы которого выглядывали носки берца.

— Как я рад вас видеть! — сказал мужчина и приветственно раскинул руки.

Рукава плаща немного задралась, и стало видно, что у него на левой руке часы в металлическом браслете.

Мужчина откинул капюшон, и девушки узнали Серафимовича.

Серафимович залихватски подкрутил свои «хэндлбары» и сделал приглашающий жест.

— Ну что вы стоите? Проходите! У нас сегодня большая программа! Ну же?!

Марта с Полиной продолжали стоять, боясь пошевелиться.

— Не бойтесь девушки. Вам ничего не грозит! Разве что, большое, яркое магическое будущее... Ведь вы студентки МОЕГО факультета!

Но Марта с Полиной продолжали стоять не в силах сделать и шага в сторону пентаграммы.

Серафимович щёлкнул пальцами, подтянув руки к груди, и девушки почувствовали, как их потянуло к нему — не сильно, но довольно ощутимо. Посопротивлявшись, они поддались притяжению, но как могли старались обойти пентаграмму, не заступив за линии.

Глядя на старания девушек, Серафимович весело рассмеялся:

— Это всего лишь пентаграмма! — сказал он, отсмеявшись. — Просто рисунок на асфальте! И он ничего не значит, пока вы не наполните её смыслом. Так что, ступайте смелее.

Серафимович явно наслаждался и смятением подруг, и их неуверенностью, а особенно — тем, как они выглядели.

Марта взглянула на преподавателя и выпрямилась, насколько позволял горб.

— Идти в пентаграмму? — с усмешкой спросила она. — Но вы сами говорили, что тут никому нельзя верить!

— Эх, видимо, вы приняли мои слова буквально, — притворно вздохнул довольный Серафимович. — Если вы абсолютно ничему не будете верить, как же вы будете учиться?

— А если мы не будем учиться? — спросила Марта. Она была немного обескуражена и спорила скорее по привычке спорить.

— Тогда я вам не завидую, — сказал Серафимович просто. И добавил: — Вам нужно научиться различать чему верить, а чему нет.

— И как же мы этому научимся? — спросила Полина. Она предпочитала верить людям, и её часто обманывали.

— Рискуя, наблюдая, делая выводы, — Серафимович пожал плечами. — Я ведь действительно не хочу для вас ничего дурного.

— Поэтому вы сделали меня горбатой? — спросила Марта.

— Вы легко справитесь с этим заклятием, — отмахнулся Серафимович. — Вам только нужно учиться прилежно и всё.

То, что кое-какие знания могут быть полезными, Марта уже поняла и поэтому слова преподавателя не вызвали отторжения. Единственное, что её во всей этой истории не устраивало, так это способ, которым он затащил их в университет. Возможно, если бы Серафимович объяснил хорошенько, рассказал бы об университете магии и о тех преимуществах, которые даёт обучение тут, может тогда она и согласилась бы учиться...

«Кого я обманываю?! — сказала сама себе Марта, вспоминая встречу с Серафимовичем на концерте. — Ни за что не согласилась!»

— Это... — Серафимович кивнул на горб, — всего лишь дополнительный стимул... и... наказание. Чтоб поменьше болтали всякие глупости.

Марта вздрогнула и, вспоминая о чём они с Полиной болтали перед сном, внимательно

посмотрела на Серафимовича, потом на Полину.

Полина была совершенно растеряна. Она уже хотела спросить, когда это они болтали, ночью что ли, когда спали, но Марта сжала руку подруги, и Полина опустила глаза и не стала ничего спрашивать.

Не дождавшись от девушек вопросов, Серафимович сказал:

— Что ж, думаю, вступительную часть можно считать законченной. Переходим непосредственно к занятиям. Как я уже сказал, сама по себе пентаграмма ничего не означает. Всё зависит от того, кто и с какой точки зрения на неё смотрит и для каких целей использует. Например, посмотрим с точки зрения астрономии. Если мы будем в течение года наблюдать за Венерой, и отмечать на небосклоне траекторию движения этой планеты, то мы получим пентаграмму. Первые известные учёным изображения пентаграммы датируются примерно 3500 годом до нашей эры. Они были найдены археологами при раскопках развалин древнего города Урука и представляли собой нарисованные на глине пятиконечные звёзды. Учёные считают, что на этих глиняных табличках результаты астрономических наблюдений за Венерой. В Древнем Египте пентаграмма символизировала звёзды и называлась «звездой псоглавого Анибуса»...

— Какое отношение Венера имеет к сатанистам? — спросила Полина.

— Венера? Никакого, — ответил Серафимович.

— А как тогда получилось, что... — начала спрашивать Марта, но Серафимович не стал слушать вопроса.

— Я ж говорю, всё зависит от того, кто и с какой целью смотрит на пентаграмму. Без наблюдателя это просто рисунок на асфальте.

Девушки недоверчиво переглянулись — слишком много в новостях говорилось о сектантах и их обрядах.

— Вы бы поменьше читали жёлтой прессы, — вздохнул Серафимович. — Во всяком случае, пока не научитесь отличать ложь от правды.

— И в чём правда пентаграммы? — спросила Марта.

— В том, — ответил Серафимович, — что в Древнем Вавилоне вера в оберегающие свойства пентаграммы была так глубока, что её изображали на дверях магазинов и складов, чтобы уберечь товары от порчи и кражи. А правители выбирали пентаграмму знаком власти, например, ставили на печати. И не только в Древнем Вавилоне, но и Александр Македонский использовал пентаграмму на своих печатях. Археологи нашли при раскопках...

Марта отметила, как Серафимович слегка усмехается всякий раз, когда говорит об археологах.

— Есть версия, что пентаграмма символизирует богиню плодородия и плотской любви, войны и распри Иштар. Она олицетворяла планету Венеру... Ну, с Венерой всё понятно...

— А почему Венера и война? — спросила Марта, она сама не заметила, как ей стало интересно.

— Потому что Венера и утренняя звезда, и вечерняя. Утром — воюем, вечером — любим. Это так по-человечески... — Серафимович снова снисходительно улыбнулся.

— Вы так говорите, как будто вы не человек, — прокомментировала усмешку преподавателя Марта.

Он пристально посмотрел на неё и продолжил лекцию как ни в чём ни бывало.

— Есть ещё одна версия использования пентаграммы — как отличительного знака принадлежности к сообществу или закрытой группы. Например, пифагорейцы... Они учили,

что мир состоит из пяти взаимосвязанных элементов: огня, воды, воздуха, земли и эфира. Они в углах пентаграммы ставили пять букв: ὕδωρ — вода, Γαῖα — земля, ἰδέα — идея или дух, εἶλη — огонь и ἀήρ — воздух. — Серафимович поочерёдно показал на начертанной на полу пентаграмме сначала на самый верхний угол, потом на левый верхний, на правый нижний, верхний правый и нижний левый. — Пентаграмму, как отличительный знак использовали гностики — для них это был символ интеллектуального могущества. Пентаграмма есть и в символах тамплиеров. В средневековом западном христианстве она стала напоминанием о пяти ранах Христа: от тернового венка на лбу и от гвоздей на руках и ногах... В арабских манускриптах пентаграмма, заключённая в круг, — Серафимович указал на круг на полу, — называлась «Печатью царя Соломона». Кстати, печать Соломона активно использовалась средневековыми европейскими магами. Вписанная в круг пентаграмма с символами пяти элементов: огня, воды, земли, воздуха и эфира — в углах, и вписанным в пентаграмму человеком — такая пентаграмма является символом микрокосма — знака оккультной духовной работы на материальном плане.

— Столько всего... — восхитилась Марта. — Я и не знала...

— А как же с сатанистами? — спросила Полина.

— Это одно из самых молодых использований пентаграммы. В 1854 году Элифас Леви в книге «Учение и ритуал Высшей магии» использовал перевёрнутую пентаграмму для обозначения Сатаны. Он писал: «Пентаграмма с двумя восходящими концами представляет Сатану в виде козла на шабаше; когда восходит один конец — это знак Спасителя». Перевёрнутая пентаграмма называется Зеир Анпин.

— Это что получается? Больше пяти тысяч лет пентаграмма защищала, а символом сатанистов служит меньше двухсот лет, и уже о защите мало кто помнит, но все знают о сатанистах... — прокомментировала Марта и покачала головой.

— Я в вас не ошибся! — сказал довольный Серафимович.

Казалось, урок с Серафимовичем пролетел как одно мгновение. Марта с интересом слушала и понимала, что он много знает и умеет, многое повидал. И в общем-то может интересно рассказывать... И как бы она к нему не относилась, а не оценить его было невозможно. И ей хотелось разобраться в своих мыслях и чувствах, её снедало противоречие: с одной стороны, он обманом затащил их в этот университет, сделал её горбатой, а с другой — Марта уважала умных людей. И как теперь относиться к Серафимовичу, она не знала...

Поэтому, когда Полина в коридоре начала ныть про то, что устала, и что если их пошлют ещё на одну лекцию, то она умрёт, Марте захотелось ей помочь умереть.

Собственно, к нытью подруги Марта привыкла. Это была особенность характера Полины. Она ныла по поводу и без повода. Но стоило чему-то случиться, и от нытья не осталось и следа. И Полина в момент оказывалась готова к бою... Марта знала это наверняка — подобное не раз случалось за время их знакомства и дружбы. Слезы высыхали с такой скоростью, что Марта не переставала удивляться — вот только что Полина плачет, а через миг уже разъярённая львица готова броситься в атаку.

Поэтому Марта и не удивилась, когда скорее почувствовала, чем увидела, как Полина выпрямилась. Походка рыжеволосой подруги вдруг стала летящей, каблучки звонко застучали...

Глянув сначала на Полину, а потом проследив за её взглядом, Марта сама поскорее попыталась расправить плечи, но горб не позволил ей этого, и у неё в сердцах вырвалось:

— Будь ты проклят, Серафимович!

Дело в том, что навстречу девушкам шагал Бард — лаборант Февроньи Статс.

Он шёл не спеша, одет был всё так же: в чёрный свитерок и брюки. В руках он бережно держал толстый фолиант и казалось, был полностью сосредоточен на нём.

Полина замедлила шаг, в то время, как Марте захотелось побыстрее пройти мимо, чтобы Бард её такой не увидел, потому как избавление от горба — дело времени. Но и бросать подругу было неудобно, поэтому Марте пришлось сдерживать шаг...

Наконец, когда до встречи с высоким блондином оставалось несколько шагов, Полина заступила ему дорогу.

— Здравствуйте! — обратилась она к Барду, улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой. — Мы с подругой немного заблудились. Вы не могли бы показать нам, где столовая?

— Так вы идёте не в ту сторону, — ответил Бард. Голос у него был бархатный и очень приятный. — Пойдёмте, я вас провожу. Мне всё равно по пути.

— Ох, как это здорово! — зашебетала Полина, легко разворачиваясь и пристраиваясь рядом с Бардом.

Марта исподлобья посмотрела на подругу, потом на лаборанта Февроньи Статс, и немного приотстав, пошла вслед за ними. Потому что, во-первых, нельзя бросать подругу, а во-вторых, действительно пора перекусить — когда ели с Анжеликой, то Марта не наелась — так, куски похватала... А теперь и вовсе проголодалась... Да и Бард...

Хотя, что Бард? Нужно как можно скорее изучить все эти магические науки, чтоб побыстрее освободиться от горба и покинуть ненавистные стены.

Полина всю дорогу щебетала: то восторгалась университетом, и тем, как тут всё

удивительно и волшебно, то расспрашивала Барда о каких-то ничего не значащих мелочах.

Бард сначала был немногословен, а потом разулыбался и вскоре уже поглядывал на Полину заинтересованно и немного оценивающе.

А когда Полина сказала, что ей очень нравится тут учиться, и она рада, что попала сюда и мечтает остаться в университете, где работают такие замечательные преподаватели и такие умные лаборанты, Марта не сдержалась и громко фыркнула.

Бард оглянулся и, казалось, впервые увидел, что она идёт с ними. Он окинул Марту пристальным взглядом, и она съёжилась, как будто это был не взгляд простого лаборанта, а взгляд властелина на своего провинившегося подданного. И то, что властелин увидел своего подданного, ничего хорошего последнему не сулило.

— Извините, — сказала Марта, — Это я своим мыслям...

Бард ещё немного поглядел на Марту, словно запоминая её для каких-то своих целей и с приветливой улыбкой повернулся к Полине.

Полина словно зачарованная смотрела на Барда влюблёнными глазами и, казалось, не заметила заминки.

А Марта, когда Бард отвернулся, потёрла лицо, пытаясь снять наваждение — ей на миг показалось, что за личиной высокого симпатичного блондина скрывается кто-то другой, кто-то тёмный и опасный, кто-то, кто полон ненависти ко всему живому.

Снова взглянув на Барда Марта увидела всё того же лаборанта и списала своё видение на разыгравшееся воображение. Ещё бы! Им целый день говорили про магию. Не мудрено начать видеть в обычных людях монстров... Тем более, что Бард такой симпатичный и так улыбается её лучшей подруге, в то время, как у самой Марты — горб...

Но размышления Марты, как и щебетания Полины были недолгими. Бард остановился и, указав на знакомую уже девушкам дверь, сказал:

— Вот тут столовая. Приятного аппетита!

И, прежде чем уйти, снова глянул на Марту.

— Ах, какой красавчик! — восторженно пропела Полина вслед уходящему лаборанту. — Он просто замечательный! Я влюблена с первого взгляда! Мне определённо тут нравится! Я думаю, у нас всё получится...

— Мне кажется, — задумчиво сказала Марта тоже глядя в спину Барду, — что он... не тот, за кого себя выдаёт... — Марта старалась подбирать слова. — Мне кажется, от него... нужно держаться подальше... Мне кажется, он опасен...

— Ах, подруга! — поправляя свои роскошные волосы, снисходительно ответила Полина. — Когда кажется, креститься надо! Бард просто душа! Такой красавчик! А ты... — Полина приостановилась, тоже подбирая слова. — Ты просто сердисься, что он на меня обратил внимания, а не на тебя. Всё же гад этот Серафимович, так изуродовать тебя!

Тут Марта была полностью согласна с Полиной — Серафимович гад и сволочь! И она уже готова была съязвить по его поводу, но... прикусила язычок. Невинные шутки перед сном имели последствием горб. А ведь накануне вечером подруги были уверены, что они в комнате одни и никто не слушает их ничего не значащий трёп. А сейчас... Да ещё и в коридоре...

И если за простой трёп Марта получила такой «подарочек», то что будет, если они осознанно начнут полоскать имя декана? Нет, нужно сначала во всём разобраться.

В столовой было много народу — почти все столики заняты. На каждом столике красовался небольшой букетик из кремовых мини-гербер, белых альстромерий и фиолетовых

присов.

Марта с Полиной в восхищении переглянулись — цветы были великолепны.

— Интересно, где они столько цветов взяли? — спросила Марта.

Полина пожалала плечами.

— Какая разница? Это так очаровательно! Чувствуешь, какой тонкий приятный аромат?

Мне определённно тут нравится — всё больше и больше!

— То-то и оно! — вздохнула Марта. — Даже портреты на стенах теперь милые... — И огляделась в поисках рыжего кота.

Девушки взяли разносы. Управлялась на раздаче всё та же розовощёкая кухарка Мавруша, и по её виду совсем не чувствовалось, что она только что обслужила всех тех студентов, которые ели сейчас за столами. Казалось, усталость ей совершенно не свойственна.

Кухарка улыбнулась Марте и Полине, как старым знакомым и спросила:

— Что будете?

— Ой, отбивные были такими вкусными! И салатик тоже! Мы просто в восторге! Можно их снова?.. — зашебетала Полина.

Марта с одобрением посмотрела на подругу. Она не помнила вкуса тех отбивных и салата и не знает, вкусными они были или нет. И Полина тоже жаловалась, что проглотила еду, не распробовав как следует. Но хорошие отношения с любым человеком в этом университете никогда лишними не будут. Поэтому, когда кухарка спросила у Марты, чего она хочет, Марта не задумываясь сказала:

— Божественных отбивных и амброзию в салате!

В результате, у Марты и Полины на разносах оказались самые сочные и хорошо прожаренные отбивные и самые свежие салаты...

Уединяться особенно было негде, и девушки сели за свободный столик на двоих.

Марта взяла вилку с ножом и удивлённо покрутила их.

— Это серебро, что ли? — спросила она у Полины. — Я в тот раз и не рассмотрела как следует...

— Похоже на то, — согласилась Полина. — Всё-таки тут хорошо!

— А кто несколько минут назад хотел умереть, если ещё какие-нибудь занятия будут? — усмехнулась Марта.

Полина достала из кармана листочек с расписанием и не разворачивая повертела им перед собой.

— На сегодня всё!

— Ты уверена? — поддела её Марта, хотя точно знала, что магические обряды были последними.

Полина торжественно развернула листочек и победно показала записи Марте.

— Смотри!

Марта глянула и побледнела.

— Что там? — увидев странную реакцию подруги, спросила Полина и посмотрела на листок с расписанием.

Там появились ещё две строчки: «Заговоросложение. Руководитель профессор Ива Медлибор» и «Пленэр — подготовка к Бельтайну. Руководитель профессор Виолетта Марковна».

— Но как? — спросила расстроенная Полина.

Марта вздохнула.

— Давай кушать, подруга и поменьше болтать. Похоже, тут все слова так или иначе отражаются в реальности. Мы с тобой пошутили вчера перед сном насчёт Серафимовича, и утром у нас изменилась внешность. Сейчас порадовались, что занятия закончились, и вот две новых строчки в расписании...

— Мне кажется, ты слишком подозрительна и преувеличиваешь... — засомневалась Полина.

— Ну... Один раз — случайность. Два — совпадение. Три — закономерность... Будем проверять? — предложила Марта.

Ей и самой хотелось проверить догадку. Но было страшно — результат предсказать невозможно.

Полина наморщила лобик и задумалась, потом её взгляд озарился мыслью, и она спросила:

— Так это что, здесь всё пропитано магией, даже слова?

— Похоже на то, — пожалала плечами Марта. — Давай кушать, пока опять что-нибудь не случилось. А то останемся голодными. У меня после завтрака с Анжеликой... — Марта замолчала на полуслове.

— Что? — спросила Полина и заозиралась.

В их сторону решительно шагала Анжелика.

Подруги сидели и молча смотрели, как она на ходу взяла стул от соседнего столика, подставила его к столику Марты с Полиной и села. Поглядев исподлобья на девушек, она спросила:

— Вы уже увидели новые строчки в вашем расписании?

Марта и Полина молча кивнули.

— Обычно новичкам в первый день дополнительных занятий не дают, но, видимо, вы хорошо себя проявили, — Анжелика усмехнулась. — Поэтому вас допустили к Бельтайну. Обоих.

— Как-то ты это так сказала, что у меня мурашки по телу побежали, — прокомментировала слова старосты Полина.

Анжелика вздохнула и сочувственно посмотрела на Полину.

— Если бы до Бельтайна вы проучились тут хотя бы несколько месяцев, а так... Не мурашки должны бежать у вас по телу, а огромные мураши.

— А что такое Бельтайн? — спросила Марта.

Анжелика пожалала плечами и посмотрела на Марту так, будто та спросила очевидную вещь.

— Бельтайн и Вальпургиева ночь накануне — это праздник плодородия и любви между богом и богиней. Нас ждёт большой шабаш. Он будет уже через три дня — 1 мая. Мы будем жечь костры, водить хороводы, общаться с духами предков и с духами природы. Тут бы по-хорошему нужно уметь управлять силой, хотя бы ради техники безопасности... потому что приоткроются границы между мирами...

— Может, нас просто зрителями... — начала Марта.

— На шабаше зрителей не бывает! — перебила её Анжелика. — После обеда пойдёте на заговоросложение к Иве Медлибор. Это в правом крыле, — Анжелика махнула рукой, в какую сторону нужно будет идти. — Он тот ещё зануда, но своё дело знает. А потом к Виолетте Марковне. Вам повезло, что она будет готовить вас к Бельтайну. Она очень

опытная. Слушайте их обоих внимательно. Может так оказаться, что то, что они скажут спасёт ваши жизни.

Марта с Полиной притихли.

Анжелика с шумом отодвинула стул и встала. Потом вдруг наклонилась и быстро сказала:

— Учитесь! Здесь двоечники не выживают.

Анжелика развернулась было идти, но Марта спросила её:

— Ты всегда появляешься в нужный момент. Как ты нас находишь?

— Так же, как и у тебя горб, а у неё, — Анжелика кивнула на Полину, — смазливое личико, что, кстати, для Бельтайна не очень хорошо.

— Почему? — испугалась Полина.

Но Анжелика только усмехнулась в ответ и, бросив:

— Скоро узнаешь! — направилась к выходу.

Подруги молча следили за ней, но того, как она вышла из столовой — не заметили. Анжелику закрыли несколько девушек студенток, идущих ей навстречу, в следующий миг Анжелики в столовой уже не было.

— Какие-то эти отбивные и этот салат проклятые, — сказала Марта и отодвинула тарелку. Но увидев, что Полина вот-вот расплачется, снова притянула еду и сказала: — Надеюсь, больше нам никто не помешает обедать. Ешь, подруга! — И добавила уже другим тоном: — Я тебя ни за что не оставлю, а вместе мы справимся хоть с кем! В крайнем случае буду отпугивать злодеев своим горбом!

Полина сначала фыркнула, а потом не удержалась и рассмеялась.

— Ну вот и хорошо! — Марта улыбнулась. — Ешь! Думаю, силы нам понадобятся.

Возвращались в свою комнату Полина и Марта хмурыми и выжатыми настолько, что сил не было даже разговаривать. Они прошли через гостиную, сиявшую утром солнцем и радовавшую светом, прошли мимо картин.

Марта задержала взгляд на картине, которая обозначала коридорчик в комнату Анжелики. Теперь горящую на костре ведьму Марта воспринимала совсем иначе. Получалось, картина символизировала то, как Анжелика попала сюда. Хотя, конечно, её не сжигали, но... Не обязательно действие должно быть совершено, иногда достаточно обозначить его. Ведь, несмотря на то, что костра как такового не было, страдания Анжелики и её страх были настоящими и сильными.

Эта безумная и ужасная сцена, когда пьяные одноклассники во главе с любимым парнем тащат Анжелику на улицу и кричат: «На костёр её!», встала перед глазами Марты во всей своей неприглядности. Конечно, можно рассматривать всё это как идиотскую студенческую шутку, вот только Марта видела, какое потрясение испытала Анжелика, и относиться к произошедшему как к шутке не могла. Она тяжело вздохнула.

— Ужасно, правда? — спросила Полина.

Марта оглянулась и поняла, что они уже некоторое время стоят, и что подруга тоже рассматривает горящую на костре ведьму.

Полина между тем продолжила:

— Она ведь, которая на картине, на Анжелику чем-то похожа...

Марта пригляделась — да, сходство есть. Только девушка на картине... Марта задумалась, подбирая слова...

— Да, сходство есть... — сказала она. — Только девушка на картине более ранимая и не такая жёсткая, как Анжелика.

— Станешь тут жёсткой, — вздохнула Полина и добавила: — Пойдём?

И первая двинулась к своему коридорчику. Марте ничего не оставалось делать, как пойти следом.

Перед тем, как шагнуть вслед за Полиной сквозь пелену, Марта бросила внимательный взгляд на четырёх нимф, танцующих под музыку козлоного Пана, и чуть-чуть приотстала от подруги.

И тут раздался голос:

— Подожди!

Марта вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Ещё миг назад гостиная была пустой, и вот уже позади Марты стоит Анжелика и протягивает ей листок бумаги.

Марта растерялась.

— Вот ваше расписание на завтра, — сказала Анжелика и подняла листок повыше.

Марта машинально взяла его. Она только что раздумывала о судьбе Анжелики, и вот она Анжелика собственной персоной.

Возникло некоторое чувство неловкости. И Марта, чтобы разрушить его, ответила осипшим вдруг голосом:

— Спасибо, — и откашлялась, прочищая горло.

Анжелика кивнула и... осталась стоять, словно разговор ещё не закончен, словно она

хотела сказать что-то ещё. Но смотрела на Марту и молчала.

Марта молчала в ответ.

Конечно, у неё к Анжелике было много вопросов, но встреча произошла так внезапно, что Марта оказалась не готова задать их.

По Анжеликиному лицу было видно, что и у неё есть вопросы к Марте, и есть что сказать горбатой девушке, о чём предупредить её... Но слова не звучали.

Так и не решившись сказать задуманное, Анжелилка развернулась на каблучках и отправилась к коридорчику, отмеченному ведьмой, горящей на костре.

Марта ещё некоторое время смотрела ей вслед, а потом тряхнула головой, скидывая странное оцепенение и шагнула в пелену.

Мысли вернулись в прежнее русло, и, открывая дверь в свою комнату, Марта уже думала: «С Анжеликиной картиной всё понятно — был такой случай в её жизни, из-за него Анжелика попала сюда, в университет магии. А вот что означают танцующие нимфы, неясно».

Когда Марта зашла в комнату, Полина уже плескалась в душе. Вещи её по обыкновению были разбросаны по комнате. Марта задумчиво взяла платье Полины и повесила его на спинку стула.

Расправляя платье, Марта обнаружила, что всё ещё сжимает в руке листочек с расписанием, который ей дала Анжелика. Марта повернулась к столу, чтобы положить листок, и тут увидела, что на столе, на котором утром было пусто, теперь висят две стопки учебников и тетрадей, рядом с ними лежат ручки и карандаши с линейками.

Марта подошла, посмотрела — учебники в обеих стопках были одинаковыми, по тем предметам, которые девушки изучали сегодня. Марта полистала их и отложила в сторону.

Когда откладывала книгу, то нечаянно столкнула тетрадь, та упала и раскрылась на первой странице. Марта увидела надпись: «Студентка 1 курса университета магии, факультет ведьмовства Полина Вересова. Предмет: «Заговоросложение». Преподаватель профессор Ива Медлибор. Домашнее задание: составить заговор на удачу»

Марта положила тетрадь обратно в стопку, поняв, что эта стопка предназначена Полине, и подошла ко второй, взяла первую попавшуюся тетрадь, раскрыла. Там было написано: «Студентка 1 курса университета магии, факультет ведьмовства Марта Воронова. Предмет: «Истории магии». Преподаватель профессор Февронья Статс. Домашнее задание: написать реферат об использовании магических символов».

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Марта была в шоке. Она была уверена, что на сегодня учёба закончилась, а оказалось — далеко нет.

Взяла следующую тетрадь. Там значилось: предмет «Заговоросложение». Преподаватель профессор Ива Медлибор. Домашнее задание: составить заговор на защиту от привидений.

Третья тетрадь была по травоведению, нужно было написать реферат по лечебным свойствам ромашки аптечной. Запись в четвёртой тетради гласила, что для подготовки к Бельтайну нужно выучить ритуал вызывания покровительствующего духа... По зельеварению выучить рецепт приготовления успокоительной настойки... По прорицанию — написать реферат по использованию магических кристаллов в практике средневековых предсказателей...

Марта в изнеможении опустилась на стул.

Из ванной вышла разруганная Полина.

— Ты чего там сидишь? — спросила она у Марты.

— Ох, подруга, у нас с тобой тут домашнего задания выше крыши!

— Какого задания? Откуда? Нам никто ничего не задавал!

— Ещё как задали! Тут неделю учить... так, а какие предметы у нас завтра?

Марта развернула листочек. Предметы были те же, что и сегодня, плюс ещё один предмет — ритуальные песни. И вести их будет профессор Прохор Сиявш.

Марта бессильно опустила голову на стол.

Полина подошла к ней и взяла листочек с расписанием, посмотрела, словно Марта могла ошибиться и прочитать совсем не то, что там было написано, потом взяла тетрадь Марты.

— Твои вон там, — сказала Марта и кивнула в сторону Полининой стопки.

Марта тяжело вздохнула, взяла первую попавшуюся тетрадь, открыла её, нашла соответствующий учебник, нашла нужную тему и начала читать. Потом взяла ручку и стала записывать в тетради.

— Ты что, будешь сейчас делать всю эту домашку?! — ужаснулась Полина.

— Ага! И ты тоже будешь, — ответила ей Марта.

— Сегодня?.. — На лице Полины было написано искреннее страдание.

— Думаю, да, подруга! — совершенно серьёзна ответила Марта.

Она уже справилась с отчаянием и приняла решение. Но посмотрев на совершенно раскисшую Полину, сказала:

— У нас нет выбора... — и ткнув ручкой в свой горб добавила: — Как видишь, у них есть хорошие способы убеждения.

Полина с ужасом посмотрела на Марту и пододвинула стул.

Очень быстро выяснили, что по всем предметам задания для Марты и для Полины отличаются.

Спустя какое-то время Полина застонала:

— Это же невозможно! Столько выучить за один день!

Марта, которая к тому времени уже втянулась в процесс, ответила:

— А ты не думай об этом. Просто делай и всё.

— Как так — не думай? — застонала Полина.

Марта оторвалась от работы и посмотрела на подругу.

— Полина, — сказала она. — Представь, что завтра ты встретишься с Бардом, а у тебя горб за невыполненные уроки.

— Они не посмеют! — прошептала, побледнев, Полина.

— Посмеют, — жёстко ответила Марта и вернулась к своим записям.

Полина взглянула на Марту широко раскрытыми глазами, в которых читался ужас, и тоже села рядом. Взяв верхний учебник и тетрадь, она тяжело вздохнула и погрузилась в заговоросложение.

— Хм... Тут написано, что нужно составить заговор на удачу. Но мне ведь и так всегда везёт!

— Не в этот раз, дорогая... — тяжело вздохнув, ответила Марта.

— Ну да... — согласилась Полина. — Так... заговор на удачу... заговор... Это стихи, что ли?

Марта снова оторвалась от своих записей.

— Вспомни, что говорил Ива Медлибор, — сказала она Полине.

— Медлибор сказал, что все стихи родом из заговоров и напевов. Хм... Так может потому песенную поэзию и за поэзию не считают, что она изначально не от заговоров родом, а от напевов, то есть, песен?

Марта пожала плечами.

— Возможно... Кто ж теперь знает наверняка? Хотя, бывают же стихи, которые поются? И при этом остаются стихами. И бывает, что в песне хорошие стихи...

— А может, когда в песне хорошие стихи, это означает, что стихи были изначально, а песня появилась позже. Хотя, ты права, для нас сейчас это абсолютно не важно... Но интересно...

Последние слова Полина произнесла чуть слышно. Слова потерялись за ритмом, который Полина принялась легонько отстукивать пальцем.

— Заговор на удачу... Заговор на удачу... — шептала она. — Хотите заговор? Значит, будет заговор...

И принялась записывать текст. Казалось слова сами стекают с кончика обыкновенной шариковой ручки и укладываются в строчки...

Встану на заре, выйду из дома на дорогу, что на семи ветрах. Как подхватит меня первый ветер, так отнесёт в страну здоровья и красоты, и всю красоту и здоровье мне. Как подхватит меня второй ветер, так отнесёт в страну свершившихся мечтаний, и все мечтания, которые свершаются, мои. Как подхватит меня третий ветер, так отнесёт в страну, где друзья надёжные, и всё надёжные друзья у меня. Как подхватит меня четвёртый ветер, так отнесёт в страну, где работа спорится, и всё у меня. Как подхватит меня пятый ветер, так отнесёт в страну, где вера сильная, да всё во мне. Как подхватит меня шестой ветер, так унесёт в страну, где все радуются — мне. Как подхватит меня седьмой ветер, да унесёт в страну удачи, а удача — это я и есть. Слово моё твёрдое, слово моё верное! Значит быть посему!

Полина поставила точку и ещё раз перечитала текст.

— А что, я уже прямо чувствую, как удача попёрла! — сказала она вдохновенно.

Марта прыснула над своей тетрадью. А потом озорно глянула на подругу и спросила:

— А в уроках твоя удача поможет?

— Легко! — ответила Полина, любуясь только что составленным первым в своей жизни заговором. — Сейчас как напишу всё махом!

— А со мной удачей поделишься? — спросила Марта.

— Бери, читай! Мне для тебя ничего не жалко! — ответила Полина и широким жестом пододвинула тетрадь к Марте.

Марта, дурачась, прочитала нараспев заговор Полины.

— Нужно трижды! — с деланой серьёзностью сказала Полина.

Марта прочитала текст заговора ещё дважды — громко, с пафосом. Полина придирчиво слушала. В конце критически заметила:

— Конечно, не идеальное прочтение этого гениального текста, но всё равно хорошо!

— Покажи пример, — предложила Марта.

— Легко! — ответила Полина, вскочила на табуретку и, воздев руки к потолку, с придыханием, жестикулируя и постоянно заглядывая в тетрадь, прочитала своё сочинение.

— А ещё два раза? — смеясь заметила Марта. Полина поморщилась. — Давай, давай! — настояла Марта.

Второй раз Полина прочитала с подвываниями. В третий раз — изо всех сил стараясь сохранить серьёзность.

Едва прозвучали последние слова, подруги рассмеялись. Сразу стало легко. Напряжение ушло. Словно девушки целый день отдыхали, а не учились.

— А тебе какой заговор нужно написать? — спросила Полина.

Марта нашла нужную тетрадь и прочитала задание вслух:

— Хм. Защита от привидений... Ну и как мы от них защищаться будем?

Полина задумалась ненадолго и сказала:

— Мы им скажем: «А идите-ка вы!». Они и уйдут.

— Чтобы ушли, нужно сказать убедительно, — Марта с сомнением покачала головой. — А как убедительно для привидений?

— Ну, думаю, нужно саспиенса нагнать для них, чтоб они испугались... — с деланой серьёзностью спросила Полина.

— Чего-чего нагнать? — Марта с интересом уставилась на подругу.

— Жути... — пояснила Полина.

— А чего боятся привидения? Света? — уже всерьёз предположила Марта.

— Ох, Марта! Привидения боятся, что их в серьёз не примут! Что над ними будут смеяться...

— Смеяться, говоришь? Ну что ж, сделаем им смешно... — Марта взяла ручку и начала записывать в тетради:

Привидение, ха-ха,

Испугалось петуха!

Побросало цети наспех,

И сбежало — курам на смех.

Мы его боялись слишком,

А оно само трусишка!

Полина критически, с видом профессионала прочитала Мартину писанину и огласила вердикт:

— Я б на месте привидения постеснялась бы нападать после такой обидной дразнилки.

— На том и порешим! — улыбнулась Марта и отложила тетрадь и учебник в сторону. — Будем считать, что один предмет мы сделали. Что там у нас дальше?

С шутками и прибаутками подруги быстро выполнили домашнее задание и отправились спать.

— Как ты думаешь, я Барду понравилась? — спросила Полина, когда в комнате остался гореть только один ночник.

— Ох, — вздохнула Марта. — Надеюсь, что он хороший человек, иначе, если вдруг окажется, что он подлец и гад, я его убью.

— Там в хрустальном шаре змея укусила меня, — вздохнула Полина. — А на травологии змея приползла к тебе.

Марта приподняла голову и посмотрела на подругу и сказала:

— Думаю, Полина, нужно согласиться с версией преподавательши-цыганки. Змея в

твоём видении не змея вовсе, а символ мудрости. Как Лилит Златановна сказала...

Полина помолчала немного, а потом спросила:

— А как бы ты расшифровала видение? Если не слушать преподавателя... Именно как ты сама считаешь. Только честно!

— Как бы я расшифровала... — Марта задумалась. — Я бы сказала... тут возможны несколько вариантов. Во-первых, если змея я, то я приревновала и убрала соперницу. Но это на поверхности... Думаю, что Лилит Златановна была бы довольна, если бы ты именно так расшифровала своё видение. — Марта помолчала, дожидаясь реакции Полины на свои слова, но Полина молчала. Поэтому Марта продолжила. — Но я бы расшифровала твоё видение по-другому. Я бы сказала, что Бард не тот, за кого себя выдаёт и тебе грозит опасность. Возможно, змея спасла тебя.

— Ничего себе спасла! — воскликнула Полина и тяжело вздохнула.

— Я понимаю, как мои слова выглядят, — сказала Марта. — И тем не менее. Ты спросила, и я честно ответила.

— Да я понимаю, что честно, — вздохнула Полина. — Ну ладно, давай спать.

Полина погасила ночник и повернулась к Марте спиной.

Марта лежала и смотрела в темноту. Она была честна с Полиной и сказала так, как действительно считала. Но и прекрасно понимала, что Полина услышала то, что хотела услышать. Вот только Бард перестал для Марты существовать в тот момент, когда он обернулся, и она увидела тёмную сущность лаборанта.

«Хотя... — Марта задумалась. — А действительно ли я увидела то, что увидела? Может мне это всё показалось?»

Марта попробовала списать всё на своё богатое воображение, но что-то в душе заныло, запротестовало... словно та часть Мартиной души, которая опознала тёмную сущность, настолько сильно испугалась, что никаким рассудком задавить её было невозможно.

Осталось только придумать, как донести до Полины свои чувства. Ведь поначалу-то Марте Бард тоже понравился, и Полина это заметила.

Пока Марта раздумывала, Полина засопела во сне.

И тут Марта почувствовала тонкий розовый аромат.

Та часть души, что была взволнована Бардом, насторожилась, и Марта сама не зная почему притворилась спящей.

Луна наполняла комнату призрачным светом, и в этом свете Марта увидела, как в комнате внезапно появился мужской силуэт — только что его не было, и вот он здесь. Он сделал характерное движение, словно подкрутил усы. Потом подошёл к столу, заглянул в тетрадки — сначала Полинины, потом Мартины. Потом щёлкнул пальцами и исчез.

Марта лежала не шевелясь. Сна не было ни в одном глазу. Сердце стучало как бешеное...

Когда скорая увезла Владимира, Анна Юрьевна повернулась к Петру Ильичу. Он был несколько растерян и не знал, как поступить. С одной стороны, время уже позднее, и оставаться у одинокой женщины было неудобно. С другой стороны, произошли такие события... Этот явившийся непонятно откуда бывший муж со странными претензиями... Плюс, слёзы Анны Юрьевны в трамвае...

Пока вокруг была суета, вопроса уходить или остаться не стояло. Ясно было, что нельзя бросать женщину наедине со всеми этими проблемами. Но теперь, когда наедине остались уже Анна Юрьевна и Петр Ильич, нужно было что-то решать.

И он с удовольствием остался бы, если бы Анна Юрьевна подала хоть малейший знак или намёк. Но она молчала и никак не помогала Петру Ильичу определиться с выбором.

Анна Юрьевна стояла независимая и самодостаточная. И ждала...

Пётр Ильич чувствовал, что сейчас решается будет ли у них общее будущее. Он понимал, что должен что-то сделать, понимал, что Анна Юрьевна ждёт чего-то именно от него — киках-то слов или поступка. И совершенно не знал каких.

Что лучше? Пожалеть её и остаться?.. Попрощаться и уйти?.. Ему нужен был хотя бы намёк.

Время утекало, как песок сквозь пальцы. Вот уже на ладонях осталось несколько песчинок и Анна Юрьевна, как в замедленном сне начала медленно поворачиваться в сторону Петра Ильича. Вот она уже набрала в лёгкие воздуха, чтобы вынести вердикт, и Пётр Ильич с ужасом понял, что вердикт будет не в его пользу.

Нужно было что-то делать и срочно. Иначе, Пётр Ильич знал это наверняка, он потеряет Анну Юрьевну навсегда. И он должен сам найти правильное решение.

Вот только какое?

Одно он знал наверняка: Анна Юрьевна стала ему безмерно дорога. Ещё тогда, когда она пришла к нему в кабинет как свидетельница по делу об исчезновении двух девушек — он увидел в ней уставшую женщину и вдруг пожалел её. Ещё тогда он почувствовал не просто симпатию, а нечто большее — притяжение. Именно это притяжение привело его в цветочный магазин. Образ Анны Юрьевны стоял перед его глазами, когда он выбирал цветы.

Да, собственно, и не выбирал. Он и представить не мог в руках Анны Юрьевны другой букет...

А потом, когда она плакала в трамвае, он готов был мир перевернуть, чтобы только она улыбнулась.

А уж когда пришёл Владимир... Пётр Ильич готов был драться за неё насмерть. И судя по всему, она это почувствовала, раз сказала бывшему мужу, что посмотрела бы на то, как он разберётся с Петром Ильичом...

Когда же потом она стояла, словно королева, Пётр Ильич понял, что готов положить к её ногам мир.

И теперь нужно было срочно принять правильное решение, сделать что-то, что помогло бы ему завоевать любовь этой женщины. А он растерялся...

Время утекало, а с ним и шанс на счастье.

И тогда Пётр Ильич в каком-то сумасшедшем отчаянии шагнул к Анне Юрьевне и сказал искренне, как есть — не придумывая ходов:

— Анна Юрьевна... Аннушка. Я хочу вас. И мучительно ищу повод остаться. И не нахожу.

Анна Юрьевна чуть заметно улыбнулась, и ещё до того, как она ответила, Пётр Ильич понял, что это были единственно правильные слова. Что в общем-то и подтвердила Анна Юрьевна.

— Так оставайся без повода, — негромко сказала она.

Слова прозвучали тихо. Но была в них такая сила, такой призыв, что Пётр Ильич шагнул и взял женщину за руки. Но потом не выдержал и поцеловал...

Мир поплыл, закружился. Изменился.

Во всём мире теперь существовали только Анна Юрьевна и он, Пётр Ильич. Его палец сплелся с её пальцами, его губы не могли утолить жажду, её запах... Какой чарующий был у неё запах... Начальной нотой стал аромат нежнейших роз, нотой сердца — аромат альстромерий, и основой к ним, базовой нотой поплыл аромат кофе арабики...

Три волшебных аромата — роз, альстромерий и кофе — смешались и появилось нечто новое, чего раньше не существовало в этом мире. Нечто сильное, притягательное, способное разрушать и способное созидать.

Никогда ещё близость с женщиной для Петра Ильича не была такой волнующей и... запечатлевающей. Он целовал и целовал Анну Юрьевну и не мог оторваться. Потом подхватил её на руки словно пушинку и отнёс на кровать.

Одежда полетела прочь, открывая доступ к запретным местам и снимая барьеры...

Пётр Ильич покрывал поцелуями податливое тело Анны Юрьевны и никак не мог остановиться — ничего более сладкого он в своей жизни не знал. Конечно, в его жизни были женщины, но ни одна не могла сравниться по притягательности с Анной Юрьевной. Он целовал её снова и снова, пил её женственность и никак не мог утолить жажду. Наоборот, казалось, что жажда становится всё сильнее и сильнее, поцелуи всё настойчивей и настойчивей и...

Анна Юрьевна в изнеможении застонала.

Самой лучшей на свете музыкой был для Петра Ильича этот сладостный стон любимой женщины. До капельки выпил он этот стон, до самой последней капельки...

И лишь когда тело Анны Юрьевны стало теплее и мягче, Пётр Ильич заглянул в её глаза.

Она, встретившись с ним взглядом, прошептала:

— Иди ко мне...

И Пётр Ильич на стал больше сдерживать своё рвущееся желание. Он вошёл... И наполнил любимую женщину своей любовью, своим теплом, счастьем обладания... И на самом пике наслаждения — новой жизнью.

Спустя несколько минут и целую вечность мир вернулся к своим привычным очертаниям. Пётр Ильич стал зябнуть, и Анна Юрьевна потянулась за одеялом, отброшенным в сторону. Пётр Ильич помог ей достать его и расправить.

Укрывая Анну Юрьевну и укрываясь, он нечаянно коснулся её груди, которую только что ласкал. Волна нежности поднялась в нём, и он с благодарностью поцеловал Анну Юрьевну в плечо и прошептал:

— Спасибо!

Получив ответный поцелуй и слова благодарности, он ласково обнял Анну Юрьевну, убедился, что ей удобно и снова поцеловал, теперь в макушку.

— Люблю тебя, — сказал он и добавил: — Если и есть в мире счастье, то это оно.

— Да, — подтвердила Анна Юрьевна.

Анна Юрьевна поёрзала немного, поудобнее устраиваясь на плече Петра Ильича, и закрыла глаза. Спать она не хотела, но, слушая ровное дыхание мужчины, задремала.

...И снова оказалась в большом зале. Пахло розами, играла музыка. Анна Юрьевна увидела, что в её сторону идёт мужчина в чёрном, с подкрученными вверх усами, в руках у него роза.

Он идёт, как хозяин положения — спокойно, расслаблено...

И вдруг натывается на прозрачную стену — откуда стена взялась, Анна Юрьевна даже не поняла. Мужчина в чёрном, кстати, тоже.

Он с недоумением поднял руку и принялся ощупывать незримую преграду.

Анна Юрьевна видела его попытки и понимала, что он не сможет подойти к ней. Она прислушалась к своим чувствам, и поняла, что и не хочет, чтобы он подходил.

Она стояла и равнодушно смотрела на попытки усатого преодолеть барьер — он прикасался к барьеру розой, размашисто рисовал цветком на прозрачном барьере дверь, хлестал розой по невидимой стене, в отчаянии долбил в неё кулаком, пинал...

Когда Анне Юрьевне надоело смотреть на безуспешные попытки усатого проникнуть за барьер, она спокойно повернулась к нему спиной и увидела, что позади неё стоит другой мужчина — Пётр Ильич. Просто стоит и любуется Анной Юрьевной, и не обращает никакого внимания на усатого, словно того и нет вовсе.

Анна Юрьевна улыбнулась Петру Ильичу, и он раскрыл для неё объятия. Она шагнула навстречу.

Пётр Ильич нежно обнял Анну Юрьевну и сказал восхищённо:

— Моя королева!

И от его голоса бальный зал, музыка и усач в чёрном исчезли, будто их и не было никогда...

Анна Юрьевна проснулась и увидела, что она лежит на плече у Петра Ильича, а он спит — спокойный и умиротворённый.

***

Едва Полина отвернулась от Марты, как словно бы провалилась в сон. Вот только что она лежала на кровати в комнате, где поселили их с Мартой, и вот уже стоит на лесной поляне — идеально круглой, словно созданной искусственно.

Со всех сторон поляну окружали дремучие сосны, но на самой границе рос густой подлесок — непролазные кустарники лесного ореха, шиповника, бузины...

Кроме Полины на поляне никого не было, но в лесу за кустами угадывалась жизнь — слышалось пение птиц, шелест травы, хруст веток...

Полина огляделась. Место было незнакомое. Как она здесь оказалась — неизвестно. Лес, окружающий поляну, был тёмным, и это добавляло жути.

— Эй, кто тут есть?! — крикнула Полина.

Звуки в лесу стихли, и от этого стало ещё страшнее.

Полина оглянулась и подняла высохшую сосновую корягу.

— Я вооружена, имейте в виду! — снова крикнула она в темноту леса.

В лесу воцарилась тишина. Потом ветки затрещали, и на поляну вышел златорогий

олень, тот самый, который приходил на занятие по травоведению к Агафье Тихоновне Бабушкиной.

— Заграй?.. — неуверенно спросила Полина и отбросила корягу.

Олень подошёл к ней и склонил голову, напрашиваясь на ласку.

Полина почесала оленю между рогов, он фыркнул от удовольствия и пододвинул голову ещё ближе.

Полина смелее почесала между рогов, потом погладила благородную шею.

Олень преклонил колени, как бы предлагая Полине прокатиться.

— Это же сон? — спросила Полина у оленя.

Олень согласно качнул головой и кивнул на спину, приглашая Полину сесть.

Она не стала долго раздумывать и, взобравшись на спину Заграя, взялась за рога.

Олень аккуратно встал и сделал несколько шагов, как бы проверяя, крепко ли сидит наездница.

И тут Полину охватил азарт. Она сжала пятками бока, понужая оленя двигаться. А ему словно именно этого и было нужно. Победно протрубив, олень широкими прыжками поскакал в лес.

Если на поляне было светло, то в лесу Полину окружила тьма.

Полина подумала: испугаться ей или нет... Потом решила, что пугаться не будет — это же сон! И прижалась к сильной мускулистой спине Заграя.

Олень скакал и скакал — быстро и уверенно. Деревья мелькали одно за другим. Ровный шаг золоторого постепенно убаюкивал девушку.

«Интересно, — подумала она, засыпая, — сплю я или не сплю? А если сплю, то могу уснуть во сне? И если вдруг усну, что произойдёт?..»

Не успела Полина додумать, как оказалась в большом лабиринте, все стенки которого были зеркальными и, отражаясь друг в друге бесконечное множество раз, создавали мир настолько нереальный, что Полина даже не стала делать попыток разобраться что это за место. Единственное, о чём она подумала, рассматривая свои бесчисленные отражения — хорошо, что она красивая, и отражения лишней раз ей показывают её красоту.

И ещё она подумала о том, что Марте тут было бы очень некомфортно — видеть столько горбов...

Полюбовавшись, Полина двинулась по зеркальному коридору, и её отражения тоже двинулись: часть — в ту же сторону, что и она, а часть — поспешили прочь.

Полина рассматривала их, удивляясь непривычному эффекту, и отражения тоже рассматривали... что-то...

...Или кого-то...

Потому что вскоре Полина услышала чужеродный звук.

Она прошлась, а потом пробежалась, и отражения повторили всё за ней, а звук остался таким же, каким и был.

Полина остановилась и прислушалась, ей хотелось знать, что это за звук и с какой стороны он исходит. Он отражался от стен, множился и перекатывался эхом по лабиринту, и выяснить, откуда он идёт, было совершенно невозможно.

Спустя несколько минут Полина поняла, что этот многократно отражённый от стенок лабиринта звук — звук шагов — чьих-то, не её.

Оглядываясь и видя в зеркалах только свои отражения, Полина испугалась. Но потом решила, что это же сон, и осталась стоять на месте, дожидаясь, пока тот, чьи шаги она

слышала, подойдёт поближе.

Ждать ей пришлось недолго. Лабиринт словно бы почувствовал её готовность встретиться с тем, чьи шаги она слышала, и к её отражениям присоединились тысячи отражений Барда.

Полина рассматривала отражения и не понимала, где настоящий Бард, а он не спешил обозначить себя.

И... все отражения красавчика лаборанта смотрели на Полину! В то время, как отражения самой Полины смотрели в разные стороны.

Едва она это поняла, как зеркала, и отражения в них, начали рушиться и проваливаться в темноту.

Полина смотрела на зеркальный дождь, на то, как осколки двух красивых лиц — её и Барда падают в бездну и ей было жалко, что столько красоты пропадает даром.

В какой-то момент ей показалось, что это не осколки зеркал падают вниз, а это она летит вверх, и куда вынесет её, она не знает.

Стало неуютно. Ей так хотелось, чтобы повезло, чтобы поток вынес куда-нибудь в знакомое и безопасное место... или хотя бы в красивое... Но поток был неуправляемым.

Эх, тут бы немного удачи!..

И тогда Полина начала вспоминать заговор на удачу, написанный ею перед сном, но слова, которые она произносила, летя навстречу зеркальным осколкам, теперь складывались иначе...

Поднимусь на заре на лысую гору к семи ветрам. Как подхватят меня семь ветров, как понесут на семь сторон...

Полина растерялась, она хорошо помнила, что писала не этот текст. Ведь его трижды прочитала Марта, и трижды прочитала она сама... Но слова произносились помимо её воли.

...как на семь сторон да за семь морей...

Полина попробовала закрыть ладонями рот, но слова звучали, и она ничего с этим поделать не могла.

...как за семь морей да за семь веков...

Она хотела закричать, но получилось только:

...Как за семь веков да к семи ведьмам-матерям.

Примут ведьмы-матери меня — жертву — и будет мир...

...Слово моё твёрдое, слово моё верное! Значит быть посему!

Вихрь подхватил Полину и понёс её всё быстрее и быстрее, а она сквозь слёзы всё шептала и шептала:

— Это только сон... это только сон...

Осколки падали, Полина летела... И это продолжалось довольно долго. Однообразие сначала притупило страх, а потом и вовсе сморило. И засыпая, Полина подумала: «Хоть бы

приснилось что-то красивое...»

Потихоньку начало светать, и осколки зеркал с отражёнными в них лицами Полины и Барда превратились в осенние листья. И Полина тоже почувствовала себя осенним листом. Она мягко опустилась на землю вместе с другими жёлтыми и красными собратями... сосёстрами... Это было мягко и шелестно... И очень красиво!

И тут Полина увидела, как по осенним листьям идёт Бард. Листья шуршат под его ногами, стонут...

И вот это уже и не листья вовсе, а студентки университета магии, и Бард наступает на них... Они кричат, а потом замирают, а он не обращает на них никакого внимания, просто идёт себе и всё.

Он подходит всё ближе и ближе, и вот сейчас наступит на Полину...

Полина испугалась, закричала и...

...И проснулась.

Она была в своей комнате в университете магии. Стояла глубокая ночь. Над кроватью горел ночник — его тусклого света едва хватало, чтобы сориентироваться в пространстве. Царила тишина. На соседней кровати под золотистым балдахином посапывала Марта. В мире ничего не происходило. Во всяком случае Полине так казалось.

***

Когда Серафимович исчез, Марта ещё долгое время лежала, прислушиваясь. Но в комнате было тихо. Марте хотелось плакать от бессилия, она поняла, что не может быть в университете магии в безопасности нигде, даже в комнате, которую выделили им с Полиной.

Она вспомнила слова Полины про видеокамеры и мысленно усмехнулась — видеокамеры, это такая мелочь! У них всегда есть слепая зона, их легко обмануть, а тут — Серафимович — Марта была уверена, что видела именно его — свободно появляется и исчезает, когда ему заблагорассудится!

Да не просто так появляется, а ещё и вредит! Когда в первый вечер Марта с Полиной перед сном пошутили насчёт того, что Серафимович — ведьм, утром Марта проснулась с горбом, а Полина, как будто чтобы подчеркнуть Мартино уродство, стала красоткой.

Теперь вот он посмотрел тетрадки... И где гарантия, что он не слышал разговора Марты с Полиной насчёт Полининого видения на занятии по прорицанию. А если слышал, то чем это обернётся? Какую пакость нужно будет ждать утром?

Мартины мысли снова и снова крутились вокруг последних событий. Она снова и снова прокручивала в уме разные варианты... в конце концов усталость взяла своё, и Марта уснула.

И снилась ей трава у дома... Настолько зелёная, что казалась неестественной.

Марта ступила на зелёную траву босыми ногами, и почувствовала нечто подвижное, живое. И это нечто ползло... словно движущаяся дорожка среди травы. Только ползла она не ровно, а змейкой...

Трава шелестела и расступалась... и в тот момент, когда трава сильно разошлась, Марта увидела, что она стоит на спине огромной змеи.

Марта захотела сбежать, но у неё ничего не вышло — змея ползла всё быстрее и быстрее. И если в первый момент ещё можно было спрыгнуть, то чем дальше, тем это становилось опаснее — на такой скорости можно разбиться насмерть.

Как только Марта это поняла, она покорила судьбе и села на широкую спину большой

змеи.

Мимо мелькали деревья, дома, реки, озёра, а змея всё ползла и ползла...

«Не будь это сон, — подумала Марта, — я решила бы, что это не простая змея, а змеиный царь Полоз... А я — невеста Полоза...»

Как только Марта подумала об этом, она подняла руку и увидела, что на безымянном пальце блестит золотое колечко...

— Полоз, Полоз, я ведь горбата и некрасива! Зачем я тебе? — тихонько спросила Марта.

Змея подняла голову и повернулась к Марте.

— Я ззнаю твою исстинную красссоту...

Но Марта вдруг усомнилась.

— А ты действительно змеиный царь?

— А это как ты захочешшшшь...

— Я хочу разобраться, что происходит? И хочу вернуться домой!

— Ты в этом уверена?

Марта хотела сказать «да», но вдруг усомнилась. Она отчётливо вспомнила свой настоящий, реальный университет, вспомнила преподавателя конфликтологии и конфликт с ним на ровном месте... А потом в памяти встали занятия в университете магии. И хотя Марта была совершенно не согласна с тем, как она сюда попала, ей было тут интереснее, чем там. Во всяком случае, во сне...

А змея тем временем поползла и ползла дальше...

Утром подруг у дверей ждала Анжелика. Она была явно чем-то сильно расстроена. И не просто расстроена — её глаза были как у больной кошки, а челюсти упрямо сжаты.

Марта сразу же вспомнила встречу с Анжеликой накануне, её молчаливый взгляд, и, не говоря ни слова, не спрашивая ни о чём, сочувственно посмотрела на старосту.

Та, казалось, была благодарна, за то, что Марта ни о чём не спрашивает её и быстро, пока Полина не начала задавать вопросов, сказала:

— Девушки, вам перед занятиями нужно зайти к Огненной ведьме Блейзе — ректору университета. И поспешите, чтобы не опоздать на лекции. У вас теперь занятия вместе со всеми, опоздания здесь не приветствуются...

— А почему... — начала Полина.

— Я б на вашем месте не тратила время на расспросы! — отрезала Анжелика.

— Куда идти? — коротко спросила Марта.

Анжелика сначала хотела объяснить, но потом махнула рукой.

— Пойдёмте! Только побыстрее! Я вас провожу, а то заблудитесь ещё...

И быстро пошла, почти побежала по коридорам. Подруги поспешили вслед за старостой.

Полина на бегу повернулась к Марте и спросила:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Марта пожала плечами и отрицательно качнула головой. Она бежала и время от времени поглядывала в спину Анжелики. Казалось, та чувствовала взгляды, но лишь шевелила плечами, словно скидывая незримый груз, и тогда Марта отводила взгляд ненадолго.

Коридоры какие-то уже узнавались, и Марта с Полиной могли бы сориентироваться в них самостоятельно, а какие-то переходы были незнакомыми, и подруги были благодарны Анжелике, за то, что она решила их проводить.

Кабинет ректора находился на верхнем этаже в стороне от учебных комнат. Марта подумала: если здание университета магии сравнить с космическим кораблём, то кабинет ректора можно назвать рубкой пилота.

Входная дверь была украшена резьбой. Вместо ручки из двери торчало кольцо с головой льва.

— Вам сюда, — сказала Анжелика и добавила: — Не опаздывайте на лекцию! Первой — история магии.

И убежала.

Едва Марта протянула руку, как лев на дверном кольце ощерился и зарычал.

Марта в страхе отпрянула и с обидой в голосе пробубнила:

— Анжелика... наша староста сказала, что Огненная ведьма Блейза приглашала нас...

Лев испытующе посмотрел на Марту и на Полину, а потом... закрыл глаза, и теперь уже перед девушками было обычное дверное кольцо.

С опаской Марта протянула руку и прикоснулась к нему — сначала кончиками пальцев, потом, смелее, ладонью. Потом взялась за кольцо и постучала.

— Кто? — раздался голос из ниоткуда.

— Полина Вересова и Марта Воронова, — ответила Марта и добавила: — Наш

староста сказала, что ректор приглашает нас.

Дверь открылась и подруги, переглянувшись, шагнули в кабинет.

К их удивлению, кабинет был обставлен в современном стиле. Шкафы встроены в стены. В кабинете стояли три стола: письменный — ректора — с большим компьютерным монитором и письменными принадлежностями, большой — для заседаний — рядом с ним стояли стулья-кресла с мягкой обивкой, но без подлокотников, и маленький столик — журнальный. Рядом с журнальным располагалось два стильных кресла. На стене, так, чтобы заседающим было хорошо видно, висел большой экран. А на противоположной, за спиной ректора — огромная на полстены мандала в деревянной раме. Её геометрический рисунок хорошо вписывался в интерьер, а легкое свечение линий говорило о магической силе мандалы.

Сама Огненная ведьма Блейза сидела за рабочим столом. Это была платиновая блондинка с длинными волосами, собранными в причёску раковину, с тёмно-зелёными глазами. Одета она была в деловой костюм кремового цвета, на шее висел кулон — большой изумруд каплевидной формы в изысканной оправе из белого металла. Точно такая же изумрудная капля была изображена в центре мандалы.

Огненная ведьма Блейза с интересом смотрела на вошедших и постукивала по столу длинными гибкими пальцами с модным маникюром.

Девушки замерли в дверях.

— Ну что же вы? Проходите, садитесь! — пригласила ректор Марту и Полину.

Марта с Полиной несмело прошли и сели на приготовленные заранее стулья. Они молча смотрели на ректора и ждали.

Огненная ведьма Блейза едва заметно улыбнулась и спросила:

— Как вам у нас?

— Хорошо...

— Интересно...

Ответили одновременно Марта с Полиной.

Огненная ведьма Блейза кивнула. Лицо её оставалось спокойным и невозмутимым.

— Я пригласила вас, чтобы обсудить с вами Бельгайн. Так получилось, что вам отводится на этом празднике особая роль.

— Почему? — спросила Полина. — Мы же только что начали учиться тут и ничего не знаем... и не умеем.

— Поэтому для вас будут организованы дополнительные занятия.

Полина не удержалась от вздоха и плаксиво спросила:

— А почему именно мы?

Огненная ведьма Блейза холодно посмотрела на Полину, отчего та съёжилась. Помолчала немного и сказала:

— Потому что ваше появление здесь было отмечено... скажем так... некоторыми представителями зооморфных групп. — Голос ректора звучал безэмоционально.

— Вы про оленя, змею и лебедя, которые пришли на травологию? — догадалась Марта.

— Именно! — Огненная ведьма Блейза помолчала, разглядывая девушек и словно бы решая говорить или нет, но потом всё же решилась. — Агафья Тихоновна сказала, что зооморфов отозвалось трое...

— Да, — подтвердила Марта. — Олень, змея и лебедь.

Огненная ведьма Блейза согласно кивнула и, снова немного подумав, продолжила:

— Но вас двое. А должно быть трое. Причём, трое вас должно быть на Бельтайне.

— А что будет, если нас будет двое? — спросила Марта.

— Круг не будет замкнут. А если круг не будет замкнут, то вам не хватит сил на битву с Сумрачным колдуном. — Огненная ведьма Блейза говорила спокойно и немного равнодушно. — А если Сумрачный колдун победит, то начнётся великая война магов, перед которой костры святой инквизиции покажутся лёгким развлечением.

— А почему мы должны сражаться с ним? — спросила Марта.

И одновременно с ней Полина спросила:

— А что, разве магический мир с реальным соприкасается?

Огненная ведьма Блейза снисходительно глянула на подруг и ответила:

— Миры — магический и реальный — связаны намного сильнее, чем вы думаете. И людей, в венах которых течёт ведьмовская кровь, очень много. Более того, даже наука в реальном мире подтвердила наличие магии. Вы слышали о теории струн?

Меньше всего Марта была готова услышать тут физические научные термины. Она с недоумением посмотрела на ректора и кивнула. Полина тоже неуверенно кивнула.

— А про теорию мембран, так называемую М-теорию?

Марта кивнула, Полина чуть погодя тоже — очень неуверенно.

— А про то, что один из вариантов расшифровки буквы «М» в названии «М-теория» означает — магическая теория?..

Марта с Полиной переглянулись и отрицательно помахали головами.

— Мы на социологии учились, а не на физике, — сказала, краснея, Марта.

Огненная ведьма Блейза усмехнулась, мол, чего ещё ждать от современной молодёжи? И продолжила менторским тоном, словно читала лекцию:

— М-теория как раз и описывает существование бесконечного множества миров и официально признаёт невозможность описать эти миры математически. Вы это будете изучать позже на занятиях по телепортации. Пока вам нужно знать следующее: учёные изучают мир, используя научный метод. Это означает, что исследование должно быть объективным, что никакие утверждения не должны приниматься на веру, даже если они исходят от авторитетных учёных, и что другие учёные должны суметь воспроизвести эксперимент. То есть, ничего магического. И тем не менее, учёные подошли к границе, за которой научный метод не работает, то есть, исследователь уже самим фактом исследований влияет на результат. Таким образом учёные вплотную подошли к изучению магии.

Огненная ведьма Блейза внимательно посмотрела на Марту с Полиной — понимают ли они, о чём она говорит. Девушки слушали внимательно и молчали.

— Повторяю, всё это подробно вы будете изучать позже... — продолжила ректор. — Если, конечно, победите в схватке с Сумрачным колдуном.

— А если не победим? — спросила Марта.

— А если не победите, то мира, каким вы его знаете, больше не будет. Уже сейчас последователи Сумрачного колдуна дают о себе знать. Вы наверняка слышали о том, что в последние годы активизировались сатанисты и террористы. Это всё одного поля ягоды... наркочилеры — из той же когорты... Мир на грани третьей мировой войны. Развязывает её Сумрачный колдун. А остановить может только вы... трое.

Девушки притихли. Они с ужасом смотрели на ректора. То, что она говорила страшные слова спокойно и безэмоционально, только добавляло ужаса.

Огненная ведьма Блейза, довольная произведённым эффектом, едва заметно улыбнулась

и добавила:

— В ваших интересах найти третью девушку и доставить её в наш университет. Причём на всё у вас только два дня. Плюс к этому вы должны научиться управлять своей силой...

— Какой силой?! — воскликнула в отчаянии Марта. — У нас нет никакой силы!

Полина закивала подтверждая.

— Есть, — улыбнулась Огненная ведьма Блейза. — Иначе зооморфы не выбрали бы вас. Вы должны её осознать и научиться управлять ей. И найти третью девушку... Без неё у вас нет шансов. У НАС нет шансов...

Полина и Марта вышли из кабинета ректора удручёнными и расстроенными.

— Что будем делать? — спросила Полина.

— Не знаю, — ответила Марта. — Пока пойдём на занятие, а там видно будет.

— Но мы должны рассказать о следователе! Возможно она и есть третья!

Полина была очень взволнована и именно это помогло Марте взять себя в руки.

— Нет! — жёстко сказала она. — Пока мы не разберёмся что тут к чему, мы не будем открывать всех карт.

— Но ведь мировая война...

— И ты веришь в то, что две обычные студентки могут стать причиной мировой войны?

— Нет, но... не будет же ректор университета лгать нам? — Полина была непреклонна.

Марта снисходительно усмехнулась и сказала подчёркнуто ласково:

— Полина, солнышко! Ректор тоже человек. И у неё есть свои планы и свои игры. Мы с тобой сейчас в этих играх простые пешки. А пешками жертвуют в первую очередь.

— Ты всё видишь в мрачном свете! — в глазах Полины стояли слёзы. — Я, конечно, не такая умная, как ты. Но... Марта, нужно верить людям!

Марта тяжело вздохнула и спросила:

— Даже если они захотят использовать нас в качестве жертвенного ягнёнка?

Полина вздрогнула. Она вспомнила свой сон и заговор, который прозвучал во сне. Но тем не менее, упрямо сказала:

— Зачем преподавателям приносить нас в жертву?

— Не знаю! — пожала плечами Марта. — Но мы должны всё взвесить, прежде чем...

— У нас всего два дня! — В голосе Полины прозвучала мольба.

— Это они так говорят!

— А вдруг они говорят правду?

— Вот я и хочу сначала понять...

Марта и Полина стояли посреди коридора. Они разговаривали громко и эмоционально... И не видели, что вокруг них уже потихоньку собирается толпа любопытных. Не видели, как из толпы вышел Бард...

Он подошёл к Полине, заботливо приобнял её за плечи и проникновенно спросил:

— О чём речь? Что вы хотите понять?

Марта аж поперхнулась словами, которые уже готова была произнести, но быстро сориентировалась и, не меняя интонации, сказала другое:

— Мы не знаем, что надеть на Бельгайн! У нас только эти чёрные платья, а должны быть зелёные...

— Это такие мелочи! — Бард усмехнулся. — Конечно же у вас будут зелёные платья...

Полина стояла и смотрела потрясённо на то на Марту, то на Барда.

— Но ведь... — жалобно пропищала она.

Но Бард слишком поспешно перебил её:

— Вас ждёт Февронья Статс! Вы опоздали на лекцию... Вы заблудились? Вас проводить?

И Полина с радостью согласилась.

Зато Марта с удивлением уставилась на красавчика лаборанта.

Тем временем Бард повлёл Полину по коридору. Марта пошла за ними следом...

Она шла и сверлила взглядом спины Барда и Полины и думала о том, что именно из их разговора услышал Бард? Что услышали другие люди в коридоре? В чьи уши попала информация о следователе? Чем им — Полине с Мартой это грозит? А ещё пыталась вспомнить, что именно они с Полиной говорили? И сколько успели сказать?

И костерила себя на чём свет стоит за неосторожность.

Но видя, как Бард и Полина щебечут впереди, задумалась: может, Полина права, и нужно доверять людям?

Но в данном случае доверять людям означало доверять Барду. А ему она довериться не могла — всё внутри противилось даже мысли об этом.

С другой стороны, Бард прервал их разговор и не дал дальше болтать. Что это означает? Что он на их стороне? Или это произошло случайно, и на самом деле Бард ничего не понял из разговора и купился на слова о зелёных платьях?

Но интуиция подсказывала Марте, что лаборант не так прост. Всё он слышал! Но почему-то не дал болтать... Интересно, почему?

Марта едва поспевая за идущими впереди неё Бардом и Полиной, прислушалась к их болтовне.

— Так ты что, впервые пойдёшь на Бельтайн? — в словах Барда звучало изумление, мол, как можно не знать про Вальпургиеву ночь?

— Да я до вчерашнего дня вообще не знала, что такой праздник есть! — В словах Полины звучало смущение и скрытая радость — вот он Бард, идёт рядом и весело болтает с ней.

— Ну я-то уже много раз бывал! Это незабываемо! Всё основное происходит в ночь на 1 мая. Ведьмы старейшины готовят майское дерево. К нему потом все привязывают разноцветные ленточки и загадывают желания. А когда стемнеет, жгут костры и водят хороводы. Гадают и разные ритуалы проводят. Это праздник чувственности и любви...

Марта увидела, как Бард слегка сжал локоток Полины, и услышала, как у подруги сбилось дыхание.

...И где-то глубоко в душе Марту скребануло то, что ни Бард, ни Полина не обращают на неё никакого внимания. словно её здесь и нет.

Коридоры показались Марте бесконечно длинными, и она с неудовольствием подумала: «Скорей бы уже кабинет истории магии, что ли?!»

Но коридоры сменялись переходами, переходы — лестницами, лестницы холлами, холлы — коридорами... а нужного кабинета всё не было и не было. И это усыпляло, гипнотизировало...

И тут, прерывая этот бесконечный путь, из бокового коридорчика наперерез им выскочил взъерошенный и запыхавшийся Серафимович.

Бард и Полина словно бы налетели на преграду, а Марта налетела на них.

— Фух, еле догнал! — сказал, победно улыбаясь, Серафимович.

— Девушки опаздывают на занятия по истории магии, — с раздражением ответил Бард. — Февронья Статс ждёт их, не начинает лекцию. По специальному распоряжению ректора...

— И поэтому вы выбрали окружной путь? — невинно поинтересовался Серафимович.

— Мне показалось, так быстрее, — не моргнув и глазом ответил лаборант.

— Спасибо, Бард! Дальше я сам провожу девушек, — надменно произнёс декан. — В конце концов, это студентки МОЕГО факультета.

— Как вам будет угодно...

Бард отвесил лёгкий поклон, развернулся и не глянув ни на Полину, ни на Марту пошёл в обратную сторону.

Подруги стояли и в недоумении наблюдали за этой сценой.

Серафимович посмотрел на девушек и с деланным легкомыслием всплеснул руками.

— Накануне Бельтайна все сходят с ума... Но вам действительно пора на лекцию. Пойдёмте вот тут...

И повёл девушек в коридорчик, мимо которого они недавно прошли...

Анна Юрьевна шла по тротуару к пешеходному переходу. Она решила в обеденный перерыв не в столовую идти вместе со всеми, а добежать до супермаркета и прикупить что-нибудь к чаю. После работы договорились встретиться с Петром Ильичом — Петей, как теперь нежно называла Анна Юрьевна следователя прокуратуры. Решили устроить чайную церемонию в японском стиле, и Анна Юрьевна не хотела вечером терять время на всякие там магазины.

Конечно, можно было подождать два дня и устроить церемонию на майские праздники, но ждать Анна Юрьевна тоже не хотела. И Пётр Ильич был с ней абсолютно солидарен. Тем более, что начальство могло поставить дополнительное дежурство — как известно, в праздники у врачей и у полиции самая горячая пора.

Дождавшись зелёного сигнала светофора, Анна Юрьевна, вместе с другими пешеходами, ступила на «зебру»...

Откуда взялся грузовик, никто так и не понял...

Словно бы материализовавшись из воздуха, грузовик понёсся на полной скорости на людей. Кто-то успел среагировать и отскочил назад на тротуар, а кто-то прибавил скорости и перебежал дорогу.

Анна Юрьевна успела бы убежать, если бы не старушка с клюкой и её внучкой лет пяти. Старой женщине такой рывок был не под силу, а девочка растеряно замерла рядом с бабушкой посреди дороги.

Только на миг Анна Юрьевна задумалась о том, что у них нет шансов, но именно этого мига не хватило ей самой, чтобы отскочить от ревущей машины.

Время замедлилось...

Анна Юрьевна стоит посреди проезжей части. Бабушка с ужасом поворачивается к внучке и медленно открывает рот, чтобы крикнуть той: «Беги!». Внучка испуганно прижимается к бабушке. Грузовик, вместо того, чтобы сбросить газ, добавляет скорость, видимо, водитель от шока перепутал педали...

И тут Анна Юрьевна вспоминает свой сон и барьер, через который не смог пробиться усатый мужчина. Она цепляется за это воспоминание, как за соломинку, и успевает мысленно окружить таким барьером бабушку с внучкой и себя... И тут раздаётся удар...

Грузовик на полной скорости попадает колесом в выбоину на дороге — тоже непонятно откуда взявшуюся, и проседает, но из-за набранной скорости его протягивает вперёд, кузов задирается, грузовик переворачивается, перелетает через замерших на пешеходном переходе людей и падает вверх колёсами уже за пешеходным переходом. Его по инерции ещё протаскивает метров пять... и... напряжение спадает.

Анна Юрьевна, осознав, что она чудом осталась жива и что бабушка с внучкой не пострадали, пошла дальше, но едва смогла сделать три шага, как силы покинули её, ноги подкосились, и она упала бы, если б её не подхватил кто-то из подоспевших пешеходов. Ей помогли вернуться на тротуар, подвели к автобусной остановке, что находилась неподалёку и усадили на скамейку. Кто-то из мужчин накинул на неё свою куртку, потому что Анну Юрьевну начало колотить, словно она страшно замёрзла. Наступала слабость, клонило в сон...

Анна Юрьевна сделала усилие и посмотрела, как там бабушка с внучкой. С ними всё

было в порядке. Бабушке уже давали выпить сердечные таблетки... Кто-то вызывал скорую и ДПС, кто-то пытался помочь водителю грузовика, кто-то опасался взрыва... Но мир жил. Анна Юрьевна прислонилась головой к стенке остановки и закрыла глаза.

Вокруг что-то происходило, кто-то разговаривал, кто-то спорил. Все эти звуки были и рядом и далеко. Анна Юрьевна была рада, что слышит их, но радость тоже была обессиленная и не могла подняться, чтобы Анна Юрьевна хотя бы улыбнулась тому, что жива...

К ней подошёл мужчина в белом халате, что-то спросил... не дождавшись ответа снова спросил... померил Анне Юрьевне давление, сделал укол. Помог подняться, отдал куртку хозяину, а Анну Юрьевну укрыл одеялом и повёл к машине скорой помощи, помог подняться и сесть, закрыл дверь и сел рядом. Машина поехала.

Как только Анна Юрьевна оказалась отрезанной от дороги, грузовика и свидетелей аварии, она прислонилась к стенке.

— Не спите, — попросил врач. — Не закрывайте глаза...

Анна Юрьевна неохотно повернула голову к врачу и посмотрела на него.

Перед ней сидел толстоватый мужчина лет тридцати пяти — сорока. Коротко стриженные волосы не скрывали залысин. Лицо было уставшее, но не физической усталостью — душевной.

«Конечно, видеть каждый день страдания! Никаких сил не хватит... — как-то лениво подумала Анна Юрьевна. — Тут нужно шкуру бегемота иметь, чтобы выдержать такое. И это ещё хорошо, что мы живы остались! А когда ДТП со смертельным исходом?»

Анна Юрьевна примерила на себя профессию врача скорой помощи и поняла, что у неё сил не хватит. Или хватит? И воображение пошло рисовать картину одну страшнее другой. На раздробленном черепе и мозгах наружу Анна Юрьевна встряхнулась и спросила мысленно сама себя:

«Тебе что, больше думать не о чем?»

«А о чём ещё думать?» — лениво ответила себе вопросом на вопрос.

«Ты жива осталась! И это главное!»

«Но водитель-то скорее всего погиб!»

«Сам виноват! Нечего гонять по городу, да ещё на грузовике!»

«А вдруг машина сломалась?..»

«На неисправной машине тем более нечего гонять!» — отрезала Анна Юрьевна и согласилась с собой. Ведь могло быть три трупа!

«Вот именно!» — подвела итог Анна Юрьевна и стала смотреть в лобовое стекло, кусочек которого ей был виден. Машина ехала в первую городскую больницу — ту самую, где ещё недавно пытались определить природу недуга Анны Юрьевны и сошлись на том, что у неё просто переутомление.

«Похоже, скоро я тут пропишусь» — подумала Анна Юрьевна, входя вслед за врачом в приёмный покой.

— Присядьте здесь, — сказал врач и кивнул на кушетку, а сам отправился в сестринскую.

Вернулся через несколько минут, подошёл к Анне Юрьевне и попросил:

— Подождёте немного, хорошо? Сейчас дежурный врач спустится, вас обследуют и решат, что делать: отпустить домой или положить в больницу. А я поеду...

Дождавшись, когда Анна Юрьевна кивнула, что всё поняла, он направился к выходу.

— Доктор! — окликнула его Анна Юрьевна.

Врач скорой помощи обернулся.

— Спасибо вам большое!

Врач смутился, на его щеках вспыхнул румянец, а в глазах появилась влага.

— Выздоровливайте! — сказал он слегка охрипшим голосом и быстро вышел за дверь.

Ждать Анне Юрьевне пришлось недолго. Вскоре послышался звук остановившегося лифта и в холл приёмного покоя, звонко стуча каблучками, вышла молодая стройная женщина в стильном белом халате, белом колпаке и с фонендоскопом через шею. Не глядя на Анну Юрьевну, она вошла в кабинет приёмного покоя. Чуть позже из сестринской появилась медсестра и спросила у Анны Юрьевны, может ли она идти сама?

Идти Анна Юрьевна могла. И хотя чувствовала, что ещё немного зябнет — одеяло пришлось оставить в машине скорой помощи — но колотить её перестало.

Анна Юрьевна вошла в кабинет, медсестра провела её за ширму и сказала лечь на кушетку.

Спустя несколько минут появилась врач. Расспросила подробности аварии — причём, её в большей степени интересовало, что Анна Юрьевна чувствовала, и как это, когда через тебя перелетает грузовик? Оказалось, что врач уже успела посмотреть в интернете ролик — кто и когда снимал, Анна Юрьевна не видела... Потом врач заставила встать, понаклоняться, присесть, проверила рефлексы... И не найдя отклонений, спросила, работает ли Анна Юрьевна и нужна ли на сегодня справка или больничный?

Анна Юрьевна зацепилась за мысль о больничном — дополнительный отдых никогда не повредит. Особенно после таких событий...

Врач посмотрела на календарь, что-то посчитала в уме и сказала:

— Выпишу до 2 мая. — И подавая заполненный бланк больничного листа, добавила: — Закрывать пойдёте в свою поликлинику. Бумаги все туда передадим. Можете идти. Такси вызвать или сами?

— Я сама, — сказала Анна Юрьевна и, поблагодарив врача, вышла из кабинета.

Врач только кивнула и погрузилась в заполнение бумаг...

Когда Анна Юрьевна вышла на больничный двор, светило солнышко, по небу плыли белые облака, на газонах зеленела травка и на клумбе готовы были вот-вот распуститься тюльпаны. Берёзы стояли в ярко-зелёной листве — такая бывает весной, когда листочки только-только распустятся, но ещё не загрубеют зрелой зеленью. Больничный дворник подкрашивал извёсткой бордюры, и там, где они уже свежо белели, зарождалось и росло ощущение праздника, ощущение весны, торжество жизни...

Анна Юрьевна улыбнулась: город радовался весне и жизни вместе с ней. Настало время цветов и свежей листвы, раскованности и чувственности, яркого солнца и мягкого тепла... Женщине очень захотелось на лесную лужайку или куда-нибудь на небольшую безлесую гору... Разжечь костёр и там петь, танцевать, водить хороводы, веселиться с подругами, друзьями, с незнакомыми людьми... Расплетать косы и повязывать разноцветные ленточки на ветки майского дерева...

«С другой стороны, хоть и город, а всё равно мы часть природы!» — подумала Анна Юрьевна и сама себе ответила:

«Природу из нас никаким городом не вытащить!»

«А ведь всего этого могло бы уже и не быть...» — сказала она сама себе и согласилась:

«Да. Надо же, как повезло! Не попади колесо в выбоину, задавил бы ведь!»

«Ага! Спасибо дорожникам, что не успели отремонтировать асфальт!» — поддержала она себя.

Фантазии её прервал телефон — он запел, затрезвонил в сумке...

Звонили с работы — Анна Юрьевна задержалась с обеда, а тут рядом грузовик перевернулся...

— Я на больничном, — сказала в трубку Анна Юрьевна. — Я попала в аварию... Нет вроде, не пострадала... Врач решил понаблюдать... До 2 мая пока, а там видно будет...

Едва Анна Юрьевна убрала телефон в сумку и задумалась, решая, куда идти, как увидела, что от ворот бежит-торопится Пётр Ильич.

Остановился в двух шагах и осторожно обнял Анну Юрьевну.

— Ты как? — с тревогой в голосе спросил он.

— Да вроде нормально, — ответила она.

— Я как узнал...

— А как ты узнал?

— Да коллега показал ролик... Какой-то мудак записал и в сеть выложил... Вместо того, чтобы помощь оказывать пострадавшим, он записывал, лайки зарабатывал, урод. С тобой точно всё в порядке? Ничего не болит?

— Да всё нормально. Больничный выписали вот...

— А рентген сделали? Может там скрытый перелом?

— Меня не задело. Испугалась только...

— Ещё бы! Я как испугался, когда ролик увидел! Представляю, каково тебе было!

— Для меня всё пролетело в одно мгновение...

Анна Юрьевна улыбнулась и нежно посмотрела на Петра Ильича. О ней никто никогда так не заботился. Ну, может, родители в детстве и всё. А чтобы мужчина... Владимиру бы и в голову не пришло бежать в больницу...

«Ты к Володе несправедлива...» — заметила она сама себе.

«Справедлива! — мысленно усмехнулась она и добавила: — Ты можешь себе представить, чтобы вместо Петеньки здесь сейчас был Володя?»

И сама себе ответила:

«Нет...»

«Вот видишь!» — подумала Анна Юрьевна и повернулась к Петру Ильичу.

— Я теперь до 2 мая свободна...

— Тогда я беру отгулы и поехали-ка на природу! С ночевой! Хочешь, с палаткой, а хочешь, куда-нибудь на турбазу — домик снимем...

— С палаткой лучше, — Анна Юрьевна улыбнулась.

— Уверена?

— Ага! Хочу от людей подальше...

— Ну тогда пошли собираться!

Анна Юрьевна взяла Петра Ильича под руку, и они не спеша вышли на улицу. Анна Юрьевна хотела идти быстрее, но Пётр Ильич переживал, что всё-таки она ранена и придерживал её бережно, словно самую большую драгоценность. И когда на улице на Анну Юрьевну налетел долговязый блондин в свитерке и чёрных брюках с огромной пряжкой в форме скорпиона на ремне, Пётр Ильич едва не кинулся на него с кулаками. Он был настроен настолько решительно, что Анна Юрьевна испугалась, что сейчас будет драка, и постаралась побыстрее увести Петра Ильича. Оглянувшись, она увидела, что блондин стоит

посреди тротуара и, насупившись, смотрит им вслед.

— Крайне неприятный тип! — сказал Пётр Ильич, проследив за взглядом своей спутницы и тоже увидев стоящего посреди тротуара блондина.

— Может, у человека неприятности... — заступилась за молодого человека Анна Юрьевна.

— Всё равно это не даёт ему право налетать на прохожих! — парировал Пётр Ильич и, уже мягче, добавил: — Я так за тебя испугался!

— Всё же обошлось, — ласково ответила Анна Юрьевна и прижалась, прильнула к своему мужчине.

В городе царило предмайское настроение. На столбах уже были развешаны флаги, газоны вычищены, на центральных улицах местами поменяли асфальт, местами провели ямочный ремонт, освежили или нанесли заново белые разделительные полосы и зебры, покрасили ограждения, побелили стволы у деревьев. На клумбах местами уже расцвели тюльпаны, местами готовы были вот-вот распуститься. На деревьях появилась нежная листва. Всё это наполняло души праздником и радостью! Город готов был встретить Первомай, а следом и День Победы.

Анна Юрьевна и Пётр Ильич неспешно шли по проспекту, и всё это весеннее предпраздничье было только для них!

— Тебе на работу-то сегодня не нужно? — спросила Анна Юрьевна.

— Я договорился... до какого у тебя больничный? До 2 мая?.. — Анна Юрьевна кивнула. — Я до 2 мая только с тобой! И днём, и ночью!

Анна Юрьевна улыбнулась.

— Меня такая перспектива устраивает! — сказала она и от избытка чувств потрепала руку Петра Ильича.

Немного погодя, когда проходили мимо «Чайной лавки», Анна Юрьевна, вспомнив о планах на сегодняшний вечер, спросила:

— А чайную церемонию мы будем делать?

— А ты хочешь? Тогда будем! Вот прямо сейчас и поедem ко мне и проведём церемонию... Можно даже несколько раз.

Анна Юрьевна засмушалась, но, взглянув на Петра Ильича, увидела, что тот откровенно любит её смущением. И отметила про себя, что ей это приятно.

Мимо ехали троллейбусы и автобусы, маршрутные такси и автомобили... Спешили люди по своим человеческим делам... На бульваре гуляли с ребяташками молодые мамы... Молодёжь стайкой окружила скамейку и, легко пикируя, смеялась... Пожилая пара не спеша шла по аллее... Несколько велосипедистов собрались у фонтана, оговаривали маршрут совместных покатушек... Пацаны и девчонки на скейтбордах и роликах красовались друг перед другом... Голуби слетались с окрестных крыш к одинокой женщине, чтобы принять её угощение... Между голубей сновали юркие воробьи... На газоне цвели одуванчики, черёмуха набирала цвет... По невероятно голубому небу плыли высокие белые облака... Солнце наполняло мир светом и теплом...

Анна Юрьевна шла, держа под руку Петра Ильича и с удивлением думала о том, что часа три назад едва не случилась трагедия. Что могла больше не увидеть всей этой весенней красоты. Для неё всё могло уже закончиться.

Она вдруг поняла очевидную мысль: жизнь может прерваться в любой момент, и нужно жить сейчас, а не откладывать на потом. Потому что «потом» может и не быть! Нужно

торопиться говорить любимым о том, что мы их любим, потому что мы можем не успеть сказать этих простых, но таких важных слов.

А ещё нужно успевать не только говорить, но и делать... Совершать поступки, исполнять желания — свои и близких... и чужих, если желание светлое, и мы можем помочь. Нужно радовать любимых, радоваться самим. Жизнь так коротка и конечна... И часто внезапно конечна...

Анна Юрьевна посмотрела на Петра Ильича и твёрдо сказала:

— Я хочу чайную церемонию. Давай не будем терять времени!

Коридорчик, в который свернул Серафимович, а за ним и Марта с Полиной чем-то напоминал коридор, ведущий в спальни. Такая же лёгкая дымка висела на входе. Единственное, он был длиннее, и на выходе тоже была туманная завеса.

Вышли из коридорчика как раз рядом с кабинетом истории магии. Серафимович шагнул к двери и широко распахнул её.

— Прошу! — сказал он и сделал приглашающий жест.

Переступая порог Марта оглянулась. Коридорчика, который привёл их сюда больше не было...

— Проходи, проходи! — поторопил её Серафимович.

Сам он вошёл следом за девушками.

— Профессор, студентки на месте, — сказал он, обращаясь к преподавателю. — Если позволите, я посижу на вашей лекции?

Февронья Статс, метнув в Марту и Полину уничтожающий взгляд, ответила декану:

— Ваше право, профессор! — и добавила, обращаясь к опоздавшим: — Девушки, быстрее проходите, садитесь!

В кабинете истории магии царил всё тот же призрачный свет, и поэтому подруги не сразу увидели, что почти все столы заняты. Свободными оставались два — в разных концах кабинета. Полина пошла к тому, что стоял рядом с преподавательским, а Марта замешкалась. Она оглянулась на Серафимовича — неужели декан будет стоять?

Он одобряюще кивнул ей на свободный стол в заднем ряду, а сам щёлкнул пальцами и позади всех столов появилось небольшое удобное кресло.

Марта склонила голову, чтобы спрятать улыбку и поспешила сесть.

— Мы, наконец-то, можем приступить к занятиям, — заметила Февронья Статс. — Несмотря на то что девушки своим опозданием отняли у нас много времени...

— Извините... — одновременно сказали Марта и Полина.

— Постарайтесь больше не опаздывать, — припечатала Февронья Статс и глянула на декана. Но не выдержав, добавила: — За опоздания у нас обычно наказывают... — снова посмотрела на Серафимовича и закончила: — Но так уж и быть, на первый раз прощаю. Тем более, что вас вызывала к себе ректор, — и уже обращаясь ко всей аудитории продолжила: — По просьбе ректора тема у нас сегодня будет другая. Марта и Полина должны быть готовы к Бельтайну, поэтому мы будем изучать...

Марта смотрела на девушек студенток. Конечно, ей видно было только спины, но и по спинам можно многое сказать...

Девушек на удивление оказалось много. Марта встречала в коридорах и в столовой других студенток, но как-то до сих пор они проходили мимо её внимания. А теперь девушки сидели и слушали профессора. Марта смотрела на них, и видела по спинам, что им не очень нравится то, что тема изменилась.

«И даже не то, что тема изменилась, — предположила Марта. — Сколько то, что такие изменения сделали ради новеньких».

Марта видела спины студенток, и по спинам читала, что слушательницы недовольны, напряжены. Казалось, дай им волю, и они напрямую выразят своё презрение к «этим выскочкам Марте и Полине». Её воображение тут же подсунило школьные разборки за

углом...

Страхнув школьные воспоминания, Марта оглянулась на Серафимовича. Он сидел, удобно развалившись, и делал вид, что дремлет.

«А может, и на самом деле дремлет?.. — подумала Марта. — Хотя, какая разница?»

Мысли о Серафимовиче задержались. Марта вдруг с удивлением отметила, что, несмотря на горб, она не испытывает ненависти к этому усачу. Конечно, горб — это очень неприятно и неудобно... И не красиво...

Марта посмотрела на дверь в лаборантскую и подумала:

«Бард уже вернулся или всё ещё бродит по коридорам?»

Следующей мыслью было:

«Интересно, Серафимович сказал, что Бард вёл их окружными путями. Врать ему незачем, да и Бард не протестовал. Интересно, зачем Барду нужно было вести их кругами? Станный способ помочь не заблудится... Не то что Анжелика, та сразу... Кстати, а где Анжелика?» — подумала Марта и стала внимательнее рассматривать спины студенток.

Анжелики в кабинете не было. Её светлые волнистые волосы, распущенные по плечам, Марта не спутала бы ни с чьими другими.

«Хотя, почему она должна быть тут? — удивилась сама себе Марта. — Анжелика уже третий год учится. Наверняка у неё другие занятия по расписанию...»

Профессор Февронья Статс рассказывала историю Бельтайна, а Полина думала о том, как жизнь изменилась. Жизнь людей, особенно в городах давно уже не подчиняется сельскохозяйственным нуждам. И смысл обрядов давно потерян. Когда-то кельты 1 мая на Бельтайн выгоняли скот на летние пастбища. Этот праздник означал начало лета — Большое солнце. В противовес ему был осенний праздник Самайн — Малое солнце. 1 ноября скот возвращали в зимние стойла. Естественно, всё это окружали обрядами, чтобы призвать удачу и благополучие.

На Бельтайн на рассвете старейшины на вершине горы путём трения добывали новый огонь и разжигали жертвенный костёр и потом от него — очаги в домах. Пели торжественные гимны солнцу, прогоняли между костров скот, чтобы очистить его от скверны, с зажжёнными факелами обходили свои поля, дома... Люди хотели умилоstitь силы природы и прежде всего бога солнца Светлого Дагде и его жену Великую богиню земли Боан. Они надеялись, что это поможет сохранить невредимыми стада, получить хороший приплод скота и урожай на полях.

Обряды, призванные в древние века, помочь людям выжить, теперь имеют совсем другое значение. Вальпургиева ночь воспринимается современниками, как разгул ведьм, как нечто непристойное, дикое. А Хэллоуин — ночь всей мыслимой и немислимой нечисти...

Полина вспомнила что им вчера рассказывал о пентаграмме Серафимович, о том, что долгие века пентаграмма служила символом защиты, а теперь — это символ сатанизма, и ей стало грустно. Так просто и легко то, что было святым, становится грязным. Интересно, на место поруганных святынь новые святыни приходят?..

И Полина задумалась: а что свято для современных людей? Не тех, которые тут, в университете магии — про них Полина ничего не знала. А тех, что остались там, в реальном мире.

Она снова и снова перебирала в памяти события своей жизни и понимала, что у её друзей и знакомых святого не осталось.

И всё в душе у неё запротестовало.

Нет, возвращаться в средние века она не хотела — удобства современного типа её вполне устраивали. Как обойтись без водопровода, канализации, супермаркетов, телефонов, транспорта, интернета?.. Полина этого даже не представляла.

Услужливое воображение нарисовало старинный дом, большую печь... Чтобы приготовить поесть, нужно сходить в лес за хворостом, разжечь в печи огонь... И никаких тебе мультиварок, микроволновок, антипригарных покрытий. Никакого электричества... Холодной и горячей воды в кране... Никаких моющих средств, чтобы потом отчистить котелки... Только песочек, только хардкор... И туалет на улице...

Без современных удобств жить трудно. И, если честно, Полина не знала как? Да и надо ли?

Человечество всё время стремилось отдалиться от природы, подчеркнуть свою человеческую, а не дикую природу, свою культуру. Люди всеми силами доказывали себе и окружающим, что они не звери. Они придумывали одежду, украшения, ритуалы... Они пели песни рассказывали сказки. Бельтайн и Самайн вон придумали! И кучу других праздников...

И вот наконец-то оторвались от природы. И что?

А ничего! Не осталось ничего святого! Люди перестали верить в богов и некому теперь принести весеннюю жертву. А, следовательно, некому позаботиться о благополучии и процветании людей. Не осталось смысла в современных Бельтайне и Самайне. Все смыслы утеряны... А благополучия-то по-прежнему не хватает! Благополучия по-прежнему хочется...

И люди захотели снова в лоно природы. Захотели если не естественности, то хотя бы её имитации...

И начались переселения из города в деревню с отказом от всех достижений цивилизации, придуманные воспоминания о том, как жили предки, сочинённая и пересочинённая история народа... И распри между сторонниками и другими, неправильными сторонниками...

Полине стало очень грустно. В какой-то момент она поняла, что давно уже не слушает Февронью Статс. И очень удивилась, когда все девушки встали, поблагодарили профессора и направились к выходу.

Полина тоже нерешительно поднялась и, подошла к Марте, которая стояла уже у двери и ждала подругу.

До последнего момента девушки думали, что или Февронья Статс, или Серафимович окликнут их, но Серафимович продолжал дремать, или делать вид, что дремлет, в кресле, а Февронья Статс с раздражением складывала книги и конспекты стопочками на столе, снова и снова перекладывая их с места на место.

Из кабинета подруги вышли последними. Полина сразу направилась по коридору вслед за остальными студентками, но Марта задержала её у двери. Её хотелось послушать, о чём будут говорить преподаватель истории магии с деканом.

Из-за неплотно прикрытой двери донеслось раздражённое:

— Я слушаю вас!

— Февронья, я хочу знать, на чьей вы стороне? — Голос декана был мягким, успокаивающим.

— Что за глупый вопрос! На чьей ещё стороне я могу быть?! — Казалось возмущению

Февроньи Статс не было предела.

— Да, но... Ваш лаборант...

Марта наострила уши и не увидела, как появилась Анжелика.

— Пойдёмте на лекцию, — сказала та устало.

Марта оглянулась и увидела, что у Анжелики тёмные круги под глазами, словно она уже неделю не спала, а работала до изнеможения. Но они виделись вот только — сегодня утром Анжелика отводила их к ректору. Выглядела тогда она, конечно, уставшей, но не до такой степени. Когда успела так вымотаться?

Без лишних разговоров Марта отошла от двери и отправилась вслед за Анжеликой, отмечая про себя, что плечи у той опущены, словно сил держать спину не осталось совсем.

— Я могу чем-то помочь тебе? — неожиданно для самой себя спросила Марта.

— Себе лучше помоги! — резко ответила Анжелика. Немного погодя, как бы извиняясь, добавила: — Ненавижу Бельтайн!

— Да что там такое будет-то?! — в сердцах спросила Марта.

Анжелика испытующе глянула на Марту, потом коротко на Полину и сказала тихонько:

— Держитесь друг за дружку. По одиночке вам не выжить. Для кого-то Бельтайн — замечательный весенний праздник, а для кого-то...

Марта кивнула, что поняла, хотя на самом деле вопросов у неё стало ещё больше.

Все последующие лекции Марта только частично слушала преподавателей. Она вдруг осознала, что лекции — это единственное место, где она всё может спокойно обдумать. Смущало, конечно, то, что она, когда думала, не слушала преподавателей, но ей казалось гораздо важнее разобраться, что происходит и какая роль в этом действе определена для них с Полиной, чем знания, которые давали им преподаватели.

Единственным предметом, где она ловила каждое слово, было зельеварение. Ведьма Аглая тоже изменила программу, и рассказывала о подготовке к Бельтайну. Она рассказывала о том, какие зелья могут понадобиться, как их приготовить и как использовать.

После лекции по зельеварению Марта подошла к Ведьме Аглае и попросилась к ней на факультативные занятия.

— Конечно! — с улыбкой согласилась преподаватель. — Приходите! И хорошо бы с подругой!

Полина неохотно согласилась. Но поставила условие, что они пойдут на факультатив к Иве Медлибор по заговоросложению. Марта развела руками: что ж, справедливо!

Третьим факультативом неожиданно для них обеих стал факультатив по магическим обрядам. Записываться на него не собиралась ни одна, ни другая, но Серафимович не оставил им выбора.

Вечером, когда подруги измотанные и невероятно уставшие пришли в свою комнату, Полина сразу пошла к кровати:

— У меня нет сил даже на душ, — простонала она.

— На душ, может, и нет. А на домашнее задание нужно найти, — ответила Марта, обречённо перебирая тетради и учебники на столе.

— Не шути так! — попросила Полина.

— Да какие тут шутки? — усмехнулась Марта. — Ничего не понимаю, вроде я не записывала никакого домашнего задания, а вот оно... моим почерком...

— Так не бывает! — не сдавалась Полина.

— Бывает. Вспомни, где мы! Давай, подруга, вставай. Пошли делать домашнее задание.

— Ох! — простонала Полина. — А можно я прямо здесь умру?

— Не шути так! — оборвала подругу Марта. — Мы с тобой справимся и выберемся отсюда...

Марта произнесла слова скорее на автомате. Но следом пришло сомнение: а действительно ли она хочет выбираться отсюда? Действительно ли хочет возвращаться в тот мир. Но сил обдумать и развить эту мысль не было, и Марта отмахнулась от неё, как от назойливой мухи. Вместо этого сказала:

— Давай, я помогу тебе с уроками. А ты поможешь мне с заговоросложением? У тебя хорошо получается...

Полина неохотно встала и подошла к рабочему столу. Поперебирала тетради и учебники и тяжело вздохнула.

— У меня правда нет сил.

— Есть, — отрезала Марта. — Человеческие силы неисчерпаемы. Нужно только уметь заставить мозг работать. Вот смотри... — Марта внимательно посмотрела на Полину. — Если ты точно будешь знать, что за невыученные уроки тебя сделают уродкой, и Бард на тебя больше не взглянет... И не только Бард, ни один другой парень?..

— Это совсем другое дело! — ответила Полина, у которой щёки уже слегка порозовели. — Но это называется шантаж!

— Да, — согласилась Марта. — Это называется шантаж. Но он работает. Чувствуешь, как у тебя сил прибавилось?

— Я тебя убью! — проворчала Полина, открывая тетрадь.

Некоторое время было слышно только шелест переворачиваемых страниц. Потом Полина со вздохом отодвинула тетрадь.

— Одного не понимаю, — сказала она, — почему вокруг Бельтайна такой кипишь. Это же просто календарный праздник. Как наша масленица.

— Как-то так...

— А почему наша масленица не превратилась в Вальпургиеву ночь или что-то подобное? И другие наши праздники, я имею ввиду древнеславянские, тоже не такие... Хэллоуина у нас не случилось... Только тот, который с Запада пришёл... А своего, родного Хэллоуина нет. Есть день поминовения усопших предков, но он светлый, радостный. Троица, масленица, день Ивана Купалы, медовый спас... Всё это добрые праздники!

Марта внимательно посмотрела на Полину.

— Я никогда не задумывалась об этом. — Марта потёрла лоб. — Но ты права, в этом что-то есть... Ты доделала уроки?

— Да, но... — Полина подпёрла щёку кулаком. — Мне непонятно, что делать со следовательшей...

Марта хотела остановить Полину, но та не обратила внимания на её знаки.

— Фактически остался один день. Завтра вечером мы должны быть уже все вместе...

— Полина!.. — простонала Марта.

— Что? — не поняла Полина.

— Нас слушают...

— Кто?

Ответить Марта не успела. Вслед за тонким ароматом роз в комнате появился Серафимович. Немногим позже его — Огненная ведьма Блейза.

И полным сюрпризом для всех было появление в комнате Февроньи Статс.

Первой сориентировалась в ситуации Огненная ведьма Блейза. Она с усмешкой смерила взглядом Серафимовича, потом Февронью Статс и голосом, не требующим возражений, сказала:

— Чтобы университетский Совет был в полном составе, нам не хватает ещё двоих!

— Момент! — сказал Серафимович и щёлкнул пальцами.

Розовый аромат усилился и вскоре перед окончательно растерявшимися девушками появились призрачные изображения Агафьи Тихоновны Бабушкиной и красивой незнакомой женщины. Гордая осанка, умный взгляд и ироничная улыбка...

— Агафья Тихоновна, Ольга-Варга, приветствую вас! — сказала Огненная ведьма Блейза.

Преподаватели, казалось, не замечали Полину с Мартой. Они расселись в появившиеся из воздуха кресла. Причём, не только Серафимович, Февронья Статс и Огненная ведьма Блейза, но и призрачные Агафья Тихоновна и Ольга-Варга.

— Как вы понимаете, завтра у нас ответственный день, — обращаясь к коллегам, сказала Огненная ведьма Блейза.

Февронья Статс тяжело вздохнула.

— Что-то не так? — тут же спросила её ректор.

— Всё так, — пожала плечами преподаватель истории магии.

— Повторяю, завтра вечером мы должны быть абсолютно готовы. Когда дверь откроется, и Сумрачный колдун выйдет в наш мир, наши защитницы должны...

Полина и Марта сидели с широко открытыми глазами.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шёпотом спросила Полина у Марты.

Марта отрицательно покачала головой. Потом нахмурилась и уже громко обратилась к преподавателям:

— Извините, уважаемые, мы вам не мешаем?

Серафимович склонил голову, пряча улыбку в усы, Февронья Статс кинула на девушек раздражённый взгляд, а Огненная ведьма Блейза ответила:

— Отнюдь! Проходите, девушки, садитесь!

В кругу появились ещё два кресла: одно — между Серафимовичем и Огненной ведьмой Блейзой, другое — между призрачными преподавателями.

Подруги переглянулись. Им совсем не хотелось выходить из-за стола. Стол казался хоть какой-то защитой. Но ректор глянула на декана, тот щёлкнул пальцами и девушки почувствовали неодолимое влечение покинуть защиту.

Нехотя сопротивляясь, Полина и Марта подошли к преподавательскому кругу. Марта села рядом с Серафимовичем, Полина — в другое кресло.

— Продолжим! — сказала Огненная ведьма Блейза. — Итак, как вы знаете, завтра ночью — накануне Бельтайна откроется дверь между мирами. И вся нечисть устремится в наш мир. С мелочёвкой справится внешний круг. А вот не впустить Сумрачного колдуна должны будут Марта, Полина и та третья женщина — следователь. Её нужно найти и доставить сюда. И подготовить! На подготовку защитниц двери у нас остался только завтрашний день. Полина и Марта должны...

— Бред какой-то! — не выдержала Марта. — Я в этом не участвую! — она поднялась.

— Сядь! — приказала Огненная ведьма Блейза.

Марта неожиданно для самой себя подчинилась — в голосе ректора прозвучали такие сила и власть, которым Марта не смогла сопротивляться.

Но едва она снова опустилась в кресло, как в ней поднялась волна протеста. И не сдерживаясь более, Марта начала возмущённо говорить:

— Какого чёрта! Нас без нашего согласия притащили сюда, в этот идиотский университет магии! Меня сделали горбатой! Заставляют учить дурацкие предметы! Нас не спрашивают, хотим мы этого или не хотим!.. А теперь ещё мы должны стать швейцарами и не пускать в дверь какого-то колдуна?! Вы хоть сами себя слышите?!

Марта не заметила, как вскочила с кресла. Она кричала и кричала на преподавателей.

Её накопившаяся ярость, недовольство, усталость, недоверчивость разрастались в ней кольцами, разворачивались, словно огромная змея пробуждалась, росла, обвивалась вокруг Марты, занимала всё большее и большее пространство... И к тому времени, когда Марта высказала преподавателям всё, что она думает, змея выросла до огромных размеров. Теперь её голова была на уровне глаз Марты. Змея холодно взирала на присутствующих. Создавалось ощущение, что она готова кинуться на любого, кто хоть взглядом, не говоря уж о действии, будет угрожать Марте.

Марта чувствовала змею, чувствовала её силу. И чувствовала, что эта сила — на её стороне! И это позволило ей выпрямиться во весь рост и расправить плечи.

Остановилась Марта внезапно, словно запнулась на ровном месте. Все преподаватели смотрели на неё... с улыбкой, а Полина — с ужасом. Более того, Полина тоже вскочила с кресла и теперь пряталась за него. Пряталась от неё, от Марты!..

Это Марту немного отрезвило. Она осмотрелась и поняла, что змея... настоящая... Огромная, мощная и... настоящая!

А ещё Марта поняла, что у неё больше нет горба.

Она растерялась. И испугалась.

Но змея, словно почувствовав состояние своей подопечной, повернула голову, ласково прикоснулась к девушке кончиком раздвоенного языка и слегка распустила кольца.

Комнату наполнил резкий мускусный змеиный запах.

— Bravo! — Огненная ведьма Блейза захлопала в ладоши. — Надеюсь, теперь, милочка, ты не будешь утверждать, что оказалась тут... — ректор развела руками. — ...В нашем университете... случайно?

— Что это? — прошептала Полина, с ужасом наблюдая, как змея ползёт на месте, свивает кольца, шуршит чешуйками, завораживает ромбическим рисунком на спине.

— Я так понимаю, что она, — Серафимович кивнул на змею, — отозвалась на Мартин призыв.

— Я никого не звала, — растерянно возразила Марта.

— Звала, звала... — засмеялся Серафимович.

Змея метнулась к декану и угрожающе подняла голову.

— Ох... — выдохнул он и добавил уже серьёзно: — Я не угрожаю Марте. Кто-кто, а я никогда не причиню Марте вреда. Она — жемчужина на моём факультете!

Змея некоторое время внимательно изучала Серафимовича, потом отвернулась, легла и поползла по кругу, останавливаясь перед каждым креслом и изучая присутствующих.

Ольга-Варга и Агафья Тихоновна смотрели на змею спокойно и уверенно, а Полина едва не потеряла сознание, когда змея остановилась перед её креслом, но та, не задержавшись около рыжеволосой Мартиной подруги, поползла дальше...

Огненная ведьма Блейза не стала ждать, пока змея сделает полный круг. Она повернулась к Марте и сказала строго, как выговаривают детям:

— Ты научилась вызывать силу, теперь научись управлять её, чтобы не причинить вред своим. Здесь нет твоих врагов. Отзови змею!

Марта неуверенно посмотрела на свою внезапную защитницу и, словно перед ней была дрессированная собачка, похлопав ладонью по ноге, сказала:

— Ко мне!

Змея остановилась в задумчивости. Она успела исследовать только Серафимовича, прозрачных преподавателей и Полину, и уже направлялась к побледневшей Февронье Статс.

Но, поглядев на Марту, которая повторила команду громче, поползла к ней и улеглась у её ног.

— Вот и хорошо! — подвела итог Огненная ведьма Блейза. — С силой Марты всё ясно.

А вот...

Она посмотрела на Полину. Та сжалась за креслом, пытаясь спрятаться.

— Не бойся, девочка! Хотя... Может как раз и наоборот, бойся... Сильные чувства призовут твою силу... — Огненная ведьма Блейза рассуждала вслух, не обращая внимания на то, что из глаз Полины текут слёзы, а саму её трясёт.

Возмущённая Марта, уже почувствовавшая уверенность в себе, поднялась с возмущённым возгласом:

— Ну это вообще ни в какие рамки!.. — и направилась к Полине, чтобы обнять и успокоить её, но Полина завизжала, выставив перед собой руки:

— Нет! Не подходи ко мне!

Марта, растерянная, остановилась. Змея снова начала обвивать её ноги кольцами.

А Полина зарыдала в голос, повторяя:

— Значит, это ты... это была ты... ты убила меня...

Марта с недоумением смотрела на подругу и ничего не понимала.

Решив, что это змея пугает Полину, мысленно попросила её уйти.

И... змея исчезла.

Словно её и не было.

Остался только мускусный змеиный запах. Но и тот вскоре исчез, поглотившись розовым ароматом.

Как ни странно, это не только не успокоило Полину, а наоборот, усилило поток слёз.

Марта снова захотела подойти к подруге и успокоить её, но едва сделала шаг, как Полина снова завизжала:

— Нет! Не подходи!

Марта с недоумением огляделась. Она не понимала, что случилось с Полиной, почему у той истерика. За всё время их дружбы Марта ни разу не видела, чтобы Полина закатывала истерики. Ныла — да! Но истерики... И почему-то направлена истерика была именно на Марту.

И тут она вспомнила урок по прорицанию и видение Полины... И ей стало страшно. Неужели Полина права, и Марта действительно причинит вред своей подруге...

Но прислушавшись к себе, Марта поняла, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сделает ничего плохого Полине и уж тем более, не убьёт её. Дружба, которая зародилась, развилась и укрепилась в студенчестве — это самая крепкая дружба.

В детстве — в одной группе или классе дети оказываются волею случая и вынуждены находиться вместе, пока не подрастут. В это время редко появляются общие интересы, способные скрепить дружбу. Школьные интересы как правило на поверхности. А если и появляются глубокие, цементирующие дружбу, то это скорее исключение из правил, чем само правило. Детям ничего друг от друга не надо, но и общих глубоких интересов у них нет. Заканчивается школа, и такие связи быстро распадаются. Нередко бывает так, что через два-три года уже забываются имена одноклассников.

Дружба, которая зарождается у взрослых, тоже, как правило, не бывает долгой и крепкой. Потому что не выдерживает испытания «ты — мне, я — тебе». Взрослые неохотно делают бескорыстно что-то для других. Они волей-неволей начинают считать кто кому

сколько чего сделал, и кто кому чем за это оплатил. Связи, которые образуются между взрослыми, редко бывают прочными. Конечно, бывают и тут исключения из правил, но они только подчёркивают правила.

Студенческая дружба — совсем другое дело. В университет на один факультет приходят люди со схожими интересами. К тому же студенты ещё не научились мерить отношения полезностью. Они открыты мечтам и бескорыстны в своих устремлениях. Поэтому легко проникают в души друг друга, прорастают там, укореняются, образуя крепкие, надёжные связи... Студенческая дружба — самая крепкая. Самая драгоценная!

А главное, настоящих друзей много не бывает!

Марта это понимала. И дружба с Полиной была для неё важнее всего на свете. Важнее самой жизни. Марта смотрела на Полину и не знала, как объяснить ей это.

Огненная ведьма Блейза не обращала на Полину никакого внимания. Повернувшись к Марте, она приказала:

— Расскажи о следователе!

Марта оторвалась от своих размышлений и посмотрела на ректора. Выдержала взгляд. Ощущение ворочающейся внутри неё змеи, придавало силы и уверенности в себе.

— Зачем? — холодно спросила Марта.

— Затем что вы следующей ночью должны быть втроём.

— Кому должны? — спросила Марта, и сама удивилась той дерзости, с которой прозвучал вопрос.

Огненная ведьма Блейза усмехнулась и вдруг расслабилась в кресле.

— Хорошо, — сказала она. — Я расскажу... Хотя вы должны были услышать эту легенду на истории магии. — Огненная ведьма Блейза кинула короткий взгляд в сторону Февроньи Статс.

— Я рассказывала, — ответила преподаватель. — Видно, девушки вместо того, чтобы слушать, думали о чём-то своём. Мало того, что опоздали, так ещё и...

— Опоздание — отдельная тема, — вмешался Серафимович.

— Нарушать дисциплину никому не позволено! — взвилась Февронья Статс.

— Даже если им помогли нарушить? — не сдавался Серафимович.

Внезапно сияние в комнате усилилось. Это призрачная Агафья Тихоновна встала и прошла на середину.

— Время уходит, — сказала она.

Голос её прошелестел, словно листва на деревьях под порывом ветра.

Марта смотрела на преподавателя травоведения и ничего не понимала — на занятиях это была нормальная женщина, плотная, осязаемая. А тут перед ней колыхался призрак, хотя, присутствие профессора травологии ощущалось вполне.

Серафимович словно почувствовал сомнения Марты, пояснил:

— Профессор присутствует в тонком теле. Она по какой-то причине не может быть тут физически... И Ольга-Варга — тоже...

Агафья Тихоновна посмотрела на Серафимовича и Марту и неслышно подошла или, скорее, подплыла к Марте.

— Вы должны рассказать всё, что знаете о следователе, дайте образ Ольге-Варге, и пока она найдёт и доставит следователя сюда, мы расскажем вам легенду. Время уходит, и мы можем не успеть...

Марта нахмурилась. Она восприняла слова профессора травологии как манипуляцию:

сначала сдайте следователя, а потом мы расскажем почему вам это нужно было сделать... Она уже набрала в лёгкие воздуха, чтобы ответить решительным отказом, как из-за кресла выступила Полина.

— Я расскажу!..

Марта дёрнулась остановить подругу, но та бросила взгляд, полный ненависти, и Марта, словно её обожгло колючим ветром, остановилась.

Ольга-Варга встала и подошла-подплыла к Полине.

— Рассказывай и думай о ней, — приказала она.

Полина начала бойко — о приходе следственной бригады, потом детали и подробности о том, как следователь выглядела, что делала, что говорила... Марта смотрела на подругу и удивлялась, как много деталей та запомнила.

По мере того, как Полина рассказывала, призрачная Ольга-Варга словно бы наполнялась плотностью. Потом она повернулась к Огненной ведьме Блейзе и спросила:

— Через пруд в лесу?..

Огненная ведьма Блейза кивнула.

— Да, это будет быстрее всего.

Ольга-Варга крутнулась на месте и растаяла.

Агафья Тихоновна прошла и села в своё кресло, словно ничего такого не произошло.

В комнате повисла тишина.

— Ну и где обещанная легенда? — ехидно усмехнувшись, спросила Марта.

— Если в двух словах... — начала Агафья Тихоновна.

— Зачем в двух словах? — невинно спросила Марта. — Мы уже никуда не спешим. Можете рассказать подробнее...

— Подробнее так подробнее, — неохотно ответила Агафья Тихоновна и коротко взглянула сначала на Огненную ведьму Блейзу, потом на Серафимовича. — Не люблю я эту легенду, слишком много страданий принесли события, о которых в ней говорится, ну да ладно... Слушайте легенду о Сумрачном колдуне...

***

Давно это было. Так давно, что никто из живущий не помнит истинных событий. Все знают только то, что донесла до нас молва.

Жили в наших краях два друга. Оба умные весёлые, красивые, дерзкие. Шёл между ними постоянный спор: кто из них ловчее, кто сильнее... Они перепрыгивали горы, переплывали моря, спускались в нижний мир и поднимались в небо. И не было для них ничего невозможного. И никто из них не побеждал в споре — оба были хороши. Звали друзей Рок и Флинт. Рыжий зеленоглазый Рок был надёжный, как скала. Широкой кости светловолосый Флинт — крепкий, как кремень.

Путешествовали Рок и Флинт по всей земле. Усмиряли волны и катались на них, поднимались на самые высокие вершины, соревнуясь друг с другом и помогая друг другу, спускались в пещеры... Казалось, они исследовали свою силу и молодость — на что те способны...

И вот однажды, когда друзья возвращались домой после долгого путешествия по бурной реке, встретили они девушку. Ничего в ней особенного на первый взгляд не было. Так, обычная девушка... Сидела на лесной поляне, перебирала травки. На голове у неё был веночек из одуванчиков и незабудок. И словно зелёный луг, такого цвета были у неё глаза. Сарафан

— под стать одуванчикам. А волосы, что спелая пшеница — тугим колосом коса спускалась на грудь... Девушка сидела на пенёчке, перед ней на тряпице были разложены травки. Она раскладывала их по кучкам и напевала.

Друзья услышали песню и пришли на поляну, да так и остановились на краю, словно потеряли волю. А девушка, не обращая на них внимания, закончила перебирать травы, сложила их в корзинку, прикрыла тряпицей, встала и пошла, продолжая петь.

И друзья пошли за ней, словно телки на верёвке.

Только девушка направилась не к деревне, а вглубь леса. И друзья за ней...

Вот уже глухая тайга, буреломы, вот уже замшелые сосны... А девушка идёт себе и напевает... солнце пробивается сквозь листву, птицы поют, комары жужжат...

Вдруг из чащи навстречу ей выскочил огромный волк. Матёрый волчище, с сединой на морде...

Друзья испугались — не за себя, за девушку! Кинулись вперёд, чтобы самим встретиться с лесным зверем, защитить певунью.

Но пока пробирались через бурелом, волк подскочил к девушке, перекувыркнулся через пенёк и стал человеком — коренастым, в серой рубахе на широких плечах, подпоясанный кушаком, штаны, заправлены в сапоги. Борода его была седой, глаза зло посверкивали...

И обратился человек-волк к девушке:

— Что ж ты, дочь, посторонних в наш лес привела?

— Так женихи то! — ответила девушка. — Испытай их! И который лучше, тот мужем мне станет. А второй... — девушка пожала плечами. — Второго можешь себе в услуженье забрать.

Рок и Флинт переглянулись. Не входило в их планы ни жениться, ни в услуженье к человеку-волку идти — не все моря они ещё переплыли, не на все горные вершины поднялись.

Но и уйти не могли. Во-первых, притягивала их чем-то девушка, а во-вторых, грядущее испытание точно покажет, кто из них лучше.

Сами того не заметили, как шагнули к человеку-волку, мол, испытывай!

Тот только усмехнулся в седую бороду.

А девушка дальше пошла по лесу — маленькая, хрупкая... В своём жёлтеньком сарафане как солнышко в этом дремучем лесу.

И словно за солнышком поспешили за ней Рок и Флинт, стараясь не потерять её из виду.

Вскоре вышли к невысокой горке — с лысой макушкой. У подножия горки стоял домик — небольшой и уютный. Неподалёку в лесу виднелся пруд, в котором плавали гуси-лебеди — много. За домом небольшой огородик, перед ним — палисадничек с цветами...

Девушка вошла во двор, прошла под навес, поставила на стол корзинку, раскрыла её и начала развешивать под навесом собранные травки — для просушки.

Рок и Флинт стояли и смотрели на неё — как ловко она достаёт пучки, расправляет их, вешает...

Но вот корзина опустела, и девушка посмотрела на парней.

— Ну что, давайте чайку попьём, да познакомимся? — сказала она, и друзья вдруг почувствовали, что жутко голодны.

Сели тут же под навесом. С одной стороны стола друзья, а с другой — певунья. И отец её — человек-волк тоже сел рядом с дочерью.

Из дома вышла невзрачная горбатенькая девушка, принесла тарелки, ложки... Потом

блюдо с румяными пирогами и котелок с ароматной кашей, кувшин с морсом — холодненьким!

Разок только зыркнула горбунья на парней, а взгляд её острый словно пронзил обоих, отрезвил. Увидели они вдруг, что находятся в диком лесу, в незнакомом доме. Напротив них сидит смурной хозяин, который явно им не рад, и ведьма. Молодая, красивая ведьма!

Переглянулись друзья. Много испытаний они прошли. Но то всё силу и ловкость пробовали. А тут посерьёзней испытание предстояло. И не то, о котором говорила ведьма — кто ловчее, тот в мужья, а другой — к человеку-волку в прислужники. Нет! Тут нужно было выбраться из этих мест живыми и невредимыми.

С полуслова поняли друзья друг друга, опустили сразу глаза и ничем не выдали, что заклятие ведьмы больше не действует. Покушали, поблагодарили хозяев да отдохнуть пошли на сеновал. А сами примечают что и как, побег планируют... И понимают, что без помощи им не обойтись, самим с человеком-волком и ведьмой не справится. Стали смотреть, кто им помочь может. И снова увидели горбуню — она пошла на задний двор свиньям корма задать. А как мимо сеновала проходила, снова зыркнула в сторону друзей. Решили они присмотреться к ней, страшенькая она, конечно, и сама больше на ведьму похожа, чем хозяйская дочка, да только чуткие сердца распознали, что не сладко ей живётся в этом доме, а, значит, и помочь может... Однако решили не спешить...

Отдохнув с дороги, друзья подошли к человеку-волку, спросили: чем помочь по хозяйству, хлеб-соль отработать. Отправил он их дрова рубить и в поленницу складывать. Показал на сухую берёзу, что лежала за воротами.

Парни молодые, здоровые — с таким делом легко справились: распилили дерево на чурбаки, потом порубили их на чурки, сложили в поленницу... А там и день к завершению подошёл. Зовёт ведьма хозяйская дочка друзей ужинать.

Сели под тем же навесом. Ветерок свежий принёс вечернюю прохладу, соловей запел... от ворот до пруда полянка зелёным ковром стелется, по ней горбунья гусей на ночлег гонит, они гогочут, крыльями хлопают, в стойле корова мычит, просит, чтоб от молока её вымя освободили. Друзья с хозяевами щей похлебали, теперь чай пьют. Рыжая кошачонка ходит, о ноги хозяйки трётся, кусочек повкуснее выпрашивает... Красота вокруг, глаз радуется. Всё, как в обычной деревне... Только что собаки не лают — нет собак.

Расслабились друзья — чего уж про людей плохо думать? Ну живут на отшибе, так их право. Хозяйство справное, животина ухоженная, ужин сытный... Может, и не так всё плохо?..

Но вот совсем стемнело. Хозяин и говорит Року и Флинту:

— Спать будете на сеновале. Что бы ни случилось, ночью со двора не уходите. Уйдёте, пеняйте на себя.

Друзья переглянулись и пожали плечами, мол, чего им по ночам шарохаться?

Легли спать, а сон после хозяйских слов не идёт. Полежали, полежали, да и пошли к воротам — авось сбежать удастся. Подошли, да и остановились в нерешительности. За воротами звуки разные слышатся — завывания, стоны, крики... Вроде и не робкого десятка друзья были, а сробели.

Вернулись на сеновал, легли. Лежат, прислушиваются к звукам. И тут слышат шорох по сену. Смотрят, змея огромная к ним на сеновал ползёт — в лунном свете хорошо рисунок на спине видно...

Не успели друзья испугаться, как змея девушкой оборотилась — той самой горбуней и

говорит:

— Не к добру вы сюда пришли, ой не к добру! — а голосок у неё текущий, как у речки в рассветном тумане.

— И что делать нам? — спросил Рок, а Флинт ничего не сказал, нахмурился только.

— Сбежать вы отсюда не сможете. И испытание проходить вам нельзя — никто из смертных ещё не прошёл этого испытания...

— Как это, из смертных? — удивился Рок, и за чуб свой рыжий подёргал.

— А так! Хозяин с дочкой к роду Древних принадлежат. Бессмертные они! — усмехнулась горбунья. — Но ничего, и на них управа есть! Завтра один день только вам продержаться нужно. А там Бельтайн наступит, и тогда смогу помочь вам. А сейчас пока спите. Вам завтра силы нужны будут и головы свежие, отдохнувшие. — И уже повернувшись, чтобы идти, горбунья добавила: — А за ограду действительно лучше не ходить. Внутри безопасно, а там, снаружи пропадёте ни за что.

Долго Рок и Флинт потом ворочались, никак уснуть не могли. И то ведь, вляпались по самое не балуй! И верили друзья горбунье, и не верили, да ведь альтернативы-то не было...

...Рассказ Агафьи Тихоновны прервал стук двери — дверь распахнулась и в комнату вошла Ольга-Варга... Не призрачная, а в плотном теле. Она поддерживала окровавленную женщину — футболка на плече и на боку была разорвана и залита кровью.

Марта с ужасом узнала в раненой — следователя, что приезжала к ним по вызову о проникновении в квартиру. Под вторую руку следователя поддерживал растерянный мужчина.

— Быстрее, помогите! — крикнула Ольга-Варга, укладывая женщину на ковёр.

Странное действие оказал на Марту вид крови. Она успокоилась и расслабилась. Сразу стало понятно, что это не игра, что подругам действительно угрожает смертельная опасность. Марта смотрела на суетящихся вокруг Анны Юрьевны преподавателей с потрясшим её саму равнодушием. Словно издалека донеслись слова Ольги-Варги:

— В последний момент успела...

И комментарий призрачной Агафьи Тихоновны:

— Рана не глубокая, слава богам!

Отстранённо и свысока смотрела Марта на мужчину, который сидел в изголовье Анны Юрьевны, гладил её волосы и повторял:

— Как же так, Аннушка? Как же так?

Марте было понятно, что он не осознаёт, где находится и что происходит...

Змея внутри Марты толкнулась и Марта подняла взгляд на Полину.

Та сидела в кресле, сжав подлокотники так, что костяшки пальцев побелели.

Полина почувствовала взгляд Марты и подняла глаза.

«Что же теперь делать?» — было написано в её взгляде.

«Мы должны держаться друг друга!» — мысленно ответила Марта.

«Я так боюсь...» — почувствовала Марта мысль Полины.

«Я подойду к тебе, можно?» — мысленно спросила Марта и немного удивилось, когда увидела, как Полина... кивнула в ответ.

«Мы что, можем читать мысли друг друга?» — мысленно спросила Марта, но Полина уже смотрела на Анну Юрьевну и ничего не ответила.

Марта по широкой дуге обошла преподавателей. Огненная ведьма Блейза спрашивала в это время у Агафьи Тихоновны, будет ли готова Анна Юрьевна к завтрашней ночи? Марта усмехнулась на слова, прозвучавшие в ответ:

— В круг она встанет. Выдержит ли? Не знаю.

Марта подошла к Полине и протянула ей руку.

— Мир?

Полина пожала руку в ответ. Её ладонь была мягкой и вялой.

Марта подняла Полину из кресла и обняла её.

— Ты моя самая близкая подруга. Я никогда не причиню тебе вреда. Клянусь! — тихо и серьёзно сказала Марта.

— Я знаю, — прошептала Полина.

Призрачная Агафья Тихоновна вдруг встала и направилась к двери. В этот момент дверь распахнулась и в комнату вбежала... Агафья Тихоновна с корзинкой в руках. Реальная, плотная... Но какая-то... сухая...

Обе Агафьи Тихоновны слились, и к Анне Юрьевне подошла уже обычная, нормальная профессор травоведения.

Марта с удивлением заметила, что и это её не слишком удивило. Где-то в глубине души она знала, что тонкое и физическое тела должны соединиться.

Внутри корзинки, которую принесла Агафья Тихоновна, стояли флакончики и баночки, лежали бинты... Профессор травоведения склонилась над Анной Юрьевной и принялась обрабатывать раны.

Марта пригляделась — у Анны Юрьевны на плече был рваный след, словно от огромных острых когтей. Такая же рана была на боку, видимо зверь держал женщину за талию и за плечо, а её у него вырвали.

Огненная ведьма Блейза взяла мягко за плечи Петра Ильича, подняла его и отвела чуть в сторону. Он не хотел отходить от Анны Юрьевны, но ректор университета магии сочувственно сказала:

— Сейчас вы ничем не поможете ей, но будете мешать нашему лекарю. Но вы можете помочь... Расскажите, пожалуйста, что произошло?

Словно по команде все преподаватели и Марта с Полиной отошли в сторону, давая Агафье Тихоновне свободу и пространство. Около женщины, лежащей на мягком ковре, остались только Ольга-Варга — она потихоньку напевала заговор, а Агафья Тихоновна, смачивая бинты отваром из бутылки, промывала рану на боку.

— Мы с Аннушкой поехали на пикник, специально никому не сказали, чтобы нас не нашли. У нас такая работа... нас в любой момент могут вызвать...

Огненная ведьма Блейза понимающе кивнула.

— Мы установили палатку, разожгли костёр. Я шашлыки начал жарить, а Аннушка пошла осмотреть окрестности, ну, вы понимаете?..

Огненная ведьма Блейза снова кивнула.

— Господи, зачем я только отпустил её одну?! — сокрушённо воскликнул Пётр Ильич и, закрыв лицо руками, зарыдал.

— Отпустили, потому что там всегда было безопасно, — уверенно, словно гипнотизируя, сказала Огненная ведьма Блейза.

Пётр Ильич посмотрел на неё с надеждой и повторил:

— Там всегда было безопасно... Я там бывал не раз. Это рядом с городом, там никаких диких животных не бывает...

— Не бывает, — подтвердила Огненная ведьма Блейза. — Что было дальше? — продолжила она спрашивать, едва Пётр Ильич успокоился.

— Дальше послышался сильный треск в той стороне, куда ушла Аннушка. Я бросил всё и побежал к ней... Я почувствовал, что ей угрожает опасность... — Пётр Ильич замолчал. Его лицо выражало ужас.

— Что вы увидели? — настойчиво спросила Огненная ведьма Блейза, но Пётр Ильич молчал.

— Волк! — громко и отчётливо сказала Ольга-Варга. — Это был волк. Огромный волк. Это не должен быть Сумрачный колдун, ему ещё рано... Но если это его приспешник... — Ольга-Варга покачала головой. — Мы постараемся замедлить обращение, и в круг она встанет. Но...

Анна Юрьевна застонала. Ольга-Варга склонилась над ней и снова запела.

Огненная ведьма Блейза выпрямилась — стала как будто выше ростом. Еле сдерживая ярость, она повернулась к Марте.

— Если бы вы раньше сказали нам о следователе, мы защитили бы её, и ничего этого не произошло б. Это... — ректор показала на лежащую на полу Анну Юрьевну, — ...на вашей совести!

Марта с Полиной переглянулись, и Марта услышала мысли Полины: «Я ж тебе говорила...»

Вслух Полина не сказала ничего.

Серафимович подошёл к девушкам, приобнял их за плечи и повёл к кроватям. Девушки покорно пошли. Они были оглушены, обезволены словами Огненной ведьмы Блейзы.

В душе у Марты царил полный раздрай. С одной стороны, она до сих пор считала, что манипуляции — это зло, и вестись на манипуляции не следует ни в коем случае. С другой стороны, ни в чём не повинная женщина пострадала из-за того, что она, Марта, не доверяет преподавателям.

Но ей не хотелось быть игрушкой в чужих руках, и ничего с этим поделать она не могла.

Огненная ведьма Блейза, увидев, что Серафимович заставляет девушек лечь, отдохнуть, хотела что-то сказать, но он не дал ей такой возможности.

— Им завтра нужны будут силы! — сказал он тоном, не требующим возражений.

Огненная ведьма Блейза подумала немного и согласно качнула головой. Осмотрев присутствующих, она сказала Серафимовичу:

— Устраивайте тут всё и присоединяйтесь к нам. Ольга-Варга, Агафья Тихоновна, и вы тоже... Жду вас у себя в кабинете. — И повернувшись к Февронье Статс, которая всё это время молча стояла в стороне, добавила: — Пойдём, Февронья, нам нужно многое обсудить.

Ректор и преподаватель истории магии вышли за дверь, и Марта почувствовала некоторое облегчение. Во-первых, в комнате стало меньше народу, что само по себе уже хорошо. А во-вторых, Марта не могла объяснить, почему она в присутствии ректора чувствовала напряжение, а преподаватель истории магии сильно раздражала её. Она подумала, хотя это конечно глупость, что змея, когда изучала всех присутствующих, к Февронье Статс и к ректору подползти не успела. С другой стороны, и явной угрозы змея не почувствовала. Видимо, облегчение наступило всё-таки из-за того, что народу в комнате поубавилось...

Тем временем входная дверь открылась, и в комнату вошла женщина, которую Марта и Полина видели в первый день.

Вошедшая глянула вопросительно на Серафимовича, он молча показал глазами на Анну Юрьевну. Женщина жестом попросила Марту отойти от своей кровати. Потом, по указанию женщины кровать раздвоилась, а следом раздвоились и прикроватная тумбочка с ночником.

Марта думала, что третью кровать некуда будет поставить, но та вполне вместилась. А, может, просто комната стала побольше...

Полог на новой кровати окрасился в нежно-розовый, а постель — в тёмно-вишнёвый.

Снова посмотрев на Серафимовича, женщина ушла, и вскоре вернулась с платьем и парой туфель.

К тому времени Агафья Тихоновна и Ольга-Варга закончили обрабатывать раны, Помогли Анне Юрьевне подняться и отвели её к кровати, помогли лечь.

— Я так понимаю... — спросила Ольга-Варга, обращаясь к Петру Ильичу, который сидел в кресле и смотрел на происходящее широко открытыми глазами. — Вы останетесь тут?

— Мне бы хотелось быть рядом с Аннушкой, — ответил он негромко и добавил: — Если можно, конечно.

— Если девушки будут не против, — встрял в разговор Серафимович.

Марта хотела сказать, что она точно против, чтобы в их комнате ночевал посторонний мужчина, но глянув на несчастного Петра Ильича, пожала плечами:

— Мне без разницы.

Полина, видимо, чувствовала то же самое, потому что она тоже согласилась.

— Ну ладно, располагайтесь тут... на кресле или... Ещё одной кровати не будет, извините, — сказал Серафимович. И обращаясь к Марте добавил: — Если что, зови Шушу и шли её ко мне.

Марта кивнула.

Агафья Тихоновна и Ольга-Варга вышли.

Серафимович тоже пошёл вслед за ними, но остановился у порога.

— Она должна надеть утром форменное платье, — сказал он, обращаясь к Марте и Полине. — Это поможет ей и защитит её.

Он дождался, когда девушки показали, что поняли его, и тоже вышел из комнаты.

Когда дверь за Серафимовичем закрылась, в комнате повисла напряжённая тишина.

Пётр Ильич встал с кресла, в которое его усадила Огненная ведьма Блейза и, извиняясь, спросил у девушек, где туалет.

Полина махнула на дверь в ванную комнату, и Пётр Ильич пошёл туда.

— Что будем делать? — едва слышно спросила Полина у Марты.

— Отдохнуть, — ответила Марта, расправила платье и натянула повыше одеяло.

— Да, но... — Полина показала глазами на дверь в ванную.

— Если я правильно понимаю, то из присутствующих тут не его нам нужно опасаться, — усмехнулась Марта.

— А кого же? — Полина привстала в кровати и оглядела комнату в поисках скрытой угрозы.

«Её, — мысленно ответила Марта и показала глазами на Анну Юрьевну. — Возможно её укусил оборотень».

«Но преподаватели оставили её с нами, значит считают, что это безопасно!» — ответила Полина.

«Ну не доверяю я им! — мысленно воскликнула Марта. — Вот хоть что со мной делай, а не доверяю! Они явно темнят!» — Марта тяжело вздохнула и грустно посмотрела на подругу, но та ничего не успела ответить.

Анна Юрьевна застонала, заметалась.

Марта встала и подошла к женщине.

— Вам плохо? — спросила она.

— Где я? — прошептала Анна Юрьевна. — Где Петенька?

— С ним всё в порядке, — успокоила её Марта. — И вы в безопасности...

— Нет! Вы не понимаете... Она... — Анна Юрьевна замолчала, словно больше не могла об этом говорить. Она лежала и широко раскрытыми глазами смотрела на Марту.

В это время из ванной, на ходу вытирая лицо полотенцем, вышел Пётр Ильич и поспешил к Анне Юрьевне.

— Очнулась? — с нежной заботой спросил он.

Анна Юрьевна повернулась к Петру Ильичу, и её лицо озарила улыбка. Она кивнула, и на глазах у неё появились слёзы.

— Ну что ты, дорогая, теперь всё позади, ты в безопасности.

— Ты не понимаешь... — прошептала Анна Юрьевна. — Всё ещё только начинается!

Марта с Полиной переглянулись.

«Она знает про Бельтайн?» — мысленно спросила Полина.

«Видимо, да. Видимо, следовательно не так проста...» — мысленно ответила Марта.

Пётр Ильич хотел потереть лоб и увидел, что всё ещё сжимает в руках полотенце.

— Извините, я... вот... — он протянул полотенце Марте.

— Ничего страшного, — спокойно ответила она, забрала полотенце и кинула его на стол. — Нам всем нужно лечь отдохнуть. У нас завтра сложный день. Вы где... ляжете?

Пётр Ильич огляделся и предположил:

— Может на кресле? Или на полу можно, тут ковёр тёплый, не замёрзну, поди...

Но Анна Юрьевна прервала его:

— Не надо на полу. Ложись рядом со мной.

— Я боюсь причинить тебе боль, — извиняясь сказал Пётр Ильич.

— Не бойся. Если будешь мешать, я скажу. Тогда пойдёшь на кресло...

Пётр Ильич аккуратно пристроился рядом с Анной Юрьевной и аккуратно поправил на ней одеяло. Марте стало тепло от, пусть чужой, но такой человеческой заботы. Она, улыбнувшись, задёрнула полог на кровати Анны Юрьевны и пошла к своей кровати. Легла не раздеваясь.

Верхний свет погас, но затеплились ночники.

«Ты не будешь против, если я позову змею, чтобы она нас охраняла?» — мысленно спросила Марта у Полины.

Полина подумала немного и ответила, тоже мысленно:

«Позови. Только пусть она сидит где-нибудь в сторонке и не ползает по комнате. И пусть её не будет видно»

«Хорошо» — ответила Марта и выпустила змею в комнату.

Змея заползла под её кровать и свернулась клубочком.

Полина смотрела, не отрываясь, в то место, куда легла змея — она больше напоминала упавшее на пол одеяло, чем живое существо. Полина пыталась не спать, но постепенно веки её сомкнулись, и она погрузилась в глубокий сон.

Марта снова не могла уснуть. Она лежала и смотрела сквозь свой нежно-золотистый полог. И ей казалось, что внутри небесно-голубого полога Полины ширится свечение, а внутри нежно-розового полога Анны Юрьевны — густеет мрак. Прислушалась к змее — та спокойно дремлет под кроватью.

В комнате тихо. Настолько, что кажется, будто что-то шумит, что-то бухает и где-то поют...

Марта боялась пошевелиться и выдать, что не спит... Вдруг кто наблюдает?! Ведь зачем-то же приходил прошлой ночью Серафимович! Да и преподаватели сегодня появились, едва Полина про следователя сказала, словно за дверью стояли и слушали... Марта усмехнулась: слушали в тайне друг от друга! Явно каждый для своих целей!

Вокруг ничего не происходило.

Через какое-то время Марта поняла, что бухает — её сердце, а шумит — у неё в ушах. Но тихое пение никуда не делось и определить, откуда оно исходит, Марте никак не удавалось. Да и сгустившийся мрак и усилившееся свечение покоя не давали.

Марта прислушалась к пению, и ей показалось, что она слышит голос Ольги-Варги да и мелодия похожа на ту, что пела ведьма, когда они с Агафьей Тихоновой врачевали раны Анны Юрьевны.

На всякий случай Марта мысленно спросила у змеи, всё ли в порядке, и отчётливо увидела зевающую во всю пасть охранительницу, мол, всё в порядке, можно спокойно спать.

Марта попробовала расслабиться — змея же расслаблена — но у неё не получилось. Перед внутренним взором встали картины сегодняшнего вечернего происшествия: внезапно появились преподаватели, Огненная ведьма Блейза назначила Совет, Ольга-Варга привела Анну Юрьевну и её мужчину... И ему почему-то не поставили кровать или хотя бы раскладушку. Ну или одеяло с подушкой могли бы принести... А то отнеслись, словно он не заслуживает внимания. А как не заслуживает?! Человек же...

Мысли о Петре Ильиче утвердили Марту в том, что преподаватели себе на уме... Они манипулируют. И не только Мартой и Полиной, но всеми людьми.

Марта снова и снова анализировала свои ощущения по поводу тех или иных слов, действий, вспоминала тончайшие нюансы, с которыми произносились слова... то, как, с каким выражением и настроением что делалось... И чувствовала, что что-то важное ускользает, как змеиный хвост в траве...

Он ускользал... ускользал... ускользал...

Марта пошла за хвостом и оказалась на лесной поляне, рядом с ней была Шуша — та змея, что приползла на урок по травоведению.

Разглядывая рисунок на её спине, Марта вдруг поняла, что её защитница не Шуша, охраняла и защищала Марту другая змея — моложе, сильнее...

— Невесста Полозсса, приказссывай! — прошипела Шуша.

— Я хочу понять... — Марта засомневалась, что может ей рассказать змея?

— Всяя мудроссть зссмеиногo цссарсства в твоём распоряджении, госспожа, сспрашивай, — одобряюще прошипела Шуша.

— Что будет завтра?

— День и ночь перед Бельтайном.

Марта подумала немного и задала вопрос чуть иначе:

— Что будет завтра с нами? — и уточнила: — Со мной, с Полиной, со следователем и её мужчиной?

Шуша поползла вокруг Марты, и в том месте, где она оставила след, словно из-под земли вырос призрачный экран, на котором начали появляться и исчезать картинки: ... Полина, Марта и Анна Юрьевна, взявшись за руки, стоят на вершине лысой горы вокруг большого чёрного камня, они растеряны и испуганы. Вдруг из камня появляется седой, взъерошенный, бородатый мужчина и нападает на Анну Юрьевну, Пётр Ильич торопится к ней на помощь, но Огненная ведьма Блейза кидает в него огненный шар, Пётр Ильич падает замертво, Анна Юрьевна разжимает руки и спешит к нему, бородатый колдун, как только круг размыкается, убивает её, а потом Полину и Марту... ..на лесной поляне Бард целует Полину, Марта и Анна Юрьевна торопятся к ним, впереди спешит змея, змея нападает на Барда, промахивается и кусает Полину, Полина падает замертво, Бард метает заклинание сначала в Марту, потом сразу же в Анну Юрьевну, змея не успевает их защитить... ..Марта с Полиной и Анной Юрьевной стоят, прижавшись друг к дружке, в развороченной столовой, а Серафимович щёлкает в их направлении пальцами, девушки падают замертво... И хоть в двух последних эпизодах Марта не видит Петра Ильича, она откуда-то точно знает, что он погиб — он помеха, которую Огненная ведьма Блейза убрала в самом начале Вальпургиевой ночи — ночи накануне Бельтайна.

— Мы трижды умрём? — машинально спрашивает Марта.

— У вас будет три критических ситуации... Это только вероятность...
Остальное зависит от вас, — отвечает Шуша и экран исчезает.

— Кто такой этот колдун? И почему именно мы должны не пустить его в наш мир?

— Сумрачный колдун. В вас течет его кровь.

— А как же Пётр Ильич? Сюда же случайно не попадают...

— В нём нет древней крови, он обычный смертный. Он пришёл с женщиной...

Марта ещё хотела спросить Шушу, но пение, до сих пор едва слышное, усилилось, и Марта проснулась.

Свет под Полининым пологом оставался ровным и ярким, а вот тьма под пологом Анны Юрьевны начала рваться — в том месте, где Пётр Ильич обнимал Анну Юрьевну, где его рука касалась её. Появившийся свет был небольшой, словно кто спичку зажёл, но его силы хватило, чтобы тьма перестала быть абсолютной... У Марты сами собой сложились строки:

Абсолютной темнота быть не может —

Пламя спички,

Этой щепки-невелички

Прогоняет древний мрак...

Марта повторила про себя несколько раз эти слова и вдруг заметила, что тьма под пологом Анны Юрьевны действительно начала бледнеть, рассеиваться.

Всё это сопровождалось пением, и чем больше сдавала позиции тьма, тем громче и... отчаяннее?.. было пение... Марте даже в какой-то момент показалось, что пение из последних сил пытается поддержать тьму...

Но вот тьма окончательно развеялась, пение стихло Анна Юрьевна глубоко вздохнула и повернулась на бок, Пётр Ильич тут же проснулся, словно дремал вполглаза — охранял её

сон. Поглядев на женщину, он не нашёл угрозы её жизни и нежно поправил одеяло. Анна Юрьевна во сне прижалась к Петру Ильичу, он ласково и потихоньку поцеловал её в висок. Потом аккуратно, чтобы не потревожить её, улёгся и тоже вздохнул.

И Марта поняла, что ни за что на свете не допустит, чтобы с ним что-то случилось. И не только с ним, но и с Полиной, и с Анной Юрьевной. Она поняла, что будет защищать их. Потому что такая нежность и забота должны существовать в этом мире, потому что без нежности и без заботы о близких мир станет пустым и холодным.

Едва солнце подсветило небо, дверь открылась, и в комнату вошёл Серафимович.

— Просыпайтесь! — громко скомандовал он. — У нас мало времени!

Марта с Полиной поднялись и одновременно посмотрели на кровать под розовым пологом. Подруги были тут, можно сказать, старожилками, а вот Анна Юрьевна и Пётр Ильич появились только накануне, и девушки готовы были что-то объяснить помочь, если их помощь понадобится. Но Серафимович, глянув на часы, строго сказал:

— Полина, Марта, у вас на то, чтобы привести себя в порядок 15 минут! — И обратившись к Анне Юрьевны заботливо спросил: — Как вы себя чувствуете?

Анна Юрьевна, натягивая одеяло на обнажённую грудь — обрабатывая раны, Агафья Тихоновна разрезала и убрала разорванные футболку и бюстгальтер — ответила, покраснев:

— Всё хорошо, спасибо!

— Тогда вы тоже поспешите. Вот для вас платье, — Серафимович показал на стул, где висело форменное платье, принесённое вчера молчаливой помощницей Серафимовича. — А вот туфли, — Серафимович показал на пару, стоящую чуть в стороне от туфель Марты и Полины. И обращаясь к Петру Ильичу добавил: — Для вас у нас обуви нет, извините.

— Ничего страшного, — заверил декана Пётр Ильич.

— Поторопитесь! Я жду вас в гостиной, — сказал Серафимович и вышел из комнаты.

Едва дверь за ним закрылась, Полина поднялась, отрянула платье — она так же, как и Марта спала одетая — и поспешила в ванную. А Марта стала заправлять свою кровать.

— Где мы? — спросила у неё Анна Юрьевна.

— В университете магии. — И добавила: — Вот ещё что: платье — это договор на обучение. Как только вы его наденете, вы заключите договор на обучение тут.

Марта помнила вчерашние слова Серафимовича о том, что Анна Юрьевна должна надеть платье, чтобы получить защиту, но считала, что человек должен осознанно заключать такие договоры.

Анна Юрьевна кивнула. Было ощущение, что она несколько не удивилась. Она встала, всё ещё прикрываясь одеялом и подошла к стулу, взяла платье.

— Договор нерушимый! — предостерегла Марта.

— Я понимаю, но не могу же я ходить вот так... — Анна Юрьевна показала взглядом на свою грудь.

— Если что, есть наша одежда... Ну... обычная, — предложила Марта, давая шанс Анне Юрьевне.

— Спасибо, — улыбнулась Анна Юрьевна и, надевая платье, отпустила одеяло.

Прослушав сообщение о договоре на обучение, она усмехнулась и ответила на невысказанный вопрос Марты:

— Я в общем-то что-то такое и предполагала. А этот мужчина, который сейчас заходил... Я часто видела его во сне... Только он всегда был с розой...

— Розы! — воскликнула, всплеснув руками Марта! — Это всё из-за заклятия роз! Вы, как и мы попали под заклятие роз!

— Подождите, — вмешался Пётр Ильич. — Так вы и есть те девушки, которые пропали из квартиры, и которых я ищу?

— Наверное, — пожала плечами Марта. — А зачем ищите?

— Ну... Я следователь прокуратуры... работа у меня такая. Мы ж думали, что это преступление... Что вас похитили...

— В общем-то да, похитили, — грустно улыбнулась Марта. — Но теперь мы тут учимся. И она... — Марта кивнула на Анну Юрьевну, — тоже...

Из ванной вышла Полина.

— Ванная свободна. Кто следующий? — спросила она.

Марта, вопросительно глянув на Анну Юрьевну, подняла руку и направилась к двери.

— А кто из вас любит чай? — спросил Пётр Ильич.

— Я, — ответила Марта с порога ванной. — А что?

— Ничего... — Пётр Ильич пожал плечами. — Просто я тоже любитель и ценитель хорошего чая.

— Ну, значит, мы коллеги по увлечениям, — с улыбкой ответила Марта и закрыла за собой дверь.

Когда вышли в гостиную, Марта первым делом нашла взглядом Серафимовича. И увидела, как он с удовлетворением отметил, что Анна Юрьевна в форменном платье, как поднял бровь, поняв, что истерики не будет, как испытующе глянул на неё, на Марту.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, потом Серафимович переключился на Петра Ильича и на то, что он босой.

— Эх, — поморщился Серафимович, как будто это он сам был босой.

— Ничего страшного! — снова заверил его Пётр Ильич.

Он стоял рядом с Анной Юрьевной и держал её за руку. Казалось, он готов был терпеть любые неудобства, лишь бы быть рядом с любимой женщиной.

Взгляд Серафимовича переключился на Анну Юрьевну.

— Я так понимаю, что вас ввели в курс дела.

— Про контракт на обучение? Да, Марта сказала мне об этом.

Серафимович заинтересовано глянул на Марту. Она видела, что у него на языке крутится вопрос: сказала до того, как Анна Юрьевна надела платье или после? Но Серафимович справился с любопытством и вопроса не задал. А может, по спокойствию Анны Юрьевны и Марты понял, что до.

— Сейчас немного сложный момент, — сказал он, обращаясь к Марте, Полине и Анне Юрьевне. — Ночью вы трое должны будете создать защитный круг и не допустить в наш мир Сумрачного колдуна. Если он сможет пройти, то начнётся кровавая бойня. Не только в магическом мире, но и в реальном. Если Сумрачный колдун выйдет в наш мир, то на Земле может начаться третья мировая война. Мне очень жаль, что мы смогли отыскать вас троих только в самый последний момент и не успеваем подготовить как следует. Древняя кровь начала проявляться недавно, когда до Бельтайна осталось совсем мало времени. — Серафимович вздохнул и развёл руками. — Остаётся надежда только на вашу силу. У Марты, я знаю, она проснулась. У Полины, похоже, нет... А у вас?..

Марта при этих словах Серафимовича вздрогнула и глянула на подругу. Интересно, их

телепатическое общение — это сила Полины или проявление силы Марты? Но спрашивать вслух об этом она не стала. Полина тоже промолчала. Возможно, не придавала значения или не осознала ещё пока...

Серафимович между тем продолжал, обращаясь на этот раз только к Анне Юрьевне:

— Случалось ли за последнее время в вашей жизни что-то странное?

— Ну, вчера в обеденный перерыв меня чуть не сбила машина... — начала задумчиво рассказывать Анна Юрьевна.

Марта снова вздрогнула — вчера утром Полина в коридоре говорила о следователе... Значит, в коридоре, в толпе зрителей их с Полиной размолвки был кто-то, кто слышал и попытался удержать Анну Юрьевну до того, как она сюда попадёт!..

Перед внутренним взором Марты встал Бард. Она отчётливо вспомнила, как он оборвал их разговор, и как потом кружными путями повёл на лекцию по истории магии... К тому же в видении змея пыталась напасть на него, но промахнулась и напала на Полину...

— Расскажите подробнее, пожалуйста, — попросил Серафимович.

Анна Юрьевна забрала руку у Петра Ильича, словно хотела погрузиться в то состояние одна, а его хотела уберечь...

— Я переходила улицу на светофор... — начала рассказ Анна Юрьевна, вспоминая детали и ощущения.

Рассказывая, она ни словом не обмолвилась о сне и о том, что там она выстраивала барьер от Серафимовича, и что по ту сторону барьера, рядом с ней был Пётр Ильич.

Серафимович уточнил детали и кивнул — да, это проснулась сила.

— А почему вы не применили силу, когда на вас напал зверь? — спросил он.

Анна Юрьевна удивлённо поглядела на декана и ответила растеряно:

— Я не чувствовала опасности... Было такое ощущение, что я встретила родную душу...

— Однако эта «родная душа» чуть вас не убила, — прокомментировал Серафимович слова Анны Юрьевны.

— Ну... не совсем так, — протянула Анна Юрьевна.

— А как? — принялся допытываться Серафимович, но тут же остановил Анну Юрьевну, ещё до того, как она успела ответить.

Из неприметных коридорчиков начали выходить девушки студентки. Увидев декана, они приветствовали его коротким поклоном, отходили в сторону и собирались там стайкой.

Из коридорчика, обозначенного картиной с ведьмой, горящей на костре, вышла Анжелика. Она испытующе глянула на Марту с Полиной, задержала свой взгляд на Анне Юрьевне и Петре Ильиче, быстро опустила глаза и тоже поприветствовала декана. Марте показалось, что белокурая староста слишком быстро отвела взгляд.

Серафимович окликнул Анжелику и попросил её проводить Марту, Полину и Анну Юрьевну — на Петра Ильича он не глядел, словно того не существовало — в кабинет магических обрядов, там их ждут. А самому ему, мол, нужно зайти в другое место...

Анжелика кивнула, что поняла и сделала приглашающий жест.

Перед тем, как пойти за Анжеликой, Марта глянула на картину над их коридорчиком. Под флейту козлоногого Пана танцевали четыре девушки! Четыре! И их сейчас четверо. Правда Пётр Ильич на девушку не тянет, но четверо же? Случайно это или нет?

А ведь и сразу было четыре, но тогда Марта не обратила на это внимание. «Интересно, — подумала она, — А Серафимович обратил?.. Он ведь рассматривал картину...»

Анжелика уже выходила из гостиной, и Марта поспешила догнать старосту. И услышала позади себя голос Серафимовича — он обращался к студенткам:

— А вы что стоите? Быстро на занятия!

Сзади послышался быстрый топот и спокойные шаги... «Серафимовича», — подумала Марта.

Марта, не оборачиваясь, догнала Анжелику и пошла рядом с ней. Анжелика исхудала. «Килограммов пять сбросила, не меньше!» — оценила Марта. Но вслух спрашивать ничего не стала.

Когда спускались по лестнице, Анжелика быстро шепнула:

— Там, на горе, постарайся сделать так, чтобы он... — Анжелика указала взглядом на Петра Ильича, — пошёл с вами.

Марта даже запнулась от неожиданности. У неё было видение, что Пётр Ильич погибнет у подножья Лысой горы, и она решила защитить его, но пока не знала, как. И вот теперь Анжелика подсказывает решение! Но откуда она знает? Или не знает, а... Но зачем ей нужно?..

Мысли Марты поскакали галопом, и на лице Анжелики появилось выражение досады, и она поспешно отвернулась, словно ничего и не произошло.

Марта взяла себя в руки. В конце концов, слова Анжелики совпадали с её мыслями...

Но если внешне Марта была спокойна, то мысли неслись, а память услужливо вытаскивала на поверхность все встречи с Анжеликой, все её слова, выражения лица, позы, эмоции...

Марта впервые посмотрела на Анжелику не как на старосту, которая помогает найти нужный кабинет и мешает поговорить, или на девушку, которую предал любимый человек, а как на человека, который обладает собственной позицией и нужной информацией.

Информацией! Но как заставить Анжелику рассказать побольше о Бельтайне?

Анжелика довела их до дверей и, бросив: «Мне нужно сдавать коллоквиум», поспешила уйти. Не исчезла, как обычно, а дробно простучала каблучками по лестнице, как будто здесь, в подвале у неё не было возможности исчезнуть — только на верхних этажах...

Марта задумчиво слушала стук Анжеликиных каблучков и не спешила открывать дверь, но дверь открылась сама, недвусмысленно приглашая войти.

Первой через порог шагнула Анна Юрьевна, сразу следом за ней Пётр Ильич.

Марта с удивлением отметила, что Анна Юрьевна спокойна. Вошла в огромный, мрачный каменный подвал, освещённый факелами, вставленными в специальные держатели на стенах и с нарисованной на полу вписанной в круг пентаграммой с символами по пяти углам пятиугольника, словно в квартиру потерпевшего — мало ли чем он увлекается...

Пётр Ильич с интересом посматривал по сторонам и не отпускал руку Анны Юрьевны. Остановились перед пентаграммой, не торопясь переступить черту, тем более, что сегодня все линии светились холодным фосфорным светом.

Марта с Полиной встали по обе стороны от Анны Юрьевны и Петра Ильича.

— Надеюсь, пыток никаких не будет? — едва слышно прошептал Пётр Ильич.

Но в пустом помещении с высокими арочными потолками тихий шёпот усилился эхом.

— Не будет! — раздался насмешливый голос ректора.

Огненная ведьма Блейза вышла из-за широкой колонны, поддерживающей свод. Она была в длинном чёрном балахоне с капюшоном. Марта узнала её по голосу и манере двигаться и говорить, хотя голос и исказился эхом.

Следом за ректором вышли ещё три человека и встали рядом с ней. Они несли толстые витые свечи. Такая же свеча была в руках у Огненной ведьмы Блейзы.

Неожиданно входная дверь позади Марты хлопнула и в кабинет магических обрядов вбежал Серафимович — тоже в чёрном балахоне, капюшон сбился назад. Декан приостановился, приводя себя в порядок и успокаивая дыхание, потом прошёл вперёд и встал между двух групп. Марта со странным удовлетворением отметила, что он тоже не заступил за черту.

Балахоны скрывали лица, и Марта вглядывалась и пыталась понять, кто те, трое? Агафья Тихоновна, Февронья Статс и Ольга-Варга? Вероятно... Но что-то в позах и манере двигаться подсказывало ей, что это не они. Или всё-таки они?

Пока она размышляла, из-за колонны вышли ещё люди и принялись выстраивать внешний круг, послышалось тихое пение, тоже усиленное эхом.

«Странно, — услышала Марта мысль Полины. — Когда была лекция Серафимовича, эхо так не усиливало его голос»

«Точно! — мысленно ответила Марта. — Интересно, что они хотят сделать?»

«Не знаю...» — Полина пожалала плечами, и это выглядело странно — как будто она в своих мыслях и далеко от реальности.

«Я думаю, они попробуют пробудить силу Полины» — послышалась мысль Анны Юрьевны.

Марта с Полиной вздрогнули и уставились на неё.

«Извините, девочки, не знаю, как, но я ваши мысли слышу, — мысленно сказала Анна Юрьевна и добавила: — Думаю, нам не стоит привлекать внимание к этой маленькой

способности. Не надо всем знать, что мы можем вот так общаться».

Марта была полностью солидарна с Анной Юрьевной. Полина тоже согласилась, что мысленное общение лучше оставить в тайне.

«Интересно, — мысленно спросила Полина, — А преподаватели могут слышать, как мы думаем?»

Анна Юрьевна с интересом посмотрела на стоящих по ту сторону пентаграммы и ответила:

«Думаю, нет. И это может быть нашим преимуществом. Всё не так, как...»

Додумать мысль она не успела. Внешний круг был замкнут, пение усилилось и по залу поплыл тонкий розовый аромат.

Серафимович поднял руки, широкие рукава скатились, представив взору часы в металлической оправе. Марта смотрела на этот предмет — чужеродный в подвале с нарисованной на полу пентаграммой и чуть не пропустила момент, когда вслед за нарастающим пением линии начали светиться сильнее.

Пение и всё усиливающийся аромат роз сдавили виски, Марта почувствовала тупую головную боль, по коже пробежал озноб. В глазах у неё помутилось, создалось ощущение, что пентаграмма пульсирует в такт Мартиному сердцу и зовёт её ступить во внутрь. Не сильно, но настойчиво.

Внезапный стон выдернул её из этого мутного состояния. Марта глянула в ту сторону, откуда он раздался, и увидела, что Пётр Ильич мучительно переступает с ноги на ногу, а пол у него под ногами раскалился... Но Пётр Ильич продолжал держать Анну Юрьевну за руку. Хотя видно было, что он испытывает сильные мучения.

Марта не успела ничего сказать или как-то привлечь внимание преподавателей, как Анна Юрьевна с усилием, граничащим с остервенением, принялась рвать подол своего платья. Он не поддавался, и женщина с отчаянием дёргала его.

Ничего не выходило — платье было на редкость прочным.

— Ну пожалуйста! — с отчаянием в голосе взмолилась Анна Юрьевна, и ткань поддалась.

Оторвав подол и разорвав его на две примерно равные части, Анна Юрьевна склонилась к ногам Петра Ильича и обернула его ступни... Закрепила так, чтобы можно было ходить и ткань не падала.

Пётр Ильич вздохнул с облегчением. Марта ощутила, что жар на полу начал спадать, видимо, форменная одежда действительно служила защитой.

Глянув снова на преподавателей, Марта почему-то не удивилась, что они не обратили никакого внимания на это маленькое происшествие. Усмехнулась про себя — это происшествие выдернуло её из гипнотического состояния, в которое она уже почти погрузилась. Глянув на Полину, поняла, что и та тоже осознаёт себя здесь и сейчас.

Линии между тем действительно светились сильнее и пульсировали.

В какой-то момент, когда пение достигло накала, Серафимович взмахнул розой. Марта удивилась — откуда он её взял. У него руки были пустые, когда он воздевал их кверху, сверкая своими часами.

Но тем не менее, теперь в руках у Серафимовича была роза — алая, бархатная... Он взмахнул ей, и из воздуха стали появляться и падать внутрь пентаграммы розовые лепестки. Вскоре пол был покрыт нежным благоухающим ковром. Однако, все линии оставались свободными — не закрытыми лепестками.

Марте вдруг очень захотелось чая — того самого, который они пили с Полиной — смесь зелёного и красного чая с лепестками роз и кусочками персика... «Сны китайского любовника». Чаю захотелось настолько сильно, что у Марты пересохло в горле и задрожали руки. Марта сжала кулаки и медленно вздохнула.

И вдруг она увидела, что в одном углу пентаграммы стоит чашечка того самого чая... свежесваренного по всем правилам чайного искусства... Чашечка тонкого фарфора и изящной формы... Ей захотелось подойти, взять эту чашечку и отхлебнуть небольшой глоточек изысканного напитка...

Марта тряхнула головой, сбрасывая наваждение, потом подняла глаза на Серафимовича и спросила возмущённо:

— Вы что, издеваетесь?

Пение на миг сбилось, Серафимович вздрогнул и с удивлением посмотрел на Марту.

— Если вам нужно, чтобы мы встали в углы пентаграммы, — с вызовом продолжила она, — скажите прямо и объясните, зачем.

— Да! Не нужно с нами так! Скажите прямо, что мы должны делать. Мы не дети, поймём, — поддержала её Полина.

Марта с удивлением и уважением посмотрела на подругу — неужели та наконец-то поняла, что преподаватели манипулируют ими?..

Пение снова дрогнуло, просело, потеряло стройность, но ректор махнула рукой и начала дирижировать. Хор выправился, но в нём больше не было той гипнотической магии.

Сквозь пение Огненная ведьма Блейза сказала, обращаясь к Марте, Полине и Анне Юрьевне:

— Наверное, вы правы и нужно сказать, что мы хотим... Мы хотим узнать природу силы Полины и пробудить её силу. Для этого нужно, чтобы вы...

Один из троицы в балахонах, кто стоял рядом с ректором, подошёл и шепнул что-то на ухо ректору. Она задумчиво пожала плечами и сказала:

— А что, это мысль! — и обратившись к Серафимовичу, сказала только одно слово: — Стихии...

Он кивнул, взмахнул розой и запел-заголосил другое заклинание.

Сначала ничего не происходило, а потом в том углу пентаграммы, где стоял знак земли ♁ , появилась полупрозрачная, светящаяся голубоватым светом, змея Шуша. Она свернулась кольцами и замерла.

В углу, где стоял знак воды ♁ , появилась лебедь Лелевеля, тоже полупрозрачная, она встрепенулась, вытянула шею и захлопала крыльями. Потом сложила крылья и села.

Там, где был знак ♁ , символизирующий воздух, появился Заграй. Он потряс головой, а потом вскинул гордо рогатую голову. Интересно было смотреть на светящегося голубым оленя, зная, что он златорогий.

Серафимович повернулся к девушкам, чтобы предложить им пройти к своим зооморфам, но тут в углу пентаграммы, где стоял знак огня ♁ , появилась ящерица. Она выглядела так же, как остальные зооморфы — была полупрозрачной и светилась голубым светом.

— Яра? — растеряно прошептал человек, только что разговаривавший с Огненной ведьмой Блейзой. И Марта по голосу узнала Агафью Тихоновну.

Ящерица между тем обежала вокруг себя, устраиваясь поудобнее и вдруг замерла. И лишь глаза время от времени вращались — каждый сам по себе.

Огненная ведьма Блейза и Серафимович не сговариваясь устали на пятый угол пентаграммы, где был начертан знак, символизирующий идею, дух — *idéa*. Но он оставался пустым.

Марта вспомнила картину над коридорчиком в их комнату. Там под дудку козлоногого Пана танцевали четыре девушки. Четыре! И животных пришло четыре. Значит, Пётр Ильич появился не случайно!

Но тут она вспомнила, что именно говорила ей Шуша в ночном видении — мужчина пришёл со своей женщиной... То есть не сам пришёл, откликнулся на зов, а пришёл с женщиной. Она тут главная, не он...

Что-то тут не вязалось...

Но ведь их четверо! И зооморфов на пентаграмме тоже четверо...

«Ты думаешь, это он?» — мысленно спросила Полина.

«Не знаю. С одной стороны, всё сходится, а с другой...» — Марта оглядела растерянную Анну Юрьевну и Петра Ильича.

«А почему он тогда не слышит наши мысли?» — снова спросила Полина.

«Не знаю, — ответила Марта. — Может, потому что он мужчина?..»

«Или четвёртый — не он» — отчётливо подумала Анна Юрьевна.

Между тем пение окончательно сбилось, хор распался и вскоре смолк. Линии пентаграммы и круга попритухли и зооморфы исчезли.

В кабинете магических обрядов воцарилась всеобщая растерянность.

Огненная ведьма Блейза стремительно подошла к девушкам — напрямик, через пентаграмму.

— Был ли с вами кто-то ещё, какая-то женщина? — резко спросила она у Марты, Полины и Анны Юрьевны.

— Где? — ответила вопросом на вопрос Анна Юрьевна, а Марта с Полиной отрицательно покачали головами.

— В комнате девушек, когда сработало заклинание, — нетерпеливо пояснила Огненная ведьма Блейза.

— Ну со мной была моя следственная бригада — оперативный работник и эксперт...

— Они женщины или мужчины? — перебила Огненная ведьма Блейза.

— Мужчины... — ответила Анна Юрьевна.

— Оба?

— Да...

— Точно?!

— Да что случилось-то?! — не выдержала Марта.

— Заклятием крови связаны, как оказалось, четверо... Кто четвёртая женщина?!

И Марта, и Полина, и Анна Юрьевна были в растерянности. Из-за напора ректора они чувствовали себя виноватыми, но не могли понять в чём. На лице Огненной ведьмы Блейзы читалось бешенство и отчаяние. Она смотрела на них и казалось готова была испепелить на месте. И было непонятно, что удерживает её.

Подошедший к ней сзади Серафимович аккуратно взял её за плечи и шепнул успокаивающе:

— Ну что ты? Время ещё есть...

— Время?! — резко обернувшись к нему закричала Огненная ведьма Блейза. — Не говори мне о времени! Его нет у нас! Оно закончилось, ушло в песок, рассыпалось в прах!..

И вдруг... Огненная ведьма Блейза расплакалась.

Серафимович обнял её успокаивающе. И заозирался, отыскивая взглядом кого-то. Тут же подошла Агафья Тихоновна, всё ещё в балахоне, но капюшон уже был снят, и, приобняв Анну Юрьевну и Полину сказала мягко:

— Пойдёмте в столовую, позавтракаем.

Марте было странно видеть ректора плачущей. Это так не вязалось с тем образом, который она себе нарисовала. Да и вообще — взрослый человек, ректор университета магии... Ведьма! И вдруг плачет, как обычная девчонка, которую сильно обидели или отняли интересную игрушку.

«Взрослые тоже плачут» — мысленно усмехнулась Анна Юрьевна.

«Я понимаю» — подумала Марта.

— А что случилось? — шагая по ступеням, спросила Полина у Агафьи Тихоновны.

— Ох, девушки, это долгая история. Вы же видели, зооморфов в пентаграмме было четыре. Вас должно быть четверо.

— А он? — спросила Полина, кивнув на Петра Ильича, который по-прежнему держал Анну Юрьевну за руку. С обмотками на ногах он смотрелся странно.

— Он? — спросила Агафья Тихоновна и посмотрела на Петра Ильича так, словно только что его увидела. — Нет, конечно! Он... — она усмехнулась, мол, как вам такое вообще могло прийти в голову? И добавила, качая головой: — Нет, это не он. Это девушка или молодая женщина. Причём, связанная с вами заклятием.

— А что за заклятие? — спросила Анна Юрьевна.

— Заклятие роз, заклятие крови, — ответила Агафья Тихоновна так, словно это было само собой разумеющееся и все должны об этом знать.

— А что это за заклятие такое, в чём оно заключается? — продолжила расспрашивать Анна Юрьевна. Она расспрашивала спокойно, не обращая внимания на эмоции Агафьи Тихоновны. Расспрашивала так, словно вела допрос свидетеля или потерпевшего... а, возможно, и подозреваемого — она пока не определилась.

— Ну... это заклятие крови, призывное заклятие. Оно призывает тех, у кого есть древняя кровь. Тебя-то, — Агафья Тихоновна кивнула на Марту, — Серафимович без всякого заклятия нашёл. В тебе кровь сильна. А вот вас, — Агафья Тихоновна кивнула на Полину и Анну Юрьевну, — заклятие притянуло. А вот как он попал сюда, — Агафья Тихоновна посмотрела на Петра Ильича, как на некоторое недоразумение, — не знаю. Но в магическом мире ничего не происходит случайно. Поэтому поживём, увидим зачем он тут. Но четвёртый точно не он.

— Ящерица... Это огонь? — задумчиво спросила Марта.

— Да, подтвердила Агафья Тихоновна. Твоя сила, Марта, от земли. Сила Аннушки — от воды, а сила Полины, когда она проявится, должна быть от воздуха. А сила четвёртой — из огня.

— А четвёртая обязательно должна попасть с нами под одно заклятие? — спросила Анна Юрьевна.

— Да, — ответила Агафья Тихоновна и добавила: — Это несомненно!

В коридоре было пусто. То ли остальные студентки университета магии были на занятиях, то ли готовились к Бельтайну... Но до самой столовой им никто не встретился. В столовой Агафья Тихоновна, сказав:

— Пойдёмте сядем вот тут, — сразу направилась к трём сдвинутым столам.

Девушкам ничего не оставалось делать, они прошли вслед за преподавателем. Марта вспомнила как они тут ели с Анжеликой. Тогда Марта с Полиной с большим желанием посидели бы одни, обсудили бы свои сомнения и вопросы.

В этот раз было совсем иначе. В этот раз вопросов тоже было много, и Агафья Тихоновна, похоже была готова на них отвечать.

Сели за стол — Марта с Полиной напротив Агафьи Тихоновны, Анна Юрьевна рядом с ней, а Пётр Ильич подальше.

Пока усаживались, к ним подошла краснощёкая кухарка. Она невозмутимо остановилась

у столика и, глядя на Агафью Тихоновну, спросила:

— Кушать будете?

— Будем, Мавруша, принеси чего-нибудь.

Кухарка развернулась и пошла за стол-раздачу.

Марта проводила её взглядом и увидела большого рыжего кота. Он на миг показался из-за стола, на котором стоял стеклянный шкафчик с салатами, и исчез, словно его и не было. Марта даже подумала — не показалось ли ей.

Но долго думать о коте ей не дала Анна Юрьевна. Она спросила у Агафьи Тихоновны.

— А почему та женщина расплакалась?

Агафья Тихоновна с недоумением посмотрела на Анну Юрьевну, но потом поняла о какой женщине идёт речь и ответила:

— Это ректор нашего университета. Огненная ведьма Блейза. Плакала она потому что близится срок проклятия. Не удалось ей в своё время запечатать Сумрачного колдуна навечно. Получилось только на две тысячи лет. А теперь он, согласно проклятию, выйдет и обретёт полную силу. И она — Огненная ведьма Блейза — должна будет с ним сразиться. А он очень сильный колдун! В первый-то раз ей повезло, он не ждал нападения, да и помощники у неё были. А в этот раз он разъярён — он так долго ждал возможности отомстить! Но как в каждом проклятии, тут есть лазейка. Удержать его могут только те, в ком есть его кровь — хотя бы капля, хотя бы память о капле... Поэтому Серафимович и искал вас, поэтому и придумали призывное заклятие — заклятие роз. Собственно, и университет магии создали для того, чтобы в нужный момент отыскать вас и успеть подготовить для битвы. Вся надежда была на вас, что вы создадите защитный круг и сдержите Сумрачного колдуна. Но если вы не будете действовать, как единое целое, вы не выстоите против него. А если вы не выстоите, то никто не выстоит. И мир, который мы знаем, будет разрушен.

— Не поняла... — Полина перебила Агафью Тихоновну. — Ректору что, две тысячи лет?

— Больше... — усмехнулась Агафья Тихоновна. — Много больше!

— Так она что, не человек? — спросила Марта.

— Нет, — покачала головой Агафья Тихоновна.

— А кто ещё тут не человек? — удивлённо спросила Анна Юрьевна.

— Серафимович, — ответила Агафья Тихоновна, и Марта почему-то совсем не удивилась этому.

— А они кто? — Было непонятно верит Анна Юрьевна Агафье Тихоновне или нет.

— Они Древние, — спокойно ответила Агафья Тихоновна. — Они были здесь ещё до того, как появились люди.

— Боги, что ли? — в вопросе Анны Юрьевны прозвучал слабо прикрытый сарказм.

— Нет, богов люди себе придумали потом, — Агафья Тихоновна усмехнулась. — По образу и подобию своему... А это Древние, предтечи. Те, что были на Земле раньше людей...

— Как-то, — Марта с сомнением покачала головой. — Я не воцерковлённая, но всё-таки, по-моему, это слишком: не бог человека, а человек создал бога по образу и подобию своему... Тут не еретизмом пахнет, а настоящим кощунством!

Агафья Тихоновна пожала плечами и сказала раздумчиво:

— Боги... Пока люди были дикими, их боги походили на зверей. Потом люди стали

цивилизированными, и боги тоже стали цивилизованными. Теперь у людей есть интернет, и боги превратились в единый высший разум. Какие-то они пластичные, не находите?

Марта ничего не успела ответить. Подошла Мавруша с каталкой, на которой на разных полочках стояли шесть разносов с едой. Она принялась деловито расставлять тарелки и приборы перед сидящими за столом.

На завтрак была творожная запеканка, щедро политая густой сметаной, травяной чай и небольшие пирожные капкейки со взбитыми сливками. Выглядело всё аппетитно, а пахло ещё лучше. Философские разговоры стихли, пришло время работать вилками и ложками.

Когда с завтраком было покончено, за столом повисла тишина. Снова говорить о богах не хотелось, а вопросы, которые были раньше, придавило вкусной едой.

Марта начала уже подумывать о том, как бы уйти... В этот момент Полина, звякнув вилкой, которую она положила на тарелку, спросила:

— Агафья Тихоновна, а четвёртая девушка точно есть? Может, это ошибка какая-то?

Агафья Тихоновна кивнула и вздохнула:

— Точно есть. В мире магии случайностей и ошибок не бывает. Бывает, что мы неправильно трактуем то или иное событие, но в самом событии ошибки не бывает.

— Так может, мы неправильно трактуем и это событие? Может, Петя и есть четвёртый? — спросила Анна Юрьевна, и по её лицу было видно, что она сама не верит в свои слова.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Агафья Тихоновна обернулась к ней, внимательно посмотрела на неё и спросила:

— А сама ты, Аннушка, как чувствуешь?

— Чувствую, что это не он, — сдалась Анна Юрьевна.

— Вот то-то и оно! — Агафья Тихоновна вздохнула.

— И что теперь делать? — спросила Полина.

— Посмотрим, что решат ректор с деканом. Как по мне, то нужно готовить вас. Это лучше, чем ничего. Тем более, что встанете вы в круг или не встанете, но встретиться с Сумрачным колдуном вам всё равно придётся. Кстати, Аннушка, как твои раны? — Агафья Тихоновна заботливо склонила голову.

Анна Юрьевна погладила плечо и бок и ответила:

— Всё зажило, даже удивительно!

— Покажи плечо! — попросила Агафья Тихоновна.

Анна Юрьевна оттянула ворот платья. Он легко поддался под её рукой.

Марта с удивлением смотрела на то, как платье растягивается. Перед её взором встала картинка, когда Анна Юрьевна пыталась оторвать подол платья, чтобы защитить ноги Петра Ильича. Марта глянула на него. Он спокойно сидел, слушал разговор, но старался держаться в тени. Он словно бы плыл по течению в этом чуждом для него мире — не проявлялся, но и не прятался от него. Принимал таким, как есть.

«А ведь ему сложнее, чем нам!» — подумала Марта.

«Да уж» — мысленно ответила Полина.

«Но он держится молодцом!» — мысленно отозвалась Анна Юрьевна и ласково посмотрела на Петра Ильича.

Марта увидела, как Пётр Ильич с нежностью сжал руку Анны Юрьевны и снова утвердилась в мысли, что сделает всё, чтобы защитить и Петра Ильича, и Анну Юрьевну, и само собой, Полину.

«Мы вместе всё сделаем» — мысленно поддержала её Анна Юрьевна.

«Да» — согласилась с ней Полина.

«Интересно, на каком расстоянии мы можем слышать мысли друг друга» — деловито спросила Анна Юрьевна.

На лице Полины появилось озадаченное выражение.

— Что-то не так? — спросила Агафья Тихоновна.

Полина смутилась, и Марта поняла, что нужно срочно идти ей на помощь.

— Агафья Тихоновна, — громко сказала она, отвлекая внимание преподавателя от Полины. — Я думаю, вы правы и нам нужно подготовиться к встрече с Сумрачным колдуном. Я думаю, девушки меня поддержат.

Полина и Анна Юрьевна кивнули.

Полина, краснея, тихо сказала:

— Я тоже хотела это предложить, но не знала, как сформулировать...

Агафья Тихоновна внимательно поглядела на всех трёх и вдруг улыбнулась:

— Ну вот и замечательно! Тогда не будем терять время!

— А если ректор не согласится? — спросил Пётр Ильич и его голос прозвучал, как нечто чужеродное.

— Что? — Агафья Тихоновна в растерянности уставилась на Петра Ильича, словно это не он, а бессловесный стол заговорил.

Пётр Ильич спокойно выдержал её взгляд и пояснил:

— Вы сказали, что ректор ещё не решила, что делать с девушками. И я так понял, что она тут старшая, она решает. Вдруг ей не понравится и у неё другие планы?

— Какие планы? — всё ещё с недоумением спросила Агафья Тихоновна.

— Не знаю, думаю, нужно у неё спросить. Просто, через голову начальства... Хотя, я возможно, лезу не в своё дело...

— Вот именно! — резко ответила Агафья Тихоновна, словно бы всё встало на свои места. Но вдруг задумалась. — Хотя... Он прав и нужно ректора или хотя бы Серафимовича поставить в известность.

Агафья Тихоновна задумчиво постучала по столу.

Дверь в столовую открылась и вошла Анжелика. Она как ни в чём ни бывало поздоровалась с Агафьей Тихоновной и пошла к столу раздачи.

— Анжелика! — окликнула её Агафья Тихоновна.

Девушка повернулась к ней с невозмутимым видом.

— Ты почему не на занятиях?

Анжелика скорчила жалостливое лицо и сказала:

— Я вчера не успела поужинать, а сегодня — позавтракать и на занятиях по ритуальным песням мой живот так громко бурчал. Профессор Прохор Сиявуш отправил меня в столовую...

Агафья Тихоновна кивнула, мол, можешь идти.

Но едва Анжелика подошла к раздаче, Агафья Тихоновна снова окликнула девушку:

— Анжелика, кушай быстрее, ты нам нужна!

Староста кивнула и быстренько поставила на разнос тарелку с запеканкой, взяла кусочек хлеба и травяной чай. Села за ближайший столик...

Пока Анжелика кушала, все молчали. Агафья Тихоновна рассматривала свой балахон, в котором она по-прежнему была одета, находила на нем какие-то невидимые волосинки и

пылилки и стряхивала их. Полина, задумчиво подперев щеку кулаком, возила вилкой по тарелке — рисовала в остатках сметаны цветочки. Анна Юрьевна с Петром Ильичом нежно перебирали пальцы друг друга, переглядывались и улыбались, казалось, что для них никого больше не существует... А Марта поглядывая исподтишка на всех, и на Анжелику в том числе, думала о том, как вовремя староста появилась в столовой. Словно стояла за дверью и ждала, когда в ней начнут нуждаться.

А ещё она думала о том, что Анжелика всегда появляется вовремя. И вспомнила, что по этому поводу говорил мультяшный Винни Пух: «Это ж-ж-ж неспроста!»

Но что именно неспроста, она додумать не успела — дверь в столовую снова открылась и вошёл Бард. Он на миг замер в дверях, словно не ожидал увидеть тут кого-нибудь. Но потом уверенно прошагал к раздаче. Проходя мимо их столика, Бард приветственно кивнул, задержав взгляд на Полине — Полина вспыхнула, как маков цвет. Анжелику же он словно бы и не заметил. Зато она глянула ему в спину с такой брезгливостью, будто он сколопендра какая-то.

— Агафья Тихоновна, — спросила Анна Юрьевна. — Я здесь среди учащихся не заметила юношей, кроме вот этого молодого человека. Они где-то в другом месте учатся?

— Нет, мужчин тут нет. Древняя кровь только по женской линии передаётся, — ответила профессор травологии.

— Значит, древняя кровь есть у всех студенток этого университета? — продолжила расспрашивать Анна Юрьевна.

Агафья Тихоновна сморщилась, потом вздохнула и нехотя ответила:

— Как бы да... Но у остальных очень мало, не то, что у вас. А у некоторых это вообще следствие заклятия...

Марта отвлеклась от Барда и с удивлением посмотрела на Агафью Тихоновну.

— Ну, с Серафимовичем понятно. А что тогда здесь, в университете магии, делает он? — слова вырвались прежде, чем она смогла осознать их.

— Это личный помощник профессора Февроньи Статс, — холодно ответила Агафья Тихоновна. — Он помогает ей в её исследованиях.

Марта уже готова была спросить о том, в каких таких исследованиях он ей помогает, но, глянув на Полину, прикусила язычок.

— А в нём есть древняя кровь? — спросила Анна Юрьевна.

— Нет, конечно! — усмехнулась Агафья Тихоновна, и по интонации, с какой это было сказано, Марта поняла, что Агафья Тихоновна не одобряет присутствие в университете магии личного помощника, но по какой-то причине вынуждена мириться с ним.

Между тем Бард взял себе еды и, повернувшись ко всем спиной, сел в стороне, как бы выражая своё отношение к тому, что думает Агафья Тихоновна о его присутствии в этих стенах.

— Я поела, — раздался внезапно голос Анжелики.

Марта вздрогнула. Пока она наблюдала за Бардом, не увидела, как Анжелика доела, унесла грязную посуду и подошла к их столику.

— Вот и хорошо, обрадовалась Агафья Тихоновна. Найди, пожалуйста, Серафимовича, скажи ему, что мы ждём его в столовой.

— Хорошо, — ответила Анжелика и, взметнув юбкой, поспешила к выходу.

— Что ещё вам рассказать, пока Серафимович не придёт? — спросила Агафья Тихоновна, улыбаясь.

Марта ничего не успела ответить, её перебила Полина.

— А дорасскажите легенду про друзей... Ну, которую вы вчера вечером не успели дорассказать, — попросила она.

— Хорошо, — улыбнулась Агафья Тихоновна. — Слушайте...

***

...Долго Рок и Флинт ворочались, никак уснуть не могли. И то ведь, вляпались по самое не балуй! И верили друзья горбунье, и не верили, да ведь альтернативы-то не было. Вот и решили послушать её.

В конце концов свежий воздух и молодость сделали своё дело, и друзья уснули. А как солнце только выглянуло из-за леса, так и разбудил их хозяин.

— Вот вам, — говорит, — первое испытание! Гусей-лебедей к пруду гоните.

Обрадовались друзья. Не испытание это, а так, баловство. Ребёнок справится, а тут двум парням-богатырям такое задание дали. Пошли к сарайке, где гуси-лебеди ночевали, а там горбунья уже крутится, вроде как по хозяйству управляется.

— Рано радуетесь, — говорит. — Гуси-то непростые. То души умерших на войне. Не осознали они ещё, что умерли, воюют всё. Как откроете калитку, так заклюют вас насмерть.

— И что нам делать? — спрашивает Рок, а Флинт молчит и слушает.

— А вы походный марш им сыграйте, да «Ать-два, левой!» скомандуйте... — сказала горбунья и юркнула на летнюю кухню завтрак готовить.

Постояли друзья в раздумьях, да делать нечего — нужно задание выполнять. Да вот только на чём походный марш играть? И не умеют они... да и помнили, как вчера вечером горбунья гусей-лебедей гнала — без всякого марша и строевых команд. Погоняла прутиком, как всегда в деревне делают.

Переглянулись Рок и Флинт да и открыли сарайку.

Гуси-лебеди как свет увидели, крыльями забили, шеи вытягивали, зашипели. Друзья перед их напором и отступили. А гуси-лебеди волной идут и окружают...

Как только друзья ступили на луговую траву, оглушили их взрывы, срежет металла, стоны раненых... Засвистели выстрелы — только голову пригибай! Газы ядовитые горло дерут, слёзы из глаз катятся, земля-матушка, как одна кровавая рана, к себе тянет — то ли укрыть, то ли успокоить навечно. По небу ревущие птицы летят, железные яйца теряют, те, долетев до земли, взрываются... По лугу железные твари ползут, рычат, огнём плюются. От плевков тоже всё взрывается. Кругом гарь и смрад. А гуси-лебеди... То не гуси уже, а солдаты бегут в атаку... на Рока и Флинта! Окружают их, штыками да мечами колют, из ружей стреляют... Ещё чуть-чуть, и сгинут друзья на чужой войне.

И вот когда, казалось бы, надежды на спасение не осталось, Флинт вдруг запел — хрипло, с болью:

*Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
И сердце девичье забьётся
С восторгом чувств — не для меня...*

Рок сначала растерялся — сложно было в хриплом стоне узнать песню, но такая в ней звучала безысходность, что он забыл про гусей-лебедей и покатила над поляной песня уже

В два хрипа — два голоса:

*Не для меня цветут сады,
В долине роца расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня...*

Чем дальше текла песня, тем больше она врачевала раны — и у друзей, а их уже успели ранить, и у солдат, и у самой земли-магушки... Солдаты, которые только что бежали в атаку, остановились, заслушавшись...

*...А для меня кусок свинца —
Он в тело белое вопьётся,
И слезы горькие польются.
Такая жизнь, брат, ждёт меня.*

Песня стихла. Больше не летали страшные птицы, не теряли взрывающихся яиц... Больше не рычали железные твари, не плевались горючей слюной... не пылала земля, не полз по ней ядовитый туман...

По грязным щекам солдат текли слёзы очищения и облегчения. И благодарности... Прошла жизнь, закончилась. Не все они сами свою судьбу выбрали — кого-то забрили в солдаты, а кого-то враги у порога дома заставили взять оружие и защищать родных и любимых... Но долг свой воинский все они отдали сполна. Самой звонкой монетой рассчитались — жизнью своей! И смысла цепляться за это подобие жизни больше не было. Солдаты поняли, что они свободны.

Снова светило солнце, зеленела трава на лугу. В озере блестела вода, за озером чернел лес... Гуси-лебеди, расправив крылья, дружной стаей поднялись в небо и, издав прощальный крик, улетели.

Рок и Флинт стояли растерянные и смотрели им вслед. А хозяин в бешенстве сжимал и разжимал кулаки — мало того, что друзья живы остались, так и гусей теперь в хозяйстве нет.

Но тут горбунья принесла под навес кипящий самовар и позвала всех к завтраку.

Ели молча. Рок и Флинт всё ещё ошеломлённые нагрянувшей войной и согретье освобождёнными душами солдат не смотрели по сторонам, и не видели, как игриво посматривает на них хозяйская дочка, как злится её отец. Не замечали и горбунью, которая хлопотала за столом, подносила и уносила кушанья, мелькала тут и там, пытаясь незаметно привлечь их внимание.

Но вот завтрак закончился, и хозяин хлопнул ладонью по столу.

— Так! Сейчас возьмите упряжь и запрягите быков. Поле, что у подножья горы, вспашите, забороните и засейте. Дочка даст вам семян.

Сказал и поднялся, показывая, что завтрак закончился. Развернулся и молча пошёл в дом.

Друзья проводили его взглядом. Как только дверь за ним закрылась, хозяйская дочка, откровенно любуясь друзьями, промурлыкала:

— Ой, хороши! Лишили папеньку гусей-лебедей! Ну-ну, посмотрим, что дальше будет...

...— Сказки слушаете? — раздался внезапно голос Серафимовича.

Марта вздрогнула. Заслушавшись, она не заметила, как он подошёл, и, похоже, уже некоторое время стоял рядом, слушая. Глянув быстро на Анну Юрьевну и Полину, по их недоумённым лицам, поняла, что для них тоже появление Серафимовича — неожиданность. Хоть все они именно его и ждали...

Агафья Тихоновна же, казалось, нисколько не удивилась. Она деловито встала и сказала:

— Мы тут решили, что девушкам всё-таки нужно подготовиться к встрече с Сумрачным колдуном. Девушки поддержали меня...

— О! Это просто отлично! Я в вас не сомневался, дорогая Агафья Тихоновна! В ваших способностях к убеждению... — воскликнул Серафимович и довольно подкрутил свои усы «хэндлбары». — Тогда не будем терять время, пойдёмте со мной.

— Девушки сами, я тут ни причём... — пробормотала смущённая преподаватель травоведения.

— А как же ректор? — спросил Пётр Ильич.

— А что ректор? — удивился Серафимович.

— Она согласна с тем, что эта подготовка нужна?

— Что за глупости?! Разумеется, согласна! — отмахнулся Серафимович. — Давайте не будем терять время!

Не дожидаясь, пока все поднимутся, он развернулся и пошёл к двери.

Оглянувшись, Марта увидела, что Барда уже нет в столовой. Когда он ушёл, она не заметила.

Выходя из столовой, она ещё раз оглянулась. Перед глазами внезапно встали картины из гадания в хрустальном шаре в кабинете прорицания у Лилит Златановны и ночного видения, показанного Шушей. Оба видения были похожи. В обоих столы были сдвинуты, в обоих её убивал мужчина. В первом — неизвестно кто, а во втором — Серафимович. В первом, они были вдвоём с Полиной, а во втором — втроём — ещё и с Анной Юрьевной.

Закрыв дверь столовой, Марта поспешила за остальными. Она чувствовала, что что-то тут не так, но что, сказать не могла. Просто в ощущениях был какой-то дискомфорт. Хотя, дискомфорт она испытывала всё время, пока находилась в университете магии, но теперь что-то кардинально не срасталось. И это были не разночтения в видениях. А что-то другое.

Марта спешила по всё ещё пустому коридору и уговаривала себя, что подготовка к встрече с Сумрачным колдуном не будет лишней. Любые знания не бывают лишними, нужно только знать, как эти знания применять. А магические боевые навыки... Марта усмехнулась — когда-то она пыталась ходить в спортивный клуб на секцию Айкидо. За год занятий она усвоила одну истину, не нужно мешать нападающему. Нужно просто уйти с его дороги и помочь ему упасть.

Вскоре Марта мечтала только об одном — чтобы скорее уже пришёл Сумрачный колдун, и всё так или иначе разрешилось бы. Она невероятно устала.

Девушки снова и снова повторяли слова заклинаний. Когда уставали, варили зелья, усиливающие эти заклинания. Завешивая ингредиенты, сочиняли заговоры, чтобы усилить действие зелий, а, разливая зелья по бутылочкам, пели обрядовые песни, которые сегодня ночью им понадобятся. Потом изучали ритуальные танцы, которые сегодня ночью будут танцевать и, когда ноги переставали держать, снова зубрили слова заклинаний.

Пётр Ильич всё время сидел на стуле и маялся от безделья. Иногда он вставал, приседал, наклонялся... Но, поймав взгляд Серафимовича, снова садился на стул и наблюдал. От нечего делать он начал потихоньку повторять слова песен и заклинаний, сочинял стишки-заговоры. Естественно, это всё не имело никакой магической силы, но помогало ему скрасить ожидание.

Анна Юрьевна время от времени поглаживала на него как бы извиняясь — взрослому деятельному мужчине сидеть на стуле было непросто, руки и голова хотели работы, а тело — движения. Анна Юрьевна чувствовала вину, что он из-за неё сидит тут, но Пётр Ильич подбадривающе смотрел на неё и откровенно любовался ей, даже когда у неё что-то не получалось.

Полине легко давались заговоры. Слова приходили сами, словно из воздуха. Заговоры получались ёмкими, точными. В конце концов Агафья Тихоновна сказала Серафимовичу:

— Может, в этом и заключается её сила?

Серафимович пожал плечами и согласился:

— Видимо, да.

«Не знаю, какая у меня сила, — подумала Полина, — но сил у меня больше нет!»

«Я тоже уже падаю от усталости» — поддержала её Анна Юрьевна.

«Может, попросим перерыв?» — мысленно спросила Полина.

Марта глянула на Серафимовича и Агафью Тихоновну, на фанатичный блеск их глаз и ответила:

«Не думаю, что они нас просто так отпустят на перерыв...»

«Я попробую...» — подумала Анна Юрьевна и внезапно застонала, словно стон сам вырвался из её груди.

— Что случилось, Аннушка? — спросила Агафья Тихоновна.

— Что-то бок разболелся, — прошептала Анна Юрьевна и взялась за то место, где на боку у неё после встречи с волком-оборотнем остался рубец.

И успокоила встрепенувшихся Марту и Полину: «Всё в порядке! Зажило, как на собаке»

— Девушкам нужно отдохнуть! — сказала Агафья Тихоновна, обращаясь к декану.

Недовольный Серафимович вынужден был согласиться и отпустить студенток на обед.

Когда они вместе с Петром Ильичом вышли в коридор, то увидели, что солнце не просто склонилось к закату, а вот-вот уйдёт за горизонт.

— Вот и день подошёл к концу, — задумчиво сказала Анна Юрьевна. — Что-то ждёт нас уже совсем скоро...

Марта с Полиной только вздохнули.

Коридор изогнулся, и Марта, прежде чем повернуть за угол, замешкалась. И увидела,

что из неприметного бокового коридорчика стремительно выскочила Огненная ведьма Блейза и так же стремительно вбежала в кабинет, где они только что занимались.

Марта сама не могла понять почему, но ей до ужаса захотелось услышать, о чём говорят преподаватели... Она сказала Полине и Анне Юрьевне что догонит их и потихоньку вернулась к двери. Как раз к тому моменту, когда Огненная ведьма Блейза кричала на Серафимовича и Агафью Тихоновну:

— Зачем вы их отпустили?! Нужно было заставить их ещё больше тренироваться!

— Но ведь мы же не хотим, чтобы девушки в кругу попадали от усталости? — ответила Агафья Тихоновна.

— Но если они не будут тренироваться, они, а следом и мы погибнем сразу же!

— Но если они не отдохнут, то тоже погибнут! — парировал Серафимович. — Причём, ещё до того, как смогут притормозить твоего папашу! Девушки должны отдохнуть, чтобы их хватило хотя бы на десять минут. А там и мы уже будем готовы.

Марта поспешила уйти от двери. Она боялась, что вот сейчас дверь распахнётся, и Огненная ведьма Блейза увидит, что Марта подслушивала, и убьёт её на месте.

Лишь когда завернула за угол, Марта смогла перевести дыхание.

Полина и Анна Юрьевна с Петром Ильичом ушли не очень далеко. Они остановились и ждали Марту. И когда та подбежала к ним — раскрасневшаяся и с тревогой в глазах, Полина спросила:

— Что случилось?

— Мы всего лишь заслон! — выдохнула Марта.

— Как так? — спросила Полина.

Но Марта не успела ответить. Она увидела, что по коридору в их сторону направляется Ольга-Варга. За время дополнительных занятий Марта вообще забыла про неё.

«А ведь в совете ещё и Февронья Статс... Интересно, а почему они не занимаются нашей подготовкой?» — подумала она, следя за приближающейся ведьмой и пряча от неё свою тревогу.

Ольга-Варга спешила и не спускала с них глаз.

Анна Юрьевна и Полина развернулись и тоже посмотрели на неё.

Ольга Варга остановилась перед ними и произнесла, словно они расстались минуту назад:

— Пойдёмте, я провожу вас в столовую.

— Спасибо, — ответила Полина. — Но мы уже тут ориентируемся... Столовая там... —

Полина махнула рукой.

Ольга Варга улыбнулась и настойчиво повторила:

— Я провожу вас. А заодно дам несколько наставлений. Они будут касаться того, как вам выжить сегодняшней ночью.

Марта с Полиной и Анной Юрьевной переглянулись, а Пётр Ильич крепче сжал руку Анны Юрьевны.

— Нам никто не говорил, что это будет так опасно, — прошептала растеряно Полина.

— Но вы же догадываетесь об этом? — усмехнулась Ольга-Варга.

— Д-да... — ответила за всех Марта. — Ну, нам говорили, что будет трудно и мы можем не удержать Сумрачного колдуна...

— Вы его и не удержите, — отмахнулась Ольга-Варга.

— А тогда зачем всё это? — спросил Пётр Ильич и показал на девушек.

Ольга-Варга задумчиво посмотрела на него и не спеша ответила:

— Просто у них нет выбора. Они столкнутся с Сумрачным колдуном в любом случае, хоть в реальном мире, хоть тут, в университете магии. И лучше к этой встрече быть готовыми, согласитесь! А у вас есть выбор.

— Какой у меня выбор? — спросил Пётр Ильич.

— Например, вы можете вернуться домой в свой мир. Вас приход Сумрачного колдуна не касается.

— Один? — насмешливо спросил Пётр Ильич.

Ольга-Варга пристально глядя ему в глаза кивнула.

— Исключено! — ответ Петра Ильича был категоричным.

Ольга-Варга снова кивнула и... тепло улыбнулась.

— Я так и думала, — сказала она. И добавила, обратившись к девушкам: — Ну что, хотите послушать мои рекомендации? Или пойдёте ужинать сами?

— Послушаем, — ответила за всех Анна Юрьевна и добавила: — Так ведь, девушки?

Марта с Полиной согласились.

В столовой Ольга-Варга сразу направилась к столику, который стоял в стороне от всех. Дождавшись, когда все усядутся, она взмахнула рукой и что-то прошептала. Столик окружил полупрозрачный купол.

— Покушаете потом, — сказала Ольга-Варга. — У меня мало времени. Нас сейчас никто не видит и не слышит. Услышать смогут разве что ректор или Серафимович, но им сейчас не до вас. Итак, первое, — Ольга-Варга испытующе посмотрела на каждого, в том числе и на Петра Ильича. — Совет первый: что бы ни происходило, держитесь друг друга! Все! Включая вас, — сказала она обращаясь к Петру Ильичу.

— Мне кажется, ректор и ваш декан не берут меня в расчёт. У меня нет никаких магических способностей, — прокомментировал Пётр Ильич.

— Они ошибаются! У вас есть сила! Но они никогда не признают её! — резко ответила Ольга-Варга и, выдержав паузу, продолжила: — Повторяю, что бы ни происходило, держитесь друг друга! Далее...

— Какая же у меня сила? — спросил Пётр Ильич. — Извините, что настаиваю, но вы тут первая, кто меня видит. Остальные предпочитают не замечать...

— Кто бы сомневался! — Ольга-Варга усмехнулась и кивнула на Анну Юрьевну: — Вы любите её... А она любит вас! Это огромная сила! Но те, кто не способны любить сами, не способны и понять силу настоящей любви.

— И у меня сила ещё не проявилась, — вздохнула Полина.

— Вы в этом уверены? — усмехнулась Ольга-Варга и раздражённо добавила: — Не перебивайте меня! — потом выдохнула и объяснила: — Какой бы ни была ваша личная сила, есть ещё сила вашей дружбы, — Ольга-Варга показала на Полину и Марту. — Эту силу Серафимович и Огненная ведьма Блейза тоже в расчёт не берут, и это ваше преимущество. Поэтому совет второй: доверяйте друг другу! Только друг другу, и больше никому! Что бы ни происходило, вы должны верить друг другу. Все четверо. Точнее, пятеро, если она объявится.

— А ещё одна девушка точно есть? — спросила Марта.

— Несомненно! — ответила Варга. — Поэтому совет третий: если она появится, примите её в круг. Просто примите её в круг. Как бы оно вам ни казалось. Откройтесь ей, она на вашей стороне!

— А вы на какой стороне? — спросила Марта.

— Я на своей, — усмехнулась Ольга-Варга. — Я просто хочу жить.

— Что произошло, когда вы попали в университет магии? — спросила Марта.

Ольга-Варга оглянулась на входную дверь и вздохнула.

— Я попала сюда двенадцать лет назад. В тот год Сумрачный колдун тоже пытался пройти в этот мир, но тогда его время ещё не пришло. Он не смог преодолеть границу миров, но его помощник переместился из нижнего мира в наш, его удержать я не смогла. Так что сейчас у вас будет опасность и внутри круга, и снаружи. Внешний круг студенток университета защитит вас от помощника... Возможно, защитит. Но с Сумрачным колдуном вы встретитесь сами. И я вам не завидую. Поэтому ещё один совет — самый важный! Запомните, зарубите себе на носу! Вы должны...

Договорить Ольга-Варга не успела. Входная дверь открылась и в столовую вошли Серафимович, Огненная ведьма Блейза и Агафья Тихоновна.

Едва дверь открылась, Ольга-Варга махнула рукой, стирая защитный купол.

Огненная ведьма Блейза сразу направилась к столу девушек. Она была раздражена, но старалась мило улыбаться. Вы ещё не поужинали? — спросила она, поедая глазами Ольгу-Варгу.

— Это я виновата, объясняла девушкам, почему Сумрачный колдун не должен пройти в наш мир ни в коем случае. — Ольга-Варга выдержала взгляд ректора.

— И почему? — спросила Огненная ведьма Блейза у Полины.

— Потому что начнётся война, — заученно ответила Полина и увидела одобрение в глазах и Огненной ведьмы Блейза, и Ольги-Варги.

— Сейчас покушаете, — вмешалась в разговор Агафья Тихоновна, — и идите в свою комнату, переоденьтесь в платья для Бельтайна, они уже там. А потом приходите в мой кабинет. — и обращаясь к Ольге-Варге добавила: — Пойдём, нам тоже нужно переодеться и подготовиться.

Ольга-Варга сделала лёгкий поклон в сторону Агафьи Тихоновны и ректора с деканом, потом развернулась и, не обращая внимания на девушек, пошла на выход.

— Не задерживайтесь! — сказала девушкам Огненная ведьма Блейза и вышла следом за Ольгой-Варгой.

Серафимович и Агафья Тихоновна тоже направились к двери.

Едва дверь за ними закрылась, девушки свободно выдохнули и переглянулись.

— Что она имела ввиду? Я про последний совет... — спросила Полина у Анны Юрьевны.

— Не знаю, — пожалала плечами Анна Юрьевна.

— Что будем делать? — спросила Марта.

— Для начала поужинаем! — ответил Пётр Ильич. — Голодный желудок плохой советчик...

И тут Марта почувствовала, как кто-то коснулся её ног. Она опустила взгляд и увидела рыжего кота. Оказывается, он всё это время сидел под столом. Марта нагнулась и потрепала кота за ушами. Он выгнулся и затарахтел.

— Кот? В столовой? — удивилась Анна Юрьевна.

Но едва она протянула руку погладить рыжего мурлыку, как его шерсть встала дыбом. Кот выгнул спину и зашипел.

— Что это с ним? — растерялась Полина, а Марта нахмурилась.

— Как ваши раны? — спросила она у Анны Юрьевны.

— Зажили совершенно, — задумчиво ответила Анна Юрьевна.

— Вам не кажется это странным? — спросила Марта. — Я видела их вчера... там не просто царапины были...

— Так ведь волшебство же применяли, и Ольга-Варга, и Агафья Тихоновна, — пожала плечами Полина.

— Ага, — сказала Марта. — А ещё её поранил оборотень...

— Это был не оборотень, — сказала Анна Юрьевна. — Точнее, оборотень был, но не он поранил меня...

— Как это? — удивилась Марта.

— Подождите, — вмешался Пётр Ильич. — Давайте возьмём еды. Нам всем надо подкрепиться. А то сейчас придут и уведут вас бороться с этим самым колдуном, а вы голодные...

Девушки вслед за Петром Ильичом пошли к раздаче. Кот так и крутился под ногами у Марты. Ей пришлось ступать внимательно, чтобы не запнуться о рыжего красавца или не отдавить ему лапу.

Когда уже взяли разносы, краснощёкая кухарка Мавруша, увидев кота, строго прикрикнула:

— Мартин, рыжая bestия! Опять суёшься не в своё дело?! А ну марш отсюда, пока не превратила тебя в крысу!

Кот мявкнув недовольно, задрал хвост и голову и гордо пошёл за стойку, по пути, однако, предварительно обняв всем телом ноги Марты.

— Понравилась вы моему котейке, — извиняясь сказала Мавруша.

— Хороший котик, — вежливо улыбнулась Марта. — Вы нас покормите? Мы страшно голодные!

— Конечно! — расцвела Мавруша. — что будете кушать?

Когда Марта, Полина, Анна Юрьевна и Пётр Ильич отнесли за стол полные разносы еды, Марта вздохнула и посмотрела на Анну Юрьевну.

— Что там произошло?

Анна Юрьевна, взявшая уже ложку, задумчиво покрутила её в руках, а потом положила на край тарелки.

— Да, Ольга-Варга права, мы должны доверять друг другу, — сказала она и продолжила: — Когда я пошла прогуляться, то услышала сильный шум и треск. Я испугалась и инстинктивно снова окружила себя барьером, как тогда, с машиной... Я сначала думала, что это пришёл Серафимович с розой. Я тогда ещё не знала, что его зовут Серафимович, просто видела его в моих видениях... Да, Петя, у меня были видения. Извини, что не рассказывала тебе... Я боялась, что схожу с ума.

— Я понимаю, — Пётр Ильич одобрительно улыбнулся Анне Юрьевне.

— Так вот, — продолжила Анна Юрьевна. — Я думала это он. Но на поляну вышел огромный белый волк. Почти белый... Он подошёл к барьеру и спокойно сел. Я растерялась: позади меня озеро, впереди волк. И Петенька там один, без защиты... А что если он на шум прибежит? Только я так подумала, как смотрю: и точно, Петенька выбегает на поляну. Увидел волка, остановился. А волк так равнодушно посмотрел на него и снова ко мне повернулся, будто сказать что-то хочет. Посидел, посидел, а потом и вовсе лёг, словно показывал, что он не опасен для нас. Петенька потихоньку начал волка обходить, чтобы ко мне поближе... А волк будто нарочно вообще отвернулся. Петенька уже недалеко был, я

барьер-то и убрала. И тут озеро закипело и появилась Ольга-Варга. Волк сразу вскочил, очерился, зарычал... Но не на меня, а на неё! А она давай огненными шарами в него кидаться, да только волку от них ни холодно, ни жарко.

Анна Юрьевна помолчала, заново переживая ту ситуацию. Пётр Ильич погладил её по руке, но ничего не сказал, и Анна Юрьевна продолжила:

— Ольга-Варга выскочила на берег и кинулась к волку, а он будто бы защищает нас, старается быть между нами и Ольгой-Варгой. Я-то растерялась совсем, стою, как дура. Не тут Петенька подбежал, схватил меня за руку и потащил в сторону, подальше от Ольги-Варги и волка. Едва мы отошли чуть в сторону, как волк кинулся на Ольгу-Варгу, а она отшвырнула его, словно пушинку, а потом ко нам... А волк на неё... Это было страшно... И тут рядом с нами сгустился мрак, и оттуда высунулись страшные руки с когтями и схватили меня. Это было больно, как будто ледяной ужас обжёг... И тогда волк кинулся на этот мрак, а Ольга-Варга — ко мне. Схватила и потащила к воде. А Петенька под другую руку подхватил и...

— Хм... — задумчиво произнёс Пётр Ильич. — А я всё видел немного иначе.

— Как? — хором спросили Анна Юрьевна и Марта с Полиной.

— Я мрака не видел. Я видел, что тебя схватил волк, только он стоял на задних лапах, как человек... Ольга-Варга пыталась его отогнать от нас, а он обманул её, показал, что отпрыгнет в одну сторону, а сам прыгнул к Аннушке и схватил её, я только и смог, что вцепиться и держать. Хорошо, что Ольга-Варга подросла и бросила огненный шар прямо ему в морду... Он исчез сразу же. А потом мы с ней унесли Аннушку к воде и переместились сюда.

— Да не исчез волк, он прыгнул во мрак на того, кто схватил меня! — воскликнула Анна Юрьевна.

Пётр Ильич виновато улыбнулся и развёл руками:

— Говорю, как видел.

— Интересно, — задумчиво произнесла Марта. — А что видела Ольга-Варга? — И добавила: — Однако, действительно нужно поесть...

Вскоре тарелки опустели, тревога отошла, и все четверо поднялись. Когда понесли сдавать посуду, из кухни снова вышел кот. Громко мурлыкая, он снова начал ластиться к Марте. Она присела и принялась чесать ему за ушком. Кот выгибал спину и с громким урчанием подставлялся под ласку.

— Вот ведь рыжая бестия! — всплеснула руками кухарка Мавруша. — Мартин! И чего тебе неймётся? Не иначе Бельтайн чувствуешь...

— Кот? Бельтайн? — спросила Полина.

— Конечно! Он же живой! К тому же коты очень тонко чувствуют гостей из потустороннего мира.

Казалось Мавруше давно хотелось поговорить о ведьминском, о насущном. С преподавателями она заговорить не решалась, а студентки спешат всё время. А тут такой случай...

— Кот у вас красивый! — похвалила Марта рыжего Мартина. — И умный...

— Да, очень умный! — загордилась Мавруша.

Зелёные платья были разложены по кроватям. Для Петра Ильича по-прежнему не было ни обуви, ни одежды.

Едва вошли в комнату, Пётр Ильич сел в кресло и, поморщившись, снял обмотки. Его ступни были обожжёнными и воспалёнными.

— Ох! — выдохнула Анна Юрьевна и метнулась в ванную комнату, но ни тазика, ни чашки там не нашла. Не во что было набрать воды, чтобы обмыть ноги Петру Ильичу.

Тогда Анна Юрьевна потащила Петра Ильича в душ.

— Нужно раны обмыть! — категорически заявила она, и Пётр Ильич подчинился.

Пока Пётр Ильич принимал душ и Анна Юрьевна суетилась вокруг него, Полина взяла платье и принялась критически рассматривать его. Она приложила платье к себе и попыталась предугадать, пойдёт ли оно ей? Как она будет выглядеть на празднике лета?..

— Как хорошо зелёное к твоим волосам и глазам! Здорово, что твоя красота не исчезла, когда исчез мой горб... — восхитилась Марта и Полина облегчённо разулыбалась.

Успокоив Полину, Марта подошла к окну. Солнце уже едва виднелось за горой — самый краешек, бусинка кровавого цвета. Но и та сжималась. Ещё чуть-чуть, и солнце погаснет, оставив мир под покрывалом неизвестности. Время безвозвратно убегало вслед за солнцем. Вроде потихоньку, незаметно, но убегало. И час икс приближался.

И Марте вдруг нестерпимо захотелось это время потянуть: полежать на кровати, подумать, послушать музыку или посмотреть кино... Или поболтать с подругой ни о чём — просто за жизнь.

Марта повернулась к Полине и увидела, что та сидит задумчиво на кровати, а её платье лежит в стороне.

— Что случилось? — спросила Марта.

— Не знаю. Как-то грустно стало. Будто что-то безвозвратно уходит.

— Оно всегда уходит — время. Только мы обычно не обращаем на это внимания, не замечаем, — ответила Марта. — А сегодня особенные обстоятельства, вот и заметно.

— У меня такое ощущение, что это не время уходит, а жизнь. И что больше как прежде никогда не будет, — Полина грустно вздохнула.

— А зачем тебе как прежде? — спросила Марта и улыбнулась. — Как прежде, ты уже знаешь...

Полина на улыбку не ответила. Она легла на кровать и подтянула колени к груди.

— Ну что ты, дорогая? — заботливо спросила Марта и подошла к подруге.

— Я боюсь, — ответила Полина.

— Я тоже боюсь, — вздохнула Марта и села на кровать рядом с Полиной. — Иди ко мне, будем бояться вместе...

Полина развернулась и легла головой Марте на колени. Марта принялась гладить подругу по волосам и, покачиваясь, тихо напевать:

Над рекой калина спелая,

Наливалась соком.

Обожгла я руки белые

Молодой осокой...

В молодой осоке прячутся

И дожди и солнце.

Ой, кому-то нынче плачется,

А кому смеётся... *

* (Прим.: стихи С. Хохлова и Б. Петрова и музыка В. Ушакова)

Голос Марты был мягким, грустным. Песня лилась словно бы из души в душу, врачевала и поднимала над суетным миром, над болью, страхом, тоской, пока не стихла, оставив после себя шлейф умиротворения.

Полина шмыгнула носом и, повернув голову, заглянула Марте в глаза.

— Откуда ты знаешь такие песни?

— Мама мне её пела. Сначала вместо колыбельной, а потом я выросла, и мама пела её уже когда хотела успокоить меня, ну когда у меня неприятности случались... А потом мы иногда пели вместе на два голоса. Эту и другие песни... Мы вообще с мамой и папой много пели. Просто так. Играли в песни. — Марта улыбнулась воспоминаниям.

— Это как? — спросила Полина.

— Один начинает песню и останавливается в любом месте. Следующий должен вспомнить другую песню, в которой есть слово, на котором остановился первый, и запеть её. И тоже остановиться в любом месте... Повторяться нельзя. Победит тот, кто больше песен вспомнит.

— Интересная игра, — задумчиво сказала Полина. — А мы не играли ни в какие игры. Мама то на работе, то уставшая. Папа тоже вечно занят. А к бабушке Наде я редко ездила. Это которая папина мама. У неё интересно было. Мы с ней траву в огороде пололи и ягоду собирали. Она дымовушки делала, но комары и мошка всё равно кусались. Мама потом ругалась на бабушку, говорила, что у меня аллергия на комаров. А мне в огороде с бабушкой очень нравилось. Бабушка учила отличать сорняки от морковки. И червяки там ползали. А ещё она учила меня пирожки печь из щавеля. Они такие вкусные получались, кисло-сладкие.

— А мамина мама? — спросила Марта.

— Мамина? — Полина вздохнула. — Она рядом жила, меня часто оставляли с ней. Она давала мне задание — книжку прочитать или решить задачи по математике, или упражнение по русскому сделать, а сама проверяла тетради и готовилась к урокам — она учительница. А потом ругалась на меня, что я тупая и не понимаю элементарных вещей. А я действительно не понимала...

Анна Юрьевна с Петром Ильичом вышли из душа, Пётр Ильич опустился в кресло, а Анна Юрьевна села перед ним на колени и принялась осматривать его ступни, аккуратно вытирая, смахивая соринки полотенцем.

— Эх, — посетовала Анна Юрьевна, — сюда бы сейчас мою аптечку! Ноги обработать надо и тебе нужно полежать, чтобы подзажило.

— Это исключено! — Пётр Ильич был категоричен. — Я пойду с вами, и это не обсуждается!

Марта оставила Полину и подошла посмотреть ноги Петра Ильича. Взглянув покачала

головой.

— Неужели они не могут найти подходящую обувь?! — возмутилась Полина, которая тоже подошла к Петру Ильичу с Анной Юрьевной.

Анна Юрьевна вздохнула и подняла обмотки. Они не сильно истёрлись, но запачкались и для защиты воспалённых ног не годились.

— Состирнуть? — задумчиво сказала Анна Юрьевна. — Так высохнуть не успеют...

— Я думаю, они в любом случае для сегодняшней ночи не годятся, — сказала Марта.

— Почему? — удивилась Полина. — Нет, я понимаю, что грязные, но...

— Не поэтому, — Марта покачала головой. — Думаю, зелёные платья не только потому, что праздник.

— А почему же ещё? — Полина удивилась. — Не в чёрных же на праздник идти!

Анна Юрьевна посмотрела на девушек и сказала:

— Думаю, Марта права. Платья защищают... А мы вот что сделаем!

И, взяв ножницы, Анна Юрьевна отрезала от своего праздничного платья небольшие полоски — не по кругу, а только с боков, так, чтобы из этих полосок можно было сделать стельки и уложила их на лоскуты от чёрного платья.

— Вот так, думаю, получше будет! А? Как я придумала?! — с гордостью спросила она.

— Ты у меня умница! — похвалил Пётр Ильич, и Марта с Полиной согласились с ним.

Но радовались недолго. Дверь распахнулась и в комнату стремительно вошёл Серафимович.

— Солнце село! Вы почему ещё здесь?! — с порога начал он. — Да ещё и не одетые!

— Мы вот... — растерянно сказала Анна Юрьевна, показывая обмотку со стелькой.

Серафимович глянул на стельку и, демонстративно застонав, воздел руки к потолку. А потом, раздраженный, повернулся к Марте с Полиной.

— Быстрее давайте! Я жду! — сказал он и скрестил руки на груди.

Марта с Полиной переглянулись и уставились на Серафимовича.

— Ну что стоите? Переодевайтесь!

Стало понятно, что он не собирается уходить.

Первой это поняла Анна Юрьевна. Она взяла обмотку и стала оборачивать ей ногу Петру Ильичу.

Серафимович свирепо глянул на неё, но во всей позе Анны Юрьевны была такая решимость и непокорность, что Серафимович переключился на девушек:

— Вам что, два раза повторять?

Марта молча прихватила платья — своё и Полины, потом взяла за руку растерявшуюся Полину и потянула её в ванную.

— Вы куда?! — спросил Серафимович.

— Переодеваться, — с вызовом ответила Марта. — Не можем же мы тут, при всех...

Серафимович проводил девушек взглядом и снова переключился на Анну Юрьевну.

— Давайте уже заканчивайте с этим!

— Хорошо, — спокойно сказала Анна Юрьевна, продолжая расправлять складки ткани и укладывать её так, чтобы она держалась на ногах у Петра Ильича.

Серафимович нервно прошёлся по комнате. Снова подошёл к Анне Юрьевне.

— Скоро? — спросил он.

Анна Юрьевна оторвалась от своего занятия, встала и повернулась к декану.

— Если бы у Петеньки была обувь, то во-первых, он не обжёг бы ноги, а во-вторых, мы

собрались бы гораздо быстрее, — сказала она.

— Его вообще тут не должно было быть! — раздражённо ответил Серафимович.

— Но он тут! И не по своей воле! — парировала Анна Юрьевна, снова опускаясь на колени и продолжая прилаживать обмотки на ногах Петра Ильича.

— Он помеха... — проворчал Серафимович уже с меньшим раздражением.

Анна Юрьевна, не оборачиваясь, ответила:

— В мире магии ничего не происходит случайно, не так ли?

Серафимович фыркнул. Отошёл к столу, опёрся на него и принялся рассматривать ногти.

К тому моменту, как из ванной комнаты вышли Марта с Полиной — умытые, переодетые и расчёсанные, Серафимович уже успокоился и вернулся в своё обычное благодушное настроение.

Анна Юрьевна закончила с ногами, встала, взяла платье и тоже отправилась в ванную — не спеша, но и без излишней медлительности.

Вышла она довольно-таки быстро. Платье с вырезанными по бокам юбки кусками ткани сидело на ней хорошо, движения Анны Юрьевны были по-королевски свободными, величественными.

Пётр Ильич, вспомнив королеву, которая стояла на потерявшем сознание бывшим мужем Владимиром, поднялся и встал рядом с Анной Юрьевной — со своей королевой.

Анна Юрьевна взяла его за руку и посмотрела на Серафимовича, мол, мы готовы.

И такое достоинство сквозило в каждом её движении, что Марта с Полиной поневоле потянулись к ней и тоже расправили плечи.

Серафимович как ни в чём ни бывало подкрутил свои «хэндлбары» и шагнул к входной двери, распахнул её и сделал приглашающий полупоклон:

— Прошу вас, ваше величество!..

Не обращая внимания на его ёрничание, Анна Юрьевна с Петром Ильичом вперёд, а за ними Марта с Полиной вышли из комнаты.

Полина вздохнула и подумала:

«Вернёмся ли мы сюда ещё?»

«Вернёмся!» — мысленно ответила Анна Юрьевна, вложив в мысль всю уверенность, на которую была способна.

«Не бойся, подруга! Мы справимся!» — мысленно поддержала Полину Марта.

Все студентки и преподаватели собрались в фойе около главного выхода. Все были в зелёных платьях и островерхих шляпах или венках. У самой двери стоял Прохор Сиявуш и держал небольшой шест, символизирующий майское дерево, украшенный разноцветными лентами. Из лекций Марта знала, что настоящее майское дерево — большой столб, и он, скорее всего, уже установлен на лысой горе. Или его вот-вот там установят и тогда девушки в хороводе будут заплетать ленты на нём.

Сам профессор ритуальных песен был одет в зелёные брюки, в зелёный жилет и белую рубашу. На ногах у него были кожаные туфли, похожие на туфли студенток и преподавателей, только мужской вариант.

Марта показала Полине и Анне Юрьевне на него глазами и прошептала:

— Для него туфли нашлись!

Анна Юрьевна успокаивающе погладила её по руке.

— Ничего, прорвёмся! — сказала она и мысленно добавила: «Если с тобой не считаются, сделай так, чтоб об тебя запнулись. О нас они запнутся!»

Марта вздохнула и отвернулась от преподавателя ритуальных песен.

Судя по всему, здесь собрались все, кто был в университете: и студентки, и преподаватели, даже кухарка Мавруша со своим рыжим котом Мартином стояла в толпе.

— Нас что ли ждут? — спросила Полина.

Анна Юрьевна усмехнулась.

— Нет, не нас! Думаю, ректора...

Марта увидела, что да, Огненной ведьмы Блейзы нет.

— Ну, чего остановились? — спросил Серафимович и подтолкнул Марту, Полину и Анну Юрьевну к толпе студенток.

— Нет, не сюда, — встретила их Агафья Тихоновна. — Ваше место в голове колонны, сразу за майским деревом. — И добавила громко, обращаясь к профессору, отвечающему за подготовку к Бельтайну: — Виолетта Марковна, командуйте!

— А как же ректор? — спросила Марта.

— Она встретит нас на месте, — ответила Агафья Тихоновна.

Виолетта Марковна подняла руку, привлекая внимание студенток. Разговоры стихли. Виолетта Марковна махнула Прохору Сиявушу, и он запел, поднимая и опуская шест с ленточками в такт мелодии. Многоголосый девичий хор присоединился к нему.

*Скорей распахни в доме окна свои
Ведь настал светлый час для земли...*

«Ни фиги себе, светлый!» — подумала Марта.

«Вообще-то, светлый» — мысленно улыбнулась Анна Юрьевна и добавила вслух: — Бельтайн — это праздник начала лета. Природа торжествует, всё плодится и размножается. Конечно же, это светлый праздник! Ну а то, что для нас он будет связан с некоторыми неудобствами, так это...

— Как вы дипломатичны, — усмехнулась Марта, вставая за спиной улыбающейся Ивы Медлибор.

Широкие двери распахнулись, и колона студенток университета магии, во главе с преподавателями под песни, флейты и барабаны пошла по широкой тропе в сторону лысой горы.

Едва все вышли на улицу, двери закрылись и свет в университете погас.

Солнца уже не было. Но тьма ещё не полностью овладела миром. Пока над землёй царили сумерки — время тайн и иллюзий. Невозможно было определить, как далеко начинается лес, сколько ещё идти до горы, сколько человек шествует под небом, на котором одна за другой вспыхивают звёзды...

Марта с Полиной, и тем более Анна Юрьевна с Петром Ильичом в первый раз шли по этой тропе. И пока можно было хоть что-то разглядеть, они крутили головами по сторонам. Но чем дальше, тем мрачнее вставал лес...

Глаза привыкли к скудному свету быстро. И вскоре девушки начали различать то, чего никогда не увидели бы днём.

Рои светлячков летали между деревьями, вспыхивали и гасли глаза животных, а звёзд было столько, сколько ни одна из девушек за всю свою жизнь ни разу не видела.

Пряно пахло травами. Дул свежий ветерок. Слышалось залиvistое пение соловья. Чуть поодаль темнело озеро.

Подниматься в гору, да ещё и петь при этом, было трудновато, но шли не спеша, и песни следовали одна за другой...

И вдруг ярким холодным лучом из-за горы вспыхнуло тонкое лезвие света. Оно стало расширяться, расти, набухать. И вот уже сияющая кромка появилась на линии горизонта. Так неожиданно ярко!

Девушки шагали и, как замороженные, не отрывая глаз, смотрели на таинство лунного восхода.

Блестящая кромка стала четвертью, потом — половинкой, потом — кругом... Некоторое время луна висела, зацепившись за гору... И вдруг, на смелившись, отпустила опору и взлетела.

Вокруг стало светло, как только может быть светло при полной луне. По озеру побежала лунная дорожка. Но она не закончилась на берегу, а простёрлась по росе до самых ног шагающих в гору студенток и преподавателей университета магии.

По-прежнему пахли травы, дул свежий ветерок, летали светлячки и блестели звёзды. Но в самом мире появилась магия. И на тропинку легли тени...

Теперь огромная луна освещала лысую гору, к которой шли студентки и преподаватели. Тени деревьев, что стояли по обе стороны от тропы, создавали обманчивое ощущение непроходимого леса. Залитая холодным лунным серебром листва граничила с чёрными провалами...

Лунный свет скрадывал расстояние. Казалось, вершина горы была ещё далеко, но внезапно колонна остановилась и девушки поняли, что пришли. Саму вершину обозначал столб, установленный вертикально.

Все студентки и преподаватели поднялись на гору и столпились, не подходя к столбу и оглядываясь по сторонам.

Полное серебра небо граничило с зубьями леса. Хорошо просматривалось здание университета магии и дорога, по которой они только что поднялись.

В какой-то момент пение потеряло силу, но Прохор Сиявуш придал голосу звучности, повёл в мелодии девушек за собой, и песня выправилась.

Это был гимн лету.

И в тот момент, когда песня вновь набрала силу, перекрывая её, зазвучал голос Огненной ведьмы Блейзы. На незнакомом языке произносила она слова. Но в каждом слове чувствовались мощь, энергия, огонь...

И вдруг... в который уже раз за эту, ещё только начавшуюся, ночь — вдруг... по периметру вокруг вершины вспыхнуло кольцо костра.

Студентки университета маги захлопали, засмеялись.

А Марта с Полиной и Анна Юрьевна подошли поближе к Петру Ильичу, прижались друг к другу. Очень уж противоречивые чувства бродили в их душах. Восхищение и радость с одной стороны, и тревога, граничащая с паникой — с другой.

Между тем, под песни и приплясывания Прохор Сиявуш подошёл к столбу и при помощи несложного заклятия установил шест с разноцветными лентами, который он нёс, на макушку столба и ленты удлиннились, умножились.

Девушки студентки одна за другой стали подходить к столбу, брать ленточку и вливаться в хоровод.

Под песни, текущие одна за другой, девушки ходили вокруг столба, каждая держала в руке ленточку. Они то обходили друг дружку, то подныривали под ленточку подружки. Ленточки заплетались вокруг дерева, образуя на столбе яркое одеяние.

Девушки шли вокруг столба в хороводе и пели. Ленточки становились короче, круги вокруг столба — уже. Девушки двигались всё плотнее и плотнее — важно было как можно дольше не выпускать ленточки из рук.

Но в конце концов около столба стало настолько тесно, что то одна, то другая девушка начали выпадать из хоровода. Но не уходили, а становились во внешний круг, вдоль кругового костра.

Те девушки, которые смогли продержаться около майского дерева дольше других, закрепили ленточки и тоже присоединились к подругам во внешнем кругу.

Зазвучала новая песня и по пёстрому одеянию майского дерева побежали снизу-вверх голубые искры.

Чем выше эти искры поднимались, тем плотнее, вещественней становилось призрачное поначалу кольцо. И когда искры поднялись до самого верха, то стали походить на венок, украшающий столб.

Венок повисел наверху, вбирая в себя все искорки голубого пламени, а потом поднялся чуть выше столба и шеста, закреплённого сверху, снялся с шеста, замер на минуту и полетел вниз вокруг столба по расширяющейся спирали.

К тому моменту, как венок опустился на высоту роста девушек, которые продолжали вести хоровод и петь песни, он плыл уже вплотную к ним, словно высматривая кого-то.

Девушки пели. Но когда венок пролетал мимо очередной, она вздыхала с облегчением и... с некоторым разочарованием.

Наконец венок облетел всех, кто был в хороводе.

Так никого и не выбрав, он к огромному изумлению всех присутствующих, перелетел через девичью стенку и направился к тем, кто стоял в стороне — к преподавателям и... Марте с Полиной и Анной Юрьевной.

Точнее, сразу к Полине.

И под удивлённые вскрики опустился на её голову.

Девушки в хороводе заоглядывались, песня в который раз сбилась и Прохору Сиявушу

пришлось снова выправлять мелодию. На этот раз ему было непросто привлечь внимание студенток, но он справился. Девушки снова повели песню.

К Марте с Полиной подошла Виолетта Марковна и подтолкнула их и Анну Юрьевну в хороводный круг.

Пётр Ильич тоже было направился с ними, но Виолетта Марковна остановила его.

— Это девичий круг! — строго сказала она.

Анна Юрьевна оглядывалась на освещённого со спины костром Петра Ильича, но хоровод подхватил её и понёс по кругу.

Полина тоже поначалу встала вместе со всеми, но девушки вытеснили её внутрь круга.

Оказавшись одна в центре внимания, Полина растерялась.

«Что происходит? Что мне делать?» — в панике спрашивала она.

«Я здесь, рядом! Я не дам тебя в обиду!» — пыталась успокоить её Марта.

А внимание Анны Юрьевны разрывалось между Петром Ильичом и Полиной. Она увидела, как в сторону Петра Ильича направляется Огненная ведьма Блейза.

Он смотрел на Анну Юрьевну, свою Аннушку, и не видел, что ректор подошла и встала позади него.

Песня набирала темп, хоровод — скорость. Напряжение росло. От дерева начали отлетать искры. Они летали над поляной, а потом притягивались к венку на Полининой голове. Полина испугалась. Снова и снова она пыталась вырваться наружу. Но девушки откидывали её назад в круг и бежали всё ускоряясь...

Марта хотела кинуться на помощь подруге, но не могла совладать с девушками, которые удерживали её в хороводе.

Полина была бледна, и Марта видела, что она вот-вот упадёт в обморок.

И тогда в лесу раздался трубный рёв и на гору выскочил Заграй. Его рога пылали, да и сам он светился золотом.

С другой стороны поляны из леса вышел полуобнажённый охотник в набедренной повязке и звериной маске, скрывающей лицо, и с луком в руках. Он натянул тетиву и прицелился в оленя.

Олень снова затрубил, разогнался и прыгнул в хороводный круг к Полине.

Охотник в то же время выпустил стрелу.

И он попал бы в оленя, если бы не огненный шар, брошенный ректором.

Огненный шар перехватил стрелу, она вспыхнула и моментально сгорела.

Охотник протестующе закричал. Хоровод остановился и распался. Песня стихла.

Огненная ведьма Блейза прошла мимо Петра Ильича, не замечая его, подошла к Полине и, встав рядом с ней, сказала, обращаясь к охотнику:

— Сегодня свадьба бога Солнца Светлого Дагды с Великой богиней Боан будет без жертвенного оленя.

— Но как так? — возмутился охотник голосом Барда. — Традиция же! Мужем девы, избранницы Великой богини Боан должен стать тот, кто убьёт королевского оленя!

— Сегодня без оленя! — отрезала Огненная ведьма Блейза и, усмехнувшись, добавила: — А будешь возмущаться, то и без свадьбы! Эта девочка вместе со своим оленем нужны мне сегодня живыми и невредимыми!

— Бард?.. — прошептала Полина. Если сказать, что она была шокирована, то это ничего не сказать.

«Ни фига себе поворот! — подумала Марта. — Но каков лаборант, а? Анна Юрьевна,

что скажете? Анна Юрьевна?..» — и не дождавшись отклика Анны Юрьевны Марта заозиралась, отыскивая женщину среди студенток.

Но её тут не было. Едва круг распался Анна Юрьевна кинулась к Петру Ильичу и теперь стояла рядом ним.

Марта смотрела то на Полину и Огненную ведьму Блейзу, то на Анну Юрьевну и Петра Ильича и никак не могла решиться, к кому подойти. Подумав немного, она подошла к Полине и взяла её за руку.

А Полина смотрела на Барда и пыталась разобраться в своих чувствах. С одной стороны она любовалась его красивым телом, с другой стороны, до неё медленно начал доходить смысл слов Барда и Огненной ведьмы Блейзы. То есть, сейчас должна была быть свадьба богов. И изображать богов должны были она и Бард.

«Интересно, а как эта свадьба должна проходить?» — мысленно спросила Полина у Марты.

«Если честно, мне не интересно, — мысленно ответила Марта. — Мне достаточно того, что ректорша защитила твоего оленя»

«А ему что, угрожала опасность?» — удивилась Полина.

— Господи, Полина! Ты хоть иногда голову включай! — проворчала вслух Марта.

— Но свадьба должна состояться! — Бард был в ярости. — Традиции нельзя нарушать!

— Да что ты знаешь о традициях! — прошипела Огненная ведьма Блейза.

Бард ничего не успел ответить. К ректору подошла Агафья Тихоновна и негромко сказала:

— Вы думаете, сейчас самое время ломать традиции? Мне кажется, это не будет способствовать укреплению духа вашей армии...

Агафья Тихоновна говорила шёпотом, но Полина и Марта стояли рядом и всё слышали.

Огненная ведьма Блейза нахмурилась, глянула на Барда, потом на Заграю, потом оглядела студенток и снова перевела взгляд на Барда.

— Конечно же мы не будем нарушать традиции! — холодно сказала она. — Конечно же свадьба состоится. Виолетта Марковна, Прохор Сиявуш, прошу вас...

Огненная ведьма Блейза развернулась и решительно пошла вон из круга.

Прохор Сиявуш и Виолетта Марковна снова организовали хоровод, снова зазвучали песни...

Марта хотела остаться рядом с Полиной, но Виолетта Марковна заставила её встать в хоровод.

— Всё будет хорошо, — повторяла она, пока Марта не влилась в общее течение. — Свадьба символическая.

И когда над лысой горой снова потекла ритуальная песня, Бард вскинул лук и прицелился в Заграю.

Олень даже не попытался убежать или спрятаться. И в тот момент, когда стрела уже готова была сорваться с тетивы, повернул голову к Полине и, вздохнув, посмотрел на неё.

— Стой! — закричала Полина и кинулась к Заграю, закрывая его собой.

Бард в последний момент успел чуть-чуть отвести руку, и стрела пролетела в сантиметрах от Полины и оленя.

— Ты что, с ума сошла? — закричал Бард. — Я ж тебя мог прострелить!

— Ну не прострелил же?.. — ответила Полина и без сил опустилась на траву. — Будем считать, что оленя ты убил. Что там дальше делать нужно? Ну, на свадьбе этой...

— Ты что, правда ничего не знаешь? — спросил Бард.

— Я ж тут всего три дня! Ещё не успела узнать...

Бард усмехнулся и подошёл к Полине. Протянул ей руку.

— Прощу вас, сударыня, на алтарь.

Полина взяла руку Барда и поднялась. Оглянулась на Заграя. Он потряс головой, отгоняя светлячков.

Девушки в хороводе кружились, песня лилась, огонь позади хоровода горел. И казалось, весь мир схлопнулся, уменьшился до размеров поляны на лысой горе. А там, за чертою огня ничего больше нет. И будет ли когда — неизвестно. Потому что в мире правит ночь.

В голове у Полины шумело, всё плыло вслед за хороводом. Единственные кто давал ей опору в этом мире — Бард и Заграй. Только они не кружились... Да ещё майское дерево, оплетённое ленточками.

Бард тревожил и волновал. Заграй давал чувство защищённости и безопасности.

«А если бы Бард застрелил Заграя?» — подумала Полина и ужаснулась, поняв, что тогда она стала бы совсем незащищённой.

Бард тянул Полину к майскому дереву. И ей вдруг показалось, что это уже и не столб, закопанный на вершине лысой горы, а каменный стол, украшенный лентами... Или нет, не стол — ложе...

«Свадьба! Это ж означает...», — вдруг догадалась Полина и остановилась.

— И мы что, при всех будем... — Полина понизила голос, — заниматься сексом?

— Тебя избрала Великая богиня Боан. Ты должна! — попытался убедить её Бард.

— Нет! — прошептала она. — Я не могу так... При всех...

— Это традиция! — ухмыляясь ответил Бард.

— Это плохая традиция! Я против! — в отчаянии прошептала Полина.

— Вот только нашего мнения никто не спрашивает, — снова ухмыльнулся Бард.

Полина оглянулась на хоровод. Лица мелькали. И в их круговерти она вспомнила слова Анжелики: «Даже не знаю, у кого из вас наказание жёстче».

А ещё она вспомнила предостережения Марты насчёт Барда, что он не тот, за кого себя выдаёт.

— Я с тобой никуда не пойду! — отрезала Полина.

Но Бард засмеялся, подхватил её на руки, забросил себе на плечо и понёс к алтарю.

Полина пыталась вырваться, но Бард держал её крепко. И когда она укусила его, сказал:

— Дура! В твоём теле будет Великая богиня! Ты даже не представляешь, какое удовольствие получишь! Божественное!

— Извращенец! — шипела Полина, продолжая вырываться.

Анна Юрьевна стояла за спиной Петра Ильича и наблюдала за Огненной ведьмой Блейзой. Та явно была взбешена. Она ходила из стороны в сторону и что-то негромко, но эмоционально повторяла Серафимовичу.

Тот стоял, скрестив руки на груди. Вся поза его говорила о том, что он упёрся на своём, в то время, как Огненная ведьма Блейза готова молнии метать.

И действительно, время от времени кисти её рук окутывались голубоватым пламенем, но пламя, едва вспыхнув, спадало.

Анна Юрьевна прошептала Петру Ильичу:

— Такое ощущение, что она готова испепелить его, но что-то ей мешает...

— Видимо, подельник пока ещё нужен ей, — так же тихо ответил Пётр Ильич.

— Вот бы послушать о чём они говорят...

— Давай, попробуем подойти немного, хотя, думаю, что это не безопасно.

— Да уж! — Анна Юрьевна оглянулась — не обращает ли на них кто внимания. — Эх, если б можно было группу захвата вызвать!

— Придётся самим разбираться, — ответил Пётр Ильич. — Я одно понял, что главные зачинщики тут ректорша и декан. Остальные под их дудку пляшут.

— Да это-то понятно... — Анна Юрьевна подёргала Петра Ильича за рукав. — Давай всё же поближе подойдём.

— Хорошо. Только ты держись за мной. А то вдруг ректорша огнём швыряться начнёт. Если с тобой что случится, я себе этого не прощу.

Анна Юрьевна вздохнула, выскользнула из-за Петра Ильича и пошла вдоль хоровода, как бы интересуясь, что там, внутри круга, происходит. И, словно бы выбирая место поудобнее, как бы невзначай приблизилась к спорящим Серафимовичу и Огненной ведьме Блейзе.

Пётр Ильич пошёл за ней — ну как он отпустит свою Аннушку?

В результате Анна Юрьевна и Пётр Ильич вскоре оказались на таком расстоянии, что стало слышно, о чём спорили Огненная ведьма Блейза и Серафимович.

— Немедленно отмени заклятие! — требовала Огненная ведьма Блейза.

— С чего это? Она его заслужила... — упирался Серафимович.

— Нашёл, когда мстить девчонке. Она дура! Но она нужна нам!

— Всё равно они не собрались все вчетвером, так что смысл отменять? Так я хоть удовольствие получу.

— А если б вторая?.. — Огненная ведьма Блейза насмешливо посмотрела на Серафимовича.

— Вторая не дура! Вторая смогла избавиться от проклятия. — парировал Серафимович. — А эта... Считай, что это дополнительный стресс, чтобы пробудить её силу, если, конечно, она у неё вообще есть!

Огненная ведьма Блейза в очередной раз погасила вспыхнувший на руках огонь. Но через минуту он запылал снова.

— Но ведь он сломает её, и она станет совсем бесполезной. А так хоть шанс будет!

Серафимович развернулся к Огненной ведьме Блейзе и произнёс, чётко выговаривая каждое слово:

— Дорогая моя жёнушка! Ты действительно веришь, что у нас есть шанс?..

Огненная ведьма Блейза застонала и скинула пламя с рук на землю. Трава вокруг неё вспыхнула. Все начали оглядываться на декана и ведьму, а Огненная ведьма Блейза, не обращая ни на кого внимания, прошипела, шагая к Серафимовичу:

— Я сама убью тебя, не дожидаясь, пока это сделает отец!

— Правда, что ли? — усмехнулся Серафимович и, расставив руки добавил: — Давай!

И тут к ним подскочила Агафья Тихоновна. Бросив вокруг морок, она зашипела:

— Вы что, с ума сошли?!..

Последнюю фразу Анна Юрьевна и Пётр Ильич слышали, только потому, что стояли достаточно близко. Но больше до них не донеслось ни звука.

Анна Юрьевна и Пётр Ильич переглянулись, понимая, что ближе подойти, не раскрыв себя, они не могут. С другой стороны, они слышали достаточно, чтобы сложилась какая-то картина. Нужно было решить...

Но тут их внимание от ректора и декана отвлек истошный крик из центра круга. Кричала Полина.

Поначалу Марта кружилась со всеми в хороводе и даже пыталась петь, однако её песня была рваной, тревожной.

Потом, когда Бард закинул Полину на плечо и понёс её к появившемуся из майского дерева алтарю, Марта начала вырываться из хоровода, но её ладони словно приклеились к ладоням девушек. Хоровод тянул Марту, и ей оставалось только успевать передвигать ноги, чтобы не упасть.

Олень Заграй метался вокруг Полины с Бардом, бил копытом, наставлял рога, но ударить не решался — чтобы не покалечить случайно Полину.

Бард, не обращая внимания на Заграя, бросил Полину на алтарь, она попыталась вскочить, но он навалился на неё, что-то приговаривая — что именно, Марта не слышала из-за песни, которую пели в хороводе девушки.

Марта начала вырываться с неистовой силой.

Безуспешно.

Хороводом владела магия. Она была рождена этим самым хороводом, слилась с ним, подчинила его себе. И как бы другие девушки не относились к происходящему, они продолжали бежать по кругу и петь ритуальную песню. И ничто в мире не могло сейчас разорвать цепь событий.

Ничто?..

Чем сильнее давила магия хоровода, тем спокойнее становилась Марта. И тем сильнее внутри неё становилась змея.

Едва Марта почувствовала змею, как попробовала отправить её на помощь Полине, но пока хоровод кружился, это было невозможно. Змея тоже была заморожена магией движения.

Марта поняла, пока хоровод кружится, она бессильна.

И тогда она просто подогнула ноги и упала.

Образовался затор. Цепь порвалась. В магии хоровода образовалась брешь.

Полина смогла оттолкнуть Барда и вскочить.

Но он не собирался отпускать жертву. Он поймал её, сграбастал и впился поцелуем...

Но Мартина змея, а следом за ней и сама Марта уже неслись на помощь.

И тут Марта вспомнила видение, в котором её змея кусает Полину, целующуюся с Бардом.

Она запнулась и закричала — отозвала уже прыгнувшую на Барда змею.

И словно в замедленной съёмке наблюдала, как Бард, увидев змею, совсем немного развернулся, закрываясь Полиной, уже прыгнувшая в смертельном броске змея в последний момент успела спрятать зубы и чуть-чуть отвести в сторону голову... Она ударилась всем телом о Полину и упала на землю.

Ноги Марты подкосились, и она опустилась в траву.

Сидела и смотрела, как сверху на Барда налетает лебедь Лелевеля, бьёт его крыльями и клювом, как скачет по поляне взволнованный Заграй, как небольшая огненная ящерица взлетает по Барду к нему на лицо, закрывая ему глаза, нос, рот, кусает за уши, как Бард пытается прятаться за Полину, как за щит, как шипит, сворачиваясь кольцами Мартина змея, а рядом с ней тоже сворачивает кольца Шуша — Марта и не заметила, когда она появилась, как обе змеи настороженно следят за происходящим, готовые в любой момент нанести последний, смертельный удар. Как к Полине с Бардом подбегают Анна Юрьевна с Петром Ильичом, и как Пётр Ильич прямым ударом в челюсть отправляет Барда в накаут.

А потом от алтаря и от Полины в небо полетели микроскопические звёздочки.

Нет, Полина не стала уродливой. Она стала такой, какой была раньше. Красивой, естественной. Исчезло только то, что появилось вместе с Мартиным горбом. Заклятие проклятой красоты было разрушено.

Позади Марты раздались хлопки.

Она обернулась.

Через поляну к ним шагал Серафимович, он хлопал в ладоши и повторял:

— Bravo! Bravo!..

Он прошёл мимо Марты, словно не заметил её, подошёл к Полине слишком близко, бесцеремонно поднял за подбородок её лицо, повертел, рассматривая...

— Что ж, с заклитием ты справилась. С помощью подруг, но всё-таки... — задумчиво проговорил он. — Но где твоя сила? — потом делано вздохнул и заставил Полину посмотреть на алтарь. — Ну и как теперь быть? Свадьба бога Солнца Светлого Дагды с Великой богиней Боан не состоялась. Традиция нарушена. Благодаря тебе!

Полина попыталась вырваться из цепких рук Серафимовича, но он сжал пальцы сильнее. Полина застонала.

Пётр Ильич дёрнулся, было, заступиться за Полину, но Анна Юрьевна сдержала его — одно дело дать в морду лаборанту. Совсем другое — декану-колдуну.

— Отпусти её! — холодно сказала Марта, не замечая, что перешла на «ты».

Серафимович обернулся с удивлённой улыбкой.

Марта стояла и по обе стороны от неё приготовились к броску две змеи.

— Если свадьба означает публичное изнасилование, то свадьбы не будет! — отрезала Марта.

— Вообще-то это не должно быть изнасилованием, — подошедшая Виолетта Марковна была растеряна и расстроена. — Это должна была быть символическая свадьба. Ума не приложу, что случилось с Бардом. Он всегда был таким милым и предупредительным...

Словно услышав её слова, застонал, пришедший в себя Бард. Он сел и непонимающе обвёл всех взглядом. Хотел что-то сказать и снова застонал, на этот раз потирая подбородок и укушенное ящерицей ухо.

— Отпусти Полину! — прошипела Марта, шагнув к Серафимовичу, всё ещё сжимавшему лицо девушки.

Серафимович отпустил Полину и развёл руки, показывая ладони Марте.

— Как скажешь! — улыбаясь и явно любясь Мартой, произнёс он.

— Что же делать? Свадьба должна состояться! Иначе сила, поддерживающая стены нашего университета, ослабнет, — причитала между тем Виолетта Марковна.

— А имеет значения кто будет исполнять роли Дагды и Боан? — спросил Пётр Ильич.

— Вообще-то нет, — ответила Виолетта Марковна и сама удивилась своим словам. — Раньше просто выбирали...

— Тогда считайте, что выбрали нас, — сказал Пётр Ильич и взял за руку Анну Юрьевну. — Я люблю эту женщину и хочу взять её в жёны. Что нам нужно сделать?

Над поляной повисло молчание, но потом Виолетта Марковна задумчиво сказала:

— А что, это выход!

Потом деловито обратилась сначала к Марте с Полиной:

— Идите в хоровод, девушки! — Потом повернулась к Серафимовичу и с максимальной вежливостью сказала: — Извините, но постороннему мужчине не место в круге. — И добавила, обращаясь к Барду: — Вас это тоже касается!

Дождавшись, когда Серафимович и растерянный Бард, а так же взявшиеся за руки Полина и Марта, направились из круга, Виолетта Марковна повернулась к Петру Ильичу и Анне Юрьевне.

— Когда запоём ритуальную песню, вам нужно призвать бога Солнца Светлого Дагду с Великую богиню Боан. И как только почувствуете, что они снизошли на вас, доверьтесь им. Всё будет хорошо...

И Виолетта Марковна поспешила к столпившимся студенткам. С помощью Прохора Сиявуша они быстро организовали хоровод и запели ритуальную песню, девушки подхватили её.

Марта шла в хороводе рядом с Полиной и удивлялась тому, что теперь магия хоровода была другой. Она была светлой, радостной и очень тёплой. И песня лилась ровно, придавая сил. И казалось, что звёзды светят ярче, травы пахнут медовой, а огонь, окружающий поляну — теплее и надёжнее.

Девушки шли в хороводе и пели гимн любви Светлого Дагды и Великой богини Боан. Марта и Полина шли рядом и пели вместе со всеми, а в центре круга царила любовь — истинная. Возможно, впервые с тех пор, как на этой горе стали водить хороводы и справлять божественную свадьбу.

Анимаци остались в кругу. Загрой, Лелевеля, Яра и Шуша — Мартина змея исчезла, едва опасность для Полины отошла — в почётном эскорте окружили алтарь. Они светились голубым и золотом.

Такой же — голубой с золотом — свет полился из алтаря и осветил Петра Ильича и Анну Юрьевну. Они стояли и держались за руки...

Хоровод тёк, песня лилась и мир наполнялся любовью — той любовью, которая переполняла сердца Петра Ильича и Анны Юрьевны.

Когда все ушли с поляны и хоровод вновь потёк, увлекаемый ритуальной песней, Пётр Ильич повернулся к Анне Юрьевне.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил он.

— Здесь под звёздами?.. — улыбнулась Анна Юрьевна.

— Здесь, под звёздами, — подхватил Пётр Ильич, — я говорю тебе, что люблю тебя больше жизни и хочу быть рядом с тобой до конца дней своих.

— Здесь, под звёздами, — прошептала в ответ Анна Юрьевна, — я обещаю идти по жизни рядом с тобой, делить с тобой все радости и все горести.

— Обещаю любить тебя и заботиться о тебе.

— Обещаю помогать тебе и поддерживать тебя.

— Здесь под этим небом клянусь в своей любви и верности. Клянусь быть тебе хорошим мужем. Защищать тебя и наших детей, если они будут.

— Здесь под этим небом клянусь в своей любви и верности, обещаю быть тебе хорошей женой и родить тебе детей.

Пётр Ильич нежно обнял Анну Юрьевну и подвёл её к алтарю и спросил:

— Аннушка, будешь мне женой?

— Да! — твёрдо ответила Анна Юрьевна и спросила в свою очередь: — Петенька, будешь мне мужем?

— Да! — Ответ Петра Ильича был твёрдым и однозначным.

Пётр Ильич поцеловал Анну Юрьевну со всей нежностью и любовью, на которые был способен.

И тогда из светящегося алтаря шагнули к Петру Ильичу и Анне Юрьевне призрачные фигуры мужчины и женщины в старинных нарядах. Они держались за руки так же, как и Анна Юрьевна с Петром Ильичом.

— Благословляем вашу семью! — сказал призрачный мужчина.

— И дарим вашему совместному дитю, которое она уже носит, — призрачная женщина улыбнулась тепло и нежно, — свою защиту и особый дар радовать людей.

Потом призрачный мужчина протянул руку и к нему на ладонь с неба опустились две звезды. Призрачная женщина накрыла на минуту ладонь со звёздами, когда она убрала свою руку, на ладони мужчины лежали два обручальных кольца.

Мужчина протянул руку Петру Ильичу. Тот взял кольцо поменьше и надел его на палец Анны Юрьевны.

— Этим кольцом, — серьёзно и торжественно сказал он, — беру тебя, Аннушка, в жёны.

Потом мужчина протянул ладонь с оставшимся кольцом Анне Юрьевне. Она взяла его, покрутила его, удивляясь плотности и реальности кольца, а потом решительно надела его на палец Петра Ильича.

— Этим кольцом беру тебя, Петенька, в мужья! — просто сказал она и улыбнулась.

— Отныне вы муж и жена, — сказал призрачный мужчина. — Заботьтесь друг о друге, любите друг друга.

— Пока будете верны друг другу, и наше благословение будет с вами, — добавила призрачная женщина.

Потом они обнялись и исчезли, словно их и не было. И только обручальные кольца говорили о том, что всё было, и было по-настоящему.

За радостным, благостным настроением, Марта не сразу заметила, что свечение алтаря начало меняться. Он словно бы раскалялся, становился кроваво красным... Потом вокруг алтаря прямо на земле начала проявляться пентаграмма и по углам пятиугольника появились символы огня, воды, воздуха, земли и духа.

Воздух стал тягучим, душным. Навалилась апатия.

Марта почувствовала усталость и уныние. В голову пришли мысли о том, что вот Анна Юрьевна и Пётр Ильич нашли друг друга, а ей, видимо, так и придётся всю жизнь быть одной. Да и не хочет она никого, и замуж не хочет, и детей не хочет! Она хочет самореализации, сделать карьеру, путешествовать, посмотреть мир. А вместо этого торчит тут, на лысой горе, и жизнь проходит бессмысленно...

Рядом тяжело вздохнула, а потом всхлипнула Полина...

Хоровод потерял силу, скис... Остановился.

И тогда в круг снова вышла Огненная ведьма Блейза. Она остановилась около пентаграммы и, воздев руки к небу, начала читать заклинание на незнакомом языке.

Потом, ткнув в Петра Ильича пальцем потребовала:

— Покинь круг, смертный мужчина!

— Мы муж и жена, — шагнула вперёд Анна Юрьевна. — Мы дали обет, и боги благословили нас. Теперь мы вместе! Если он уйдёт, то и я уйду!

— Мы останемся вместе! — так же спокойно и уверенно подтвердил Пётр Ильич, вставая рядом с Анной Юрьевной. — Где моя лебёдушка, там и я.

Пентаграмма начала светиться ярче и подул холодный ветер.

Огненная ведьма Блейза посмотрела с ненавистью на молодую семью и вдруг махнула рукой. Повернулась к хороводу и отыскала взглядом Марту и Полину, позвала их, чтобы шли сюда, к алтарю. Потом повернулась к Виолетте Марковне и кивнула.

Виолетта Марковна тут же засуетилась, организовывая новый хоровод, Прохор Сиявуш пошёл вдоль ряда девушек и звучно запел:

Ты приходи, приходи, утро светлое.

Ты восстань, восстань, солнце красное.

И девушки с надеждой подхватили:

Подари новый день.

Пусть придёт новый день!

Казалось, песня влила в студенток университета магии новые силы. Голоса набрали звучность, круг разбился на два и девушки поплыли по поляне двумя змейками, которые постоянно переплетались, но не запутывались. Как ниточка за иголочкой, шли девушки друг за дружкой и пели:

Ты гори, костёр, не сгорай до тла.

Ты теки, река, да вдоль берега.

*Жизнь как речка течёт,
Словно речка течёт.*

*Ночь всегда темна, если нет любви.
Ты гори, огонь, мне любовь дари.
Верю, солнце взойдёт,
Солнце снова взойдёт!*

Марта слушала песню и удивлялась, что простая мелодия, даже скорее наговор, речитатив помогли ей почувствовать некоторую уверенность в себе.

Вот только уверенность в себе была ровно до того момента, как Марта повернулась к пентаграмме и ректорше. Сразу же всплыли в памяти подслушанные слова о том, что всё бесполезно, и им — Марте, Полине, и Анне Юрьевне с Петром Ильичом не пережить сегодняшнюю ночь.

И сразу же в душе поднялась волна протеста и жажды жизни.

«Да чёрта с два!» — мысленно воскликнула Марта.

«Когда тебя насилуют, расслабься и получай удовольствие?» — донеслась полная сарказма мысль Полины.

После того, что Полина недавно пережила, эта поговорка, которую Марта любила повторять, прозвучала совсем иначе.

Марта глянула на подругу, их взгляды встретились.

«Нет! — мысленно ответила Марта. — Терпеть насилие — это последнее дело!»

«Девушки, мы вместе. Постараемся сегодня выжить!» — сказала мысленно Анна Юрьевна и тепло улыбнулась Марте с Полиной.

Но Марта видела, что Анна Юрьевна тоже волнуется и боится. Правда Анне Юрьевне было легче — рядом стоял любимый мужчина, в верности и надёжности которого она уже успела убедиться.

Анимаги заняли свои места по углам пентаграммы. И Заграй, и Шуша, И Лелевеля, и ящерица Яра — все были на месте.

Огненная ведьма Блейза стояла чуть поодаль от пентаграммы, в изножии алтаря. В головах алтаря встал Серафимович. Марта, Полина и Анна Юрьевна с Петром Ильичом подошли к своим анимагам. К+ни+го+че+й.+не+т Только ящерица Яра оставалась одна, и то, что рядом с ней никого не было, воспринималось, как дырка, укор, брешь в защите.

Огненная ведьма Блейза бросила нервный взгляд на Яру. Но ящерица стояла спокойно, как будто всё идёт своим чередом, как будто всё так и должно быть, как будто её ведьма находится рядом с ней и круг замкнут.

Послышалось еле слышное потрескивание. Свечение усилилось.

И тут раздался резкий щелчок. На алтаре появилась трещина. Из неё тонкой струйкой потёк мрак.

Огненная ведьма Блейза растерянно посмотрела на Серафимовича. И тогда он начал читать нараспев одно из заклинаний, которые Марта с Полиной и Анной Юрьевной разучивали с Ивой Медлибором.

Девушки запели вместе с Серафимовичем.

Костёр, который ещё в самом начале Вальпургиевой ночи зажгла Огненная ведьма Блейза, вспыхнул с новой силой, отсекая весь остальной мир от поляны на Лысой горе.

Внешний круг преподавателей, поддерживающий костёр, вселял некоторую уверенность студенткам — они продолжали кружить в хороводе и петь ритуальные песни.

Внутри хороводного круга кроваво пылала пентаграмма и только три защитницы читали заклинания одно за другим. Внутри пентаграммы был алтарь и рядом с ним — Огненная ведьма Блейза и Серафимович.

Но когда мрак на алтаре начал сгущаться, Огненная ведьма Блейза и Серафимович вышли за пределы пентаграммы и за пределы хоровода, присоединившись к преподавателям.

Марта, глядя на клубящуюся тьму там, где некоторое время назад Бард пытался изнасиловать Полину, вдруг поняла, что они остались один на один с тем, что пытается проникнуть в этот мир. И что то, что лезет, будет пострашнее изнасилования. И помощи не будет.

Продолжая читать заклятие скорее автоматически, чем осознанно, Марта вертела головой — оглядывалась по сторонам. И всякий раз натыкалась взглядом то на одинокую ящерицу, то на пустой угол.

«Я и Шуша — земля. Полина и Заграй — воздух, Анна Юрьевна и Лелевеля — вода, — мысленно повторяла она. — Ещё у нас есть половина огня, и совсем нет идеи, духа. Как мы справимся?»

«Просто нужно делать то, что должны!» — ответила ей Анна Юрьевна.

Мрак через трещину всё больше просачивался в этот мир, но пока оставался в пределах алтаря. Но Марта понимала, что ещё немного, и он стечёт с камня, коснётся земли...

Земли! Но земля — это она, Марта! И она совсем не хочет, чтобы что-то потустороннее касалось её.

И Марта, читая заклятие, начала представлять землю, как нечто смертельно опасное для мрака. Нечто, что поглотит мрак, примет его в своё чрево и успокоит на веки вечные.

Змея подняла голову и принялась раскачиваться, готовая помочь мраку упокоиться.

И тогда мрак на мгновение замер, завис словно бы в сомнении.

Воодушевлённая Марта передала образ опасной для мрака земли Полине и Анне Юрьевне, и сказала им про стихии.

Полина принялась мысленно уплотнять воздух, обездвиживать, чтобы случайным ветром не подхватило мрак и не перекинуло его через девичий заслон. Она словно пряжу наматывала воздух на рога Заграя, выстраивая преграду...

Мрак, который было попытался течь по воздуху, будто наткнулся на непреодолимое препятствие. Он начал грозно клубиться внутри себя. И словно отражение — в небе начали сгущаться грозные тучи. Никогда ещё гроза не приближалась так быстро.

«Будет дождь!» — Марта даже не пыталась перекричать гром. Она сразу же послала мысль Анне Юрьевне.

«Да, я вижу...» — ответила Анна Юрьевна и запела заклинание с новой силой, стараясь взять дождевую воду под контроль.

Лебедь приподнялась, вытянула шею, забила крыльями, и... тучи начали расходиться.

Девушки обрадовались было, но вскоре поняли, что победу праздновать ох как рано. Потому что мрак начал уплотняться, принимая облик человека — коренастого в серой рубашке на широких плечах, подпоясанного кушаком, в штанах, заправленных в сапоги. С седой лохматой бородой и сверкающими огнём глазами. Но самое страшное — в его руках собирался огонь. Ещё чуть-чуть, и мрачный пришелец готов будет метать огненные шары, а в том углу пентаграммы, где стояла ящерица Яра по-прежнему не было ведьмы.

Но Сумрачный колдун — кто б ещё это мог быть? — огненной ладонью словно бы захватил в воздухе нить и потянул её.

Из хоровода вынырнула девушка... Она сопротивлялась что есть силы, но не могла преодолеть притяжения. Так, извиваясь, и приближалась к пентаграмме, к Яре...

Марта не удивилась, когда увидела, что это Анжелика. Но очень удивилась тому, что Сумрачный колдун притянул четвёртую защитницу в круг.

Анжелика выглядела измождённой и несчастной. Она затравлено смотрела на Сумрачного колдуна, потом оглянулась на Огненную ведьму Блейзу и Серафимовича.

— Но как?.. Заклятие роз... Как ты попала под закливание?.. — спросила Марта.

Анжелика всхлипнула и ответила:

— Я помогала Серафимовичу готовить зелье и обрабатывала им розовые лепестки.

Марта глянула на Полину и Анну Юрьевну и мысленно спросила:

«И что теперь?»

«Продолжаем делать то, что должны, — ответила Анна Юрьевна и Полина согласно кивнула.

Анжелика с удивлением посмотрела на Марту, Полину, Анну Юрьевну с Петром Ильичом...

Едва Анжелика заняла своё место рядом с Ярой, как огонь в ладонях Сумрачного колдуна погас, и он повернулся к пятому свободному углу пентаграммы, со знаком, обозначающим идею, дух, эфир.

«Круг нужно замкнуть! Нам нужна идея! — мысленно крикнула Марта подругам. — Такая, на которую откликнется любое сердце, способное переживать и сочувствовать!»

— Котики! — предложила Полина и улыбнулась.

— Марта, позови Мартина, — крикнула Анна Юрьевна. — Он был где-то тут.

Конечно, это был бред — звать рыжего кухаркиного кота. Он скорее всего убежал давно. Да если и не убежал, как ему объяснить, что нужно встать в пятый угол пентаграммы. А если и встанет, то что он будет делать?

Но Марта не успела подумать, она, не заметив Анжеликин протест, автоматически, как только услышала про Мартина, позвала:

— Кис, кис...

И каково же было её удивление, когда, величаво задрвав хвост, к пентаграмме подошёл Мартин, сел именно туда, куда надо, и начал с независимым видом вылизываться.

Сумрачный колдун расхохотался. Он, теперь уже совершенно плотный, реальный, стоял на алтарном камне, тряс от смеха головой, сгибался пополам, хлопал рукой по коленке и никак не мог остановиться...

«О, нет!» — прошептала Анжелика и её плечи безвольно повисли.

Был у Марты в детстве котёнок. Нормальный котёнок, никакой не породистый. И имя у него было самое простое — Котя. Ничего сверхобычного. Любил забраться на колени, свернуться клубочком и мурчать-тарахтеть. Да громко так!

И Марта любила Котю. Складывала конфетный фантик гармошкой, привязывала ниточку и... И с хохотом бегала по квартире, а Котя ловил шуршащую игрушку.

Потом Марте надоедало бегать, она садилась на диван, а фантик на ниточке бросала на середину комнаты. И потихоньку подёргивала за ниточку, а Котя сидел в засаде, ждал, когда фантик «подойдёт» поближе, и нападал на него.

Марта старалась уловить этот момент и выдернуть игрушку из острых кошачьих коготков. Удавалось ей это редко.

Однажды произошло странное. Марта сидела на диване и читала книгу. Набегавшийся за резиновым мячиком Котя пришёл к Марте, забрался на диван и упал, не успев залезть к ней на колени. Через минуту он уже глубоко спал, словно кто-то всемогущий повернул выключатель.

Марта автоматически положила руку на Котю и... провалилась во Вселенную. Вокруг были мириады звёзд, галактик, туманностей, пылевых облаков, а сама она парила на краю неизвестной звёздной системы...

В следующий миг Котя потянулся, и Марта снова оказалась у себя дома на диване.

Котя тут же открыл глаза и внимательно посмотрел на маленькую хозяйку. В его взгляде читалось извинение — слишком устал и не успел поставить защиту... Позволил Марте увидеть кошачью сущность.

И вдруг Котя заговорщицки подмигнул, мол, ты же никому не расскажешь?..

Марта и рада была бы рассказать, но где найти слова, для того, чтобы описать то, что она почувствовала. А если рассказать обычными словами, то ей никто не поверит.

И Марта не сомневалась: Котя знал об этом.

Точно так же знал какую-то тайну Мартин. Иначе почему произошло то, что произошло?

Отсмеявшись Сумрачный колдун выпрямился во весь рост, смачно потянулся, а потом... спрыгнул с алтаря на землю. Погрозил зашипевшей было Шуше и спокойно пошёл за пределы пентаграммы.

— Но как? — прошептала растерянная Марта.

Сумрачный колдун обернулся на её голос и удивлённо посмотрел на защитниц, словно только что увидел их, а потом, спохватившись, отвесил поклон.

— Спасибо вам, что помогли мне перейти границу миров! — сказал он и снова повернулся к ним спиной, рассматривая остановившийся хоровод и опешивших преподавателей.

Найдя взглядом Огненную ведьму Блейзу, Сумрачный колдун раскрыл объятия и нарочито радостно воскликнул:

— Дочь моя! Как я рад видеть тебя живой и невредимой! Ты не хочешь обнять своего отца?

Студентки расступились, открывая Сумрачному колдуну Огненную ведьму Блейзу.

Сказать, что она была растеряна — это ничего не сказать! Она стояла, как статуя, и

смотрела широко открытыми глазами на Сумрачного колдуна.

А он снова начал оглядываться и, найдя взглядом Серафимовича, крикнул ему:

— Рок, а ты чего стоишь в стороне? Не хочешь поприветствовать своего тестя? Это мы сколько не виделись? Две тыщи лет?

Серафимович первым пришёл в себя и вышел на поляну.

— Отчего не поприветствовать? — сказал он и протянул ладонь для рукопожатия. Рукав немного задрался и на запястье Серафимовича блеснули часы.

Но ладонь Серафимовича осталась не пожатой. Сумрачный колдун засмеялся и спрятал свои руки за спину.

— Нет уж, зятёк! Второй раз со мной этот номер не пройдёт! — в голосе Сумрачного колдуна послышалась угроза.

— Но как? — повторила Огненная ведьма Блейза вопрос Марты. В следующий момент она взяла себя в руки и преувеличенно радушно улыбаясь подошла к отцу. — Папочка, как я рада тебя видеть!

— Не ври! — рявкнул Сумрачный колдун на ректора университета магии. — НЕ ВРИ МНЕ! — и добавил уже с улыбкой: — Рада она, как же! Да если бы не Флинт, не его помощь, я б так и остался в том мире...

— Как, а разве он не... — опешил Серафимович, не в силах продолжить фразу.

— «Разве он не умер?» ты хочешь спросить? — продолжил фразу за Серафимовича Сумрачный колдун. И тут же ответил: — Не умер. Он прямиком отправился в тот мир. Там я его и нашёл. Поддержал, позаботился... А потом послал сюда, чтобы он подготовил мой переход. Флинт, Фли-инт, — позвал Сумрачный колдун и, не дождавшись выхода своего помощника, улыбнулся: — Стесняется, — и добавил с угрозой: — Или осторожничает...

«Ой, что-то будет!» — мысленно прошептала Плина.

«Да уж, поворотец!» — согласилась с ней Анна Юрьевна.

«А нам-то что теперь делать?» — снова спросила Полина.

«Держаться вместе! Помните, что сказала Ольга-Варга?» — ответила Марта.

«Вы разговаривали с Ольгой-Варгой? Но ведь она... — мысленно воскликнула Анжелика и добавила: — Извините, я вас слышу»

«А что не так с Ольгой-Варгой?» — спросила Анна Юрьевна, не обращая внимания на замечание Анжелики.

«Но ведь она...»

Анжелика не успела додумать мысль, как Сумрачный колдун снова повернулся к девушкам и начал пристально рассматривать их, словно бы выбирая: какую из них он съест первой.

Девушки уже не стояли по углам пентаграммы, они сбились в кучу и настороженно наблюдали за происходящим. Но как только Сумрачный колдун начал их рассматривать, вперёд вышел Пётр Ильич.

— Я не знаю, какие у вас там отношения с руководителями этого университета, а девушек не троньте, они тут не причём!

— Причём, причём! — засмеялся Сумрачный колдун. — Очень даже причём! В них моя кровь!

— Вы что, хотите выпить нашу кровь?! — ужаснулась Полина.

И Сумрачный колдун снова рассмеялся — залиvisto, от души.

— А что, это идея, — отсмеявшись сказал он. — Выпью вас и верну силы. — И добавил

успокаивающе: — Не бойтесь! Вы мне для другого нужны.

— Для чего же? — спросила Марта, чувствуя, как у её ног начинает разворачиваться змея.

Сумрачный колдун уставился на змею и по лицу его прошла судорога боли. И Марте вдруг стало жалко его.

Змея между тем выросла. Она стеной окружала Марту, Полину, Анну Юрьевну с Петром Ильичом и Анжелику. Она не сводила глаз с Сумрачного колдуна и настороженно пробовала воздух раздвоенным языком.

Сумрачный колдун вздохнул, грустно кивнул своим мыслям и снова повернулся к Огненной ведьме Блейзе.

— Сестру-то почему не пожалела? — глухо спросил он. Огненная ведьма Блейза промолчала. — У тебя же всё было. И красота, и сила. Дочкой моей любимой была! Всё для тебя. Любые капризы исполнял. Чего тебе нужно было-то?!

Не дождавшись ответа от Огненной ведьмы Блейзы, Сумрачный колдун повернулся к Серафимовичу.

— Ну и как, принесло тебе счастье предательство?

— Я не предавал его! — резко ответил Серафимович.

— Да? — усмехнулся Сумрачный колдун. — Тогда почему ты тут, а он там?

— Это была случайность, — закричал Серафимович. — Слышишь, случайность! Когда мы потревожили священную землю на этом чёртовом поле, когда оно проросло болью и страданиями, меня отбросило к краю, а Флинт... Флинт, он...

— Не потому ли тебя отбросило, что ты знал, чем прорастёт поле, и знал, что кто-то должен принести себя в жертву?

— Знал, — признался Серафимович. — Но я надеялся, что смогу вытащить Флинта.

— Нет, — Сумрачный колдун зло усмехнулся. — Ты точно знал, что не будешь вытаскивать своего друга. Или я не знаю свою дочь...

Серафимович затравленно глянул на Огненную ведьму Блейзу и сказал негромко:

— Не прошло и дня, чтобы я не вспоминал Флинта, не переживал заново этот ужас...

— И тем не менее, ты готовился сегодня убить меня, — подвёл черту Сумрачный колдун.

Серафимович опустил было голову, но потом гордо вскинул её и сказал с вызовом:

— Это всё ты виноват!

— Я действовал в рамках договора. — парировал сумрачный колдун. — А вот вы с моей дочерью договор нарушили. И чтобы восстановить справедливость, договор должен быть исполнен — поле должно быть вспахано и засеяно. Кто в этот раз пойдёт за быками?

Серафимович затравлено оглянулся на студенток.

— Они тут ни причём, — растеряно сказал он. — Отпусти девушек.

— Причём! — отрезал Сумрачный колдун. — Они стали причём, как только вы вовлекли их в свои игры.

— Но они ничего не знали.

— Это не имеет значения, — вздохнул Сумрачный колдун. И добавил жёстко: — Они все будут на твоей совести. На совести труса и предателя.

Марта повела рукой и змея распустила кольца, выпуская её вперёд.

— Мы имеем право знать, что происходит, раз нас втянули в какие-то игры, — решительно сказала она.

Сумрачный колдун оглянулся, взгляд его снова зацепился за змею и по лицу прошла судорога.

— Ты права, — глухо ответил он и, помолчав, объяснил: — Был заключён магический договор, что Флинт и Рок на быках памяти вспашут поле страданий. Это серьёзное испытание. Тут требуется и сила воли, и сила духа. Такое испытание не всякому по плечу. Пройти его можно только честно, до конца испив все страдания. А Рок при помощи моей дочери решил схитрить. В результате, Флинта принесли в жертву для того, чтобы меня отправить на тот свет. Моя старшая дочь поняла их план и хотела им помешать и спасти меня, но я был не справедлив к ней. Она была горбуньей и настоящей змеей...

Марта вздрогнула. А Сумрачный колдун, будто не заметил этого, продолжил:

— Да... Были у меня две дочери. И как оказалось, я не знал их, был слеп. — Сумрачный колдун вздохнул и продолжил: — Но хитрость не помогла. Она только отсрочила исполнение договора. И вот теперь время пришло. Магический договор должен быть исполнен. Поле страданий должно быть вскопано и засеяно. И если раньше там были только страдания Рока и Флинта, то теперь всех, кого они, — Сумрачный колдун кивнул в сторону Серафимовича и Огненной ведьмы Блейза, — завлекли. А чем больше людей вовлечено, тем больше страданий и тем страшнее быки памяти. Не веришь мне, спроси у него, — и Сумрачный колдун кивнул в сторону Серафимовича.

Тот ничего не ответил. Но по его лицу было видно, что Сумрачный колдун не врёт.

— А что будет, если поле останется не вспаханным? — тихо спросила Марта.

Сумрачный колдун тяжело вздохнул и ответил:

— Поле порастёт сорняком, память ослабнет и утерется и начнётся большая война. Быки памяти должны вспахать поле страданий, для того, чтобы у человечества был шанс выжить.

Взгляд Марты упал на пентаграмму. Девушка вспомнила свои размышления о том, что пять тысяч лет это был символ защиты и лишь последние лет двести — сатанинский знак... Люди забыли... так быстро забыли. И не только об этом, но и многое другое. А с какой скоростью забываются традиции? А история переписывается? Одно поколение не успело смениться, а люди уже не помнят, как было...

Над Лысой горой повисла тишина. Марта обвела взглядом поляну. Анимаги по-прежнему находились в углах пентаграммы и все, кроме Мартина, светились голубым светом. Хоровод распался, студентки были испуганы, они сбились в группки. Преподаватели стояли все вместе, за исключением Огненной ведьмы Блейзы и Серафимовича — те были в центре, рядом с Сумрачным колдуном.

Марта нашла взглядом Ольгу-Варгу.

«Интересно, — подумала она, — Ольга-Варга знала, что всё произойдёт вот так?»

«Несомненно! — ответила Анжелика. — Она же виделась с Сумрачным колдуном ещё в тот раз, когда...»

«Так она что, на его стороне?» — мысленно спросила Полина.

«Не знаю, — ответила Анжелика. — Но я ей не доверяю. Я никому из них не доверяю»

«И что нам делать?» — спросила Полина.

Но её вопрос повис в воздухе. Потому что раздался треск и внутри пентаграммы за клубился огненный дым... И один за другим из этого дыма выпрыгнули дышащие огнём быки — первый, второй, третий... немного погодя выпрыгнул четвёртый бык, а за ним и пятый.

Луна уже склонилась за лес, звёзды, казалось, выдохлись, их свет больше не был ярким и больше не радовал. Единственными источниками света оставались: костёр, который окружал поляну — он всё ещё горел, светящиеся изнутри кровавым огнём быки и синее свечение анимагов. Пламя костра давало ощущение надёжности, свечение анимагов — раздвигало пространство, а огненное дыхание быков — ощущение неизбежной боли.

Быки рыли землю копытами, наставляли рога и казалось вот-вот кинутся, разметають, затопчут всех, кто здесь сейчас на поляне.

И тогда Сумрачный колдун поднял руку и отрывисто крикнул.

Быки обернулись к нему и склонили головы.

— Кто возьмёт на себя ответственность и вспашет на быках памяти поле страданий? — спросил он, оглядывая присутствующих.

Девушки студентки от его взгляда отступили, послышались всхлипы...

Преподаватели тоже не спешили выходить.

Огненная ведьма Блейза отступила назад, отрицательно качая головой.

— Не впутывай меня в это! — произнесла она, выставляя в защитном жесте перед собой ладони.

Серафимович стоял бледный, руки его дрожали.

— Мне без разницы, кто из вас это будет, но кто-то должен вызваться сам.

«Моя стихия земля, — подумала Марта. — Наверное, это должна быть я»

«Я с тобой», — дрожа от страха подумала Полина и взяла Марту за руку.

«Думаю, нам нужно держаться вместе» — мысленно поддержала подруг Анна Юрьевна и тоже взяла Марту за руку. Пётр Ильич с решительным видом стоял рядом.

«Эх, — вздохнула Анжелика. — Видимо, страданий не избежать» — И она подошла к Полине.

— Они вспашут! — крикнула Огненная ведьма Блейза, увидев, что настрой избранниц изменился.

Сумрачный колдун грустно усмехнулся и покачал головой.

— Ты совсем не изменилась, — пробормотал он и громко добавил: — Они должны вызваться сами. Они сами, по своему желанию должны взять на себя тяжёлую ношу. В этот раз я не позволю мухлевать.

Марта смотрела на Серафимовича. Он был бледен. Плечи его были опущены. Руки дрожали. Залихватские «хэндлбары» смотрелись чужеродно на лице, полном страданий.

Ей стало жаль Серафимовича. Недорассказанная легенда открылась Марте во всей своей неприглядности — жили-были два друга, и один предал другого ради женщины.

Да, права Ольга-Варга. Настоящая любовь никогда не потребует такой жертвы.

Марта вспомнила только что прошедший свадебный ритуал, в котором участвовали Анна Юрьевна и Пётр Ильич. Вспомнила, каким светом сияли их лица, и как радостно было на душах у всех присутствующих, как легко скользил хоровод. Истинная любовь согревает и даёт силы жить.

То, что заставило Серафимовича... Рока предать друга, любовью не было.

И вот настал час расплаты.

Он всегда настаёт. Через минуту, через день, через много лет. Он неизбежен. Предательство если не проявится сразу, то источит душу, иссушит потихоньку, не даст места радости. И пусть даже внешне будет казаться, что предатель живёт благополучно, не стоит этому верить. «Хэндлбары» Серафимовича сейчас это наглядно демонстрировали.

Сумрачный колдун ждал. Он не смотрел ни на кого. Он не торопил. Быки стояли рядом. Они шумно дышали и нетерпеливо переступали, иногда принимались бить копытами землю, но Сумрачный колдун коротким взглядом успокаивал их.

Над лысой горой висела тишина. Казалось, даже воздух стал неподвижным. Казалось, весь мир сейчас сосредоточен здесь, внутри кострового круга. А там, за пределами не просто ночь, а ничего. То есть, совсем ничего.

Серафимович вздохнул, подкрутил скорее по привычке усы и сказал, обращаясь к Сумрачному колдуну:

— Видимо, этой чаши мне не избежать. Да и две тысячи лет помнить — это очень долго. Разве может что-то с этим сравниться? Я один вспашу это чёртово поле!

Слава Серафимовича словно разрушили тишину и заново запустили движение.

Огненная ведьма Блейза закричала:

— Идиот! А как же я?

Сумрачный колдун усмехнулся на крик Огненной ведьмы Блейзы и кивнул Серафимовичу, словно ждал именно этого решения.

А Марта, неожиданно для себя шагнула вперёд:

— Я помогу.

— ... Я один вспашу это чёртово поле! — сказал Серафимович.

Не успел Сумрачный колдун ответить ему, как Марта неожиданно для всех и для себя в том числе шагнула вперёд и сказала просто:

— Я помогу.

Сумрачный колдун и Серафимович одновременно повернулись к ней и крикнули в один голос:

— НЕТ!

И у обоих в голосе прозвучало отчаяние.

Потому что оба знали: тот, кто заявился, должен сдержать слово, чего бы это ему не стоило. И оба хорошо знали, что это за поле и что это за быки.

— Зачем?.. — прошептал Серафимович.

А Марта и сама не знала зачем. Она просто понимала, что иначе не может. Пожав плечами, она сказала:

— Вам одному не справиться с пятью быками.

— А ты, девочка, ты?! Ты ведь ещё ребёнок!.. — в голосе Серафимовича прозвучала боль.

— Однако, когда вы использовали заклятие роз, вас это не остановило, — сказала, усмехнувшись, Анжелика. Она перешагнула через Мартину змею, подошла к Марте и встала рядом. — Надоело мне всё до чёртиков! Где это ваше поле? Я тоже вызываюсь!

Следом подошли и Полина с Анной Юрьевной и Петром Ильичом.

— С ней-то понятно, — Серафимович кивнул на Полину, — она Мартина подруга. А вам-то зачем? — Серафимович с удивлением посмотрел на Анну Юрьевну и Петра Ильича. — У вас всё хорошо, у вас есть благословение Светлого Дагды и Великой богини Боан. У вас будет ребёнок! Зачем?

Пётр Ильич, обнимая за плечи Анну Юрьевну, ответил:

— Вот и затем... Мы хотим, чтобы наш ребёнок жил в мире без войны. Правда, Аннушка?

Анна Юрьевна тепло улыbnулась супругу и на миг прикоснулась щекой к его плечу.

— Нам есть за что сражаться, — добавила она просто.

— Но вы всего лишь люди, слабые люди... обычные люди...

Казалось, Серафимович был обескуражен, а Марта, чтобы скрыть смущение, повернулась к Сумрачному колдуну и попросила:

— Расскажите, пожалуйста, что мы должны сделать?

Сумрачный колдун всё это время стоял и смотрел на Марту. Ей пришлось повторить вопрос.

— Как ты похожа на мою дочь, — с болью в голосе пробормотал он. — Я бы ни за что не пустил тебя на поле страданий, но договор магический, а ты вызвалась сама... Я не знаю, что делать.

— Просто расскажите нам всё, — мягко попросила Марта. — Мы очень боимся, но понимаем, что должны, для этого нас и избрали...

Сумрачный колдун уцепился за её слова, как за соломинку.

— Если вы думаете, что вы должны, потому что вас избрали, то нет! Вы ничего никому

не должны! Это другой договор... Это его долг, — Сумрачный колдун ткнул пальцем в сторону Серафимовича. — Это не ваш долг, — добавил он, умоляюще глядя на Марту.

— Наш, — ответила она. — Но не перед ним и не перед вами. — Просто... Просто мы хотим жить. Вы между собой спорите, пакости друг другу делаете, а страдают простые люди. Что нужно делать?

Сумрачный колдун внимательно посмотрел на Марту и кивнул. Постоял немного, потом снова кивнул и вздохнул.

— Я там, на поле, не смогу вам помочь, — сказал он, — вы должны будете справиться сами.

Марта кивнула, что понимает.

И словно бы повернулся тумблер. Сумрачный колдун стал деловым и сосредоточенным. Он обвёл взглядом всех, стоящих перед ним, включая Серафимовича, и сказал:

— Как только я отпущу быков памяти, они станут неуправляемыми. Ваша задача как можно быстрее укротить их и запрячь. Чем дольше вы провозитесь, тем невыносимей будет боль.

Сумрачный колдун помолчал немного.

Все терпеливо ждали.

Спустя невероятно длинную минуту он продолжил:

— Как только запряжёте быков, вы должны будете подвести их к полю страданий.

— А где это поле? — спросила Марта, оглядываясь по сторонам — ни на лысой вершине, ни по дороге сюда они не видели никаких полей.

— Вы его увидите сразу же, как только я отпущу быков. Потому что память и страдания — они рядом, — ответил Сумрачный колдун.

Марта отметила, как по-деловому прозвучал голос Сумрачного колдуна. А ещё она подумала о том, что да, страдания и память связаны — люди чаще запоминают плохое. Хорошее тоже видят, но воспринимают его, как нечто само собой разумеющееся. А вот плохое выделяют, и более того — накручивают. А потом страдают.

«Но когда проходит время, — успокоила её Анна Юрьевна, — в памяти всплывает хорошее, а плохое уносит, словно это нечто наносное...»

«Не у всех уносит, — развила мысль Анжелика. — Некоторые зацикливаются на плохом до конца жизни»

— Не отвлекайтесь, — Сумрачный колдун прервал их мысленный разговор.

Марта удивилась и подумала: «Неужели он слышит нас?»

Анна Юрьевна тронула Марту за руку и кивнула в сторону Сумрачного колдуна, мол, он прав, слушай внимательно.

Сумрачный колдун, дождавшись внимания, продолжил:

— Когда ступите на поле страданий, что бы ни происходило, держите быков в узде и направляйте их туда, куда вам нужно. Помните, вы должны не просто пройтись по полю! Вы должны его вспахать!

— А чем пахать? Где плуг или соха? — спросил Пётр Ильич.

— Они появятся. У каждого своё, — ответил Сумрачный колдун. — И помните, чем глубже вспашете, тем лучше будет для всходов.

— Для каких всходов? — спросила Полина.

— Вы посеете зёрна будущего, — ответил Сумрачный колдун.

— В прошлый раз такого инструктажа не было, — пряча страх за иронией, заметил

Серафимович.

— Это что-то изменило бы? — пристально глядя в глаза декану, спросил Сумрачный колдун, голос его был полон сарказма.

Повисла тишина. Серафимович с Сумрачным колдуном стояли и пожирали друг друга взглядами. И на лице Серафимовича была такая мука, что Марта не выдержала и сказала, чтобы отвлечь, разрушить эту нечеловеческую дуэль:

— А в сказках герои сеют зубы дракона.

Сумрачный колдун отвёл взгляд от Серафимовича, тот сразу же потёр лицо, словно снимая наваждение или убирая со лба пот. Марта видела, что ему не по себе, и видела, что он старается держаться. И ей было жаль Серафимовича. Собственно, поэтому она и ляпнула первое, что пришло в голову — про зубы дракона.

А Сумрачный колдун, глянув испытующе на Марту ответил просто:

— Это они и есть...

Та простота и естественность, с которой были произнесены эти слова, заставили Марту вздрогнуть. По спине у неё пробежали не просто мурашки — мураши!

— Так в сказках говорится, — Марта попыталась взять себя в руки, — что из зубов дракона вырастают воины...

Слова Сумрачного колдуна заставили её сосредоточиться и отбросить все лишние мысли.

Сумрачный колдун ответил:

— Что вырастит, зависит от того, как вы вспашете. Какое поле памяти получится у вас в итоге. То, каким будет будущее, определяется тем, что люди помнят.

Марта, Полина, Анжелика и Анна Юрьевна с Петром Ильичом стояли к плечу плечо. И это давало им силу и некоторую уверенность — пусть не в исходе, но... Да, собственно, почему не в исходе? Именно в исходе! Потому что они чувствовали поддержку друг друга.

Серафимович же стоял один — гордый и несколько обескураженный. Марта понимала, что если бы она не вызвалась, то он пошёл бы на поле страданий умирать. Теперь же всё изменилось. Теперь нужно было бороться, потому что если он быстро погибнет, то Марте и остальным будет намного тяжелее.

Всё это Марта читала на лице у Серафимовича. А может, просто думала, что читает. Но ей хотелось думать, что всё не зря.

— Готовы? — спросил Сумрачный колдун и, дождавшись кивков, провёл рукой, снимая невидимые узы, удерживающие быков памяти.

Прежде чем шагнуть к огромному, дышащему пламенем быку, Марта услышала, как Виолетта Марковна организует хоровод, а Прохор Сиявуш заводит песню, и удивилась, что это песня первой борозды. А ещё до неё донеслись слова заговора, который читал Ива Медлибор — он просил землю проснуться и напитать всходы, дать им силу, дать им жизнь... А ведьма Аглая, Лилит Златановна, Агафья Тихоновна и Февронья Статс вместе со студентками встали в хоровод. И краснощёкая, улыбчивая кухарка Мавруша — тоже. Даже Бард тоже встал в круг...

Лишь Огненная ведьма Блейза стояла за кругом и смотрела на всех широко открытыми глазами. Но вот и она повернулась к круговому костру, и огонь вспыхнул с новой силой.

И Марте стало спокойно. Она поверила, что всё будет хорошо. И потому спокойно шагнула к огнедышащему быку и протянула к нему руку. Вслед за рукой к быку потянулась змея, она с лёгкостью обвила шею этого огромного страшного животного и превратилась в

ярмо с двумя деревянными оглоблями по бокам и поперечной тягой сзади. Вся эта упряжь была соединена кожаными ремнями, которые позволяли управлять быком.

Весь остальной мир словно бы перестал существовать. Марта протянула руку и взялась за повод.

Бык был огромным. Он косился на неё, громко выдыхал разгорячённый воздух, рыл копытом землю и норовил развернуться и наставить на Марту рога. Но, видимо, змея сдавливала его, и бык, как спелёнатый, стоял и ждал.

Марта потянула за повод. Поводья обожгли руки, но было вполне терпимо.

Бык нехотя шагнул, Марта за ним.

Мир вокруг неузнаваемо изменился. Ночь сменилась на день. Марта больше была не на Лысой горе, а на краю бескрайнего поля. По мрачному небу плыли рваные, хмурые тучи. Солнце, истощённое, не грело, а иссушало. Воздух был насыщен электричеством и пылью. Дышалось тяжело.

Внезапно рядом появился второй бык. Верхом на нём сидела Анна Юрьевна и управляла скотиной, держась за рога. Бык был связан едва видимым защитным полем, которое могла создавать Анна Юрьевна. Позади быка с поводьями в руках шёл Пётр Ильич. Они тоже остановились на краю поля.

— Ждём остальных? — спросила Анна Юрьевна, и Марта кивнула.

Ждать пришлось недолго. Почти сразу же из сгустившегося рядом воздуха вышагнул третий бык — увитый розами. Управлял им с какой-то отчаянной удалью Серафимович. Здесь на краю поля в своём балахоне, с розой в руках и в подкрученных усах он выглядел нелепо. Хотя, отметила Марта, берцы для поля более удобная обувь, чем её туфли.

Серафимович отвесил Марте и Анне Юрьевне с Петром Ильичом поклон, помахал розой, как шляпой с пером.

Марта прыснула, Анна Юрьевна заулыбалась. Она тоже попробовала изобразить поклон, но сидя на холке огромного быка и держась за его рога, это было сделать сложно.

Снова сгустился воздух, и появилась Анжелика. Её бык был взбешён — он оглядывался, но Анжелика исчезала в одном месте и появлялась в другом. Бык тряс головой, бил землю, фырчал, наставлял рога, но шёл туда, куда направляла его Анжелика. Упряжь на быке была самая обыкновенная, деревенская.

— Пришлось заглянуть в соседнюю деревушку, — пояснила Анжелика.

— Как там Полина? — спросила у неё Марта.

— Я не знаю, — ответила Анжелика. — Я как к быку шагнула...

Договорить она не успела. Воздух снова сгустился и на поле спокойно вышел последний бык, подошёл к кромке поля и остановился, оглянулся и призывно закричал. На быке не было никакой упряжи. Огромной бурой горой возвышался он над полем.

Марта в нетерпении оглядывалась. Да и не только она... Волновались все, кроме разве что последнего быка — он стоял спокойно и ждал.

Вновь сгустился воздух и вышагнула Полина.

— Извините, сказал она, я немного замешкалась, бык куда-то исчез... А вот он!

Полина улыбнулась, бесстрашно подошла к исполину, и принялась почёсывать ему за ушком.

Серафимович удивлённо приподнял бровь, но ничего не сказал.

— А как пахать? — спросила Полина. — Я не умею.

— Да тут никто не умеет, — ответила Марта.

— Почти никто, — поправила её Анна Юрьевна и кивнула на Серафимовича.

— Что нам делать? — спросила Марта у Серафимовича.

— Вы видели по телевизору, как трактора идут по полю друг за другом, немного смещаясь относительно друг друга, так, что каждая новая борозда ложится возле предыдущей? — спросил он в ответ.

Все закивали.

— Я пойду первым, — сказал он. — А вы решайте кто за кем. Главное, идите вдоль моей борозды, держите направление и... ничего не бойтесь.

— А что случилось в прошлый раз? — спросила Полина.

Серафимович сначала хотел отмахнуться-отшутиться, а потом, глянув, как хрупкая тонкая Полина чешет за ушком склонившего к ней огромную голову быка, ответил:

— Первым пошёл Флинт. Его борозда была ровной. Я подумал, что задание лёгкое и что зря горбунья предупреждала нас, — Серафимович бросил короткий взгляд на Марту, — Не знал тогда. А как только шагнул на поле, тут-то и началось... А тут Блейза... В общем, струсил я.

Серафимович замолчал. Он стоял, не поднимая глаз. И тогда Марта спросила:

— Так что же всё-таки на поле? К чему готовиться?

Серафимович пожал плечами.

— Думаю, у каждого своё. Единственное, что я понял за все эти годы: можно чашу страданий испытать за раз, освободиться и жить дальше победителем. Но если дашь слабину, то будешь ту же чашу пить все две тысячи лет, и она не опустеет...

— А вам действительно две тысячи лет? — спросила Анна Юрьевна.

Серафимович удивлённо глянул на неё, а потом кивнул — да, действительно. А потом задумчиво, словно бы вспоминая что-то давно забытое, с некоторым удивлением сказал:

— Я ведь был самым обычным человеком. И Флинт тоже... Но мы заключили магический контракт... Выходит, пока он не будет выполнен... — и добавил чуть слышно: — А как только он будет выполнен...

Последние слова он сказал так тихо, что кроме Марты его никто не услышал. Да и Марта не услышала бы, не будь сейчас всё её внимание сосредоточено на Серафимовиче.

Она сама не понимала почему, но ей было очень жалко декана, которого она сама ещё недавно проклинала.

Марта вспомнила о своём проклятии и испугалась.

— Стойте! — крикнула она Серафимовичу, уже взявшемуся за увитые розами поводья. — А проклятие, прозвучавшее в стенах университета магии имеет силу?

Серафимович глянул на Марту сначала удивлённо, а потом понимающе и кинул.

— Я хочу забрать его обратно, отменить! Как это сделать?

Серафимович пожал плечами и просто сказал:

— Никак. Я заслужил... — и снова тронул поводья.

— Чёртов эгоист! Всё о себе и о себе! — презрительно бросила Анжелика. — Ненавижу! Как вы не понимаете, что мы сейчас все связаны друг с другом, и если вы погибните, то и у нас шансов не будет!

Серафимович уже открыл было рот ответить, что шансов и нет, но глянув на Марту вздохнул.

— Я понимаю, что заслужил ваши проклятия. И я знаю, что вы не сможете их

отменить, — сказал он и развёл руками.

— Тогда я пойду сразу за вами, — решила Марта. — И буду исправлять свои необдуманные слова.

— Я за тобой, — Полина чмокнула быка в огромный нос, он аккуратно помотал головой и выпустил из ноздрей струйки пара.

— А мы будем замыкать, хорошо, Петя? — сказала с холки исполина Анна Юрьевна, Пётр Ильич согласно кивнул.

— Ну вот и определились с порядком, — подвёл итог Серафимович, и, обратившись к Анжелике добавил: — Я постараюсь остаться живым и помочь вам выжить. — Потом он повернулся в Марте и сказал: — Прости меня за то, что я втянул тебя и твою подругу в это дело.

— Да я в общем-то не против, — несколько легкомысленно ответила Марта и вдруг поняла, что она действительно не против.

Конечно, впереди их ждали страдания и, возможно, смертельная опасность, но Марта испытывала странное счастье, оттого, что сейчас рядом с ней был Серафимович, что он разговаривал с ней вот так запросто, что смотрел на неё... На Марту никто никогда не смотрел так. И это было счастье.

Вот сейчас нужно будет шагнуть в неизвестное и опасное, нужно собраться, настроиться, а её душа пела.

«Что же я за дура?» — спросила мысленно сама себя Марта, не замечая, что думает «вслух».

«Это называется любовь, девочка!» — тепло отозвалась Анна Юрьевна.

«Ты что, подруга, влюбилась?! Вот круто!» — радостно засияла Полина.

«В Серафимовича?! Он же гад!» — мысленно проворчала Анжелика.

«Он ведь женат...» — сникла Марта.

«Для любви это не имеет значения, — ответила Анна Юрьевна и задумчиво добавила: — Не думаю я, что он любит ректоршу. Да и что она его любит — тоже не думаю. Когда в основе отношений лежит подлость, то ничего хорошего из этого союза не получится. Так что, девочка, я рада за тебя!»

Марта сначала растерялась и густо покраснела, бросила короткий взгляд на Серафимовича: заметил он или нет. И спряталась за быка.

А Серафимович между тем взмахнул розой и хлестанул ей по крупу своего быка.

Бык вытянул голову, заревел — так, что оглушил на некоторое время. А потом тяжело шагнул на поле.

Едва бык пересёк границу, как словно бы из воздуха появился древний плуг — такой, какой можно увидеть в краеведческом музее: к деревянной раме — дышлу прикреплён деревянный отвал с железным лемехом внизу. Лемех подрезает землю и с помощью изогнутого отвала переворачивает земляной пласт. От отвала идут две крепкие ручки, держась за которые пахарь управляет процессом вспашки.

Марта стояла и сердце её ныло. Она смотрела на сосредоточенного Серафимовича, на его лицо, полное мучений и понимала, что любит его и что должна была сказать ему о своих чувствах ещё до того, как он шагнул на поле страданий.

Но время упущено и ничего с этим поделать Марта уже не могла. Она дёрнула поводья своего быка, и он шагнул на поле следом за Серафимовичем.

В звенящей тишине вспышками молний зазвучали слова.

«Марта, сколько можно говорить?!..»

«Марта, где твоя голова?!..»

«От кого, от кого, а от тебя, Марта, я такого не ожидала!..»

«Ты меня разочаровала!..»

«Я думала ты умная, а ты!..»

«Марта, сколько можно повторять?! Ты чего такая тупая?!..»

«С твоими способностями и тройка?!..»

«Другие в огонь полезут, и ты за ними?!..»

«Марта, не стой, как дуб! Делай уже что-нибудь!..»

Впрочем, последняя фраза прилетела откуда-то из другого мира. Это был... знакомый голос, но не тот, который звучал до сих пор.

Марта, ослеплённая словами-молниями, бьющими вне времени и пространства, но точно в цель, попыталась оглядеться, найти источник последних слов. Ей вдруг показалось очень важным найти этот источник, именно его. Потому что... Потому что он добавил свежей боли к привычной уже... Но вокруг уже с новой силой звучало всполохами:

«Ну сколько раз можно тебе повторять?!..»

«Если будешь плохо себя вести, я отдам тебя вон тому дядьке!..»

«Уйди от меня, видеть тебя не могу!..»

И снова:

«Марта! Держи поводья! Если быки освободятся...»

А Марта не видела поводий, не понимала, какие быки. Ей было больно, невыносимо больно, потому что снова и снова в её сердце падали:

«Ну почему я не сделала аборт! Теперь вот майся!..»

«Какая она уродливая!..»

«Доктор, а это точно мой ребёнок? Вы не перепутали?!..»

И с каждым ударом слов-молний сердце Марты сжималось. Она чувствовала себя маленькой и беззащитной. И беспомощной. Потому что ей нечего было сказать, нечего возразить. Да, она уродливая и непослушная, она плохо учится, она не смогла сдать конфликтологию, из-за неё, Марты, постоянно страдают люди. Из-за неё и только попала в беду её лучшая подруга Полина. И Анна Юрьевна с Петром Ильичом и с их не рождённым ещё ребёнком! Даже Анжелика... Даже Серафимович! Она всех подвела. Зря мама не сделала аборт. Не было бы Марты, не было бы и ничего этого, не было бы страданий. Не было бы этой боли — детской, застарелой, вросшей в хребет, как ноготь на ноге врастает в палец, и причиняющей боль при любом движении. Боли, заставляющей согнуться, сгорбиться, спрятаться от всех. Боли, заставляющей сдаться ещё до того, как сделана первая попытка чего-то добиться.

«Кто тебя полюбит, такую замарашку?!..»

«Кому ты нужна со своим характером?!..»

«Будешь так вести себя, тебя замуж никто не возьмёт!..»

Марта опустила на колени, руки её безвольно легли на землю...

И тут снова зазвучал голос, тот, источник которого Марта так и не нашла. Тот, который

добавил страданий. И тем не менее, желанный.

Он зазвучал рядом — сильный, уверенный, живой!

— Ну уж нет! Я тебя не отдам! Соберись! Ты можешь!

— Что я могу? — спросила Марта и усмехнулась. Она ничего не могла, даже встать.

— Не можешь встать ради себя, встань ради Полины, Анжелики и Анны Юрьевны! Чем дольше ты сидишь, тем им хуже! Вставай! Ты должна встать, ты должна поверить в себя! В тебе есть сила — сила твоего духа! Сила твоей дружбы, сила твоей любви!

Голос звучал и звучал, он повторял снова и снова, чтобы Марта встала и пошла, чтобы она не сдавалась. Что на самом деле она сильная, и что она справится.

— Подумай о Полине, она пропадёт без тебя! Без твоей помощи ей не выбраться! И Анне Юрьевне не выбраться, и Анжелике...

Голос звучал и звучал. Отрезвляя, встряхивая, вытесняя застарелую боль новой — опасением за подруг и за... Серафимовича.

— Марта, подумай обо мне! Как я без тебя?! Я не смогу без тебя жить! Я не прощу себе, если ты сдашься! Вставай!

И Марта поверила. Она подняла руки и сквозь слёзы смогла рассмотреть поводья.

Несколько минут Марта соображала, что это за поводья и вспомнила про быков памяти и поле страданий. Вспомнила о Серафимовиче — как он там? Она же собиралась помочь ему — в его памяти за две тысячи лет накопилось столько боли, что ему одному с ней не справиться.

Марта отёрла глаза и увидела, что она сидит посреди борозды, её бык уже почти свободен, потому что змея, чувствуя страдания Марты, быка уже почти не держала, она искала, от чего Марту нужно защитить.

Но беда в том, что защитить от воспоминаний змея была не в состоянии.

Марта оглянулась. Полина стояла бледная настолько, что веснушки исчезли. А рыжие волосы походили на пучок соломы. Она просто стояла, а её бык дышал дымом и рыл землю. И ему достаточно было развернуться, чтобы увидеть Полину и стереть её с лица земли за то, что она привела его на поле страданий. Марта поняла, что быки сейчас тоже чувствуют боль.

Она увидела, что Анжелика уже устала и у неё больше нет сил сдерживать своего быка. Анна Юрьевна ещё борется, но их бык вот-вот скинет её со своей шеи.

Марта поняла, что они стоят, потому что стоит она. Они не могут пройти вперёд неё, потому что борозда должна лечь к борозде.

И тогда Марта поднялась. Через боль, через страдания... Через силу.

«О своих страданиях я подумаю после, — решила она. — Сейчас нужно побыстрее закончить вспашку этого чёртова поля, чтобы Полина, Анна Юрьевна с Петром Ильичом и Анжелика смогли поскорее уйти отсюда».

Змея, почувствовав Мартину решимость сжала быка, и он нехотя пошёл вдоль борозды, оставленной Серафимовичем.

Серафимович шёл впереди, постоянно оглядываясь. Убедившись, что Марта встала, Он выровнял свой плуг и хлестнул быка по крутому крупу розой. Бык прибавил скорости.

Марта мысленно поблагодарила Серафимовича и тоже хлестнула, подгоняя своего быка — с неприятным делом нужно разделаться как можно быстрее.

«Вы как?» — спросила мысленно Марта у подруг и аж присела от их боли, открывшейся ей на миг.

И тогда Марта принялась уговаривать подруг, поддерживать их, угрожать и всячески

побуждать двигаться.

Полина просто подчинилась. Она тупо шагала, держась за ручки плуга, который появился, едва её бык ступил на поле. Она как деревянная кукла переставляла ноги, и Марта хвалила её — главное, не останавливаться!

Анжелика шла, упрямо стиснув зубы и с ненавистью вгрызаясь плугом в поле страданий. Марта восхищалась её выдержкой, говорила, что гордится ею, и ещё больше будет гордиться, когда та закончит эту тяжёлую работу!

Анна Юрьевна и Пётр Ильич завершали пахотный клин и Марта хорошо видела, как они устали. Она подбадривала их, говорила, что их взаимная нежность и ей помогает держаться.

А ещё ей было нестерпимо стыдно, что она заставила всех лишнее время простоять на поле. Добавила им лишних страданий. Настолько стыдно, что голоса-всполохи зазвучали с новой силой, вновь заставляя Марту сгорбиться. Она едва снова не погрузилась в переживания, но снова услышала голос Серафимовича:

— Потом будешь страдать! Лучшее, что сейчас ты можешь сделать для них, это пахать, не останавливаясь!

Марта поняла, что и до этого она слышала его голос. Это он помог ей встать. Это благодаря ему она нашла в себе силы и теперь может помочь подругам.

А ещё Марта заметила, что как только она переставала думать о себе, боль отступала. И возвращалась с новой силой, едва Марта погружалась в свои переживания и страдания.

Марта продолжала слышать слова-всполохи, и они по-прежнему били в цель. Вот только она теперь фокусировалась не на них, а на том, чтобы облегчить участь близких ей людей. И от этого ей самой становилось легче переживать воспоминания.

Идти по борозде было тяжело. Длинное платье мешалось — Марта постоянно наступала на подол, пришлось его подоткнуть повыше. Университетские туфли вообще для этого не были приспособлены.

«А как же Пётр Ильич? У него вообще обмотки!» — мысленно спросила Марта и увидела в ответ слёзы на глазах Анны Юрьевны.

«Идти. Мы должны идти... Мы должны вспахать это чёртово поле!.. — донеслась едва слышная мысль Анжелики. — Главное, не сдаваться!»

«Полина, ты как?» — спросила Марта.

Но ответа не получила. Полина, словно деревянная шагала за своим быком.

«Ты держись, дорогая! Ты справишься! Мы вместе справимся!» — подбодрила её Марта и услышала в ответ обрывок мысли:

«Бард...»

Сердце Марты сжалось новой болью — теперь уже за Полину, за её поруганную любовь.

«Бедная девочка...» — прошептала Анна Юрьевна.

«Все они сволочи! — категорично отрезала Анжелика. — Никому нельзя верить!»

«Ты не права» — возразила Анна Юрьевна.

Марта попробовала представить себя на месте Полины, а вместо Барда — Серафимовича и содрогнулась — страшнее и больнее картины не существовало.

Она глянула на Серафимовича, идущего впереди и удивилась — его плечи опустились, а спина сгорбилась, словно он нёс непосильный груз.

«Бедный, — подумала Марта. — Он даже не знает, что я люблю его...»

И тут Серафимович запнулся. Его плуг наткнулся на камень. Бык напрягся, розовые шипы впились в кожу, бык заревел диким зверем, дёрнулся в сторону, Серафимович

качнулся и упал.

Марта вскрикнула и, забыв обо всём, кинулась к нему.

— Не отпускай поводья! — крикнул декан, но было поздно.

Марта оббежала своего быка и склонилась к Серафимовичу, помогая ему подняться.

И тут, скорее почувствовала, чем увидела, как её бык, оставшись без управления — змея кинулась за Мартой — разметав пахотную упряжь и, наставив рога пошёл на неё, Марту, и Серафимовича, который всё никак не мог подняться. Падая, он подвернул ногу. Высокое голенище берца защитило голень от перелома, однако совсем без травмы, явно, не обошлось.

Бык готов был уже кинуться на них, когда в его сторону полетели одновременно змея и верёвка из роз.

Словно наткнувшись на преграду, Мартин бык остановился.

Не успела Марта вздохнуть с облегчением, как увидела, словно в замедленной съёмке, что Полина бессильно опускается на землю, её бык удивлённо оглядывается и призывно мычит, но Полина некоторое время сидит, а потом ложится на землю. Полинин бык потоптавшись некоторое время на месте, принимается щипать сухие былинки, плуг волочится за ним — без направляющей руки он чертит по земле, иногда зарывается, но мощное животное словно бы не замечает возникающие помехи.

Марта отпустила Серафимовича и кинулась к Полине.

Лишившись её поддержки, Серафимович, вскрикнув, осел.

И тогда Марта остановилась. Она не знала к кому бежать: к подруге или к любимому.

Но увидев, что Серафимович, хоть и страдает, а держится, она кинулась к Полине, которая лежала обессиленная.

— Поле в марте, поле в марте... — грустно улыбнулся ей вслед Серафимович.

Подбежав к подруге, Марта попробовала поднять её.

— Оставь меня. Я не хочу жить, — прошептала Полина.

— Глупости ты говоришь! — возразила Марта. — Мы должны двигаться, подруга!

— Мне некуда двигаться. Я никчёмное создание... Кукла. Даже Бард...

— Бард сволочь! — прервала её Марта. — Вставай! Не позволяй ему одержать верх!

Марта подставив плечо попыталась поднять Полину.

— Он уже победил. Мне больше незачем жить, — прошептала Полина, вновь опускаясь на землю.

— О, Господи! Боже ж ты мой! Что за чушь ты говоришь? — возмутилась Марта. — Конечно, тебе есть зачем жить! А твои родители как же? Как они без тебя.

Полина вздохнула, но встать даже не попыталась.

— А я как? Кто научит меня общаться с парнями?

— У тебя уже есть Серафимович, — попробовала возразить Полина. — А у меня никого нет, — и тихо добавила: — И не было...

— Ты не права! Ты красавица! Да все парни на тебя заглядываются! Подумаешь Бард! Да знаешь сколько Бардов у тебя ещё будет?!

— Вот именно... Бардов... — усмехнулась Полина и снова легла. — А хочется нормального парня. Ты иди. Тебе надо жить. Тебе есть зачем жить. Ты и умная, и красивая. А я останусь тут.

— Чушь! — вскрикнула Марта. — Чушь! Чушь! Чушь! Никакая я не умная и уж точно не красивая! Да если б не я, мы бы сейчас не оказались тут. Тусили бы где-нибудь в клубе!..

Полина вздохнула и ничего не ответила.

— Если ты не пойдёшь, сдалась Марта, то и я никуда не пойду. Умрём вместе!

— Мне всё равно, — прошептала Полина, закрывая глаза.

— Ну а мне тогда тем более всё равно, — рассердилась Марта и легла рядом с Полиной.

Марту душили слёзы обиды и бессилия. Она сдерживала их сколько могла, но они прорвали плотину сдержанности, и Марта заплакала.

Полина лежала и не шевелилась. И было непонятно, жива она или нет.

И тогда Марта, сдавшись, обняла подругу и, уткнувшись ей в плечо, зарыдала в голос. От собственного бессилия, от собственной никчёмности, от невозможности изменить обстоятельства. Она плакала от отчаяния и чувства вины, от страха, что они так тут и останутся, от страха, что Полины не станет.

Марта не могла даже мысли допустить, что Полины не станет, и понимала, что изменить сейчас ничего не может.

— Бард был под заклятием, — раздался над ней холодный голос Серафимовича.

— Что? — Марта подняла заплаканное лицо.

— Бард был под заклятием. Он не такой. Он... — в голосе Серафимовича звучали презрение и отвращение. И ненависть...

— Зачем? — спросила Полина.

— Что зачем? — вопросом на вопрос ответил Серафимович.

— Зачем вы так?

— Как?

— Зачем вы накладываете на людей заклятия?! Что люди вам сделали?

Полина села. На её щеках появился румянец. Её глаза пылали ненавистью.

Серафимович пожал плечами.

— Мне было скучно. — И добавил холодно и высокомерно, словно залепил по пощёчине: — Вставайте! Вы должны допахать это чёртово поле! Сопли потом будете разводить.

Повернувшись к подругам спиной, Серафимович, хромя, пошёл к своему быку.

— Ненавижу! — бросила ему вслед Полина и поднялась. — Ненавижу!! — прокричала она, подходя к быку и подводя его к борозде. — Ненавижу!!! — прорычала она, берясь за рукоятки плуга.

Марта стояла и растеряно смотрела на подругу. Она впервые видела Полину такой.

— Чего стоишь? — зло кинула Полина Марте. — Паши давай!

И Марта побежала к своему плугу.

Пахотный клин снова тронулся по полю страданий.

Марта смотрела на сгорбленную спину Серафимовича и думала о том, что в его словах было правдой? Действительно ли Бард был под заклятием или Серафимович нарочно так сказал, чтобы Полина разозлилась и поднялась?

Оглянувшись на Полину, Марта удивилась перемене, произошедшей с подругой. Вот только она лежала без сил, а теперь было такое ощущение, что и без быка может тащить плуг и не заметит даже его веса.

«Ей ненависть помогает, — ответила Анна Юрьевна. — В ненависти большая сила...»

Марта оглянулась на Анну Юрьевну. Та по-прежнему сидела на быке, а Пётр Ильич шёл за плугом. Но по неустойчивой походке и опущенным плечам было понятно, что им обоим очень тяжело. Не пахать, нет — тяжело вспоминать.

А ещё Марта увидела, как Анна Юрьевна постоянно оглядывается и старается держать

быка, чтобы тот шёл ровно, чтобы Петру Ильичу было легче. А он старается держать плуг ровно, чтобы бык шёл ровно, чтобы Анне Юрьевне было легче управлять им.

Даже отсюда, издалека Марта почувствовала ту нежность и заботу, которые окружали Анну Юрьевну, Петра Ильича и даже их быка.

И ей показалось, что их быку это нравится.

Анжелика же просто пахала. Подоткнув юбку и упираясь в поручни плуга, она решительно шагала по только что проложенной борозде.

Марта видела, что Анжелике тяжело. И ещё она поняла, что для Анжелики это привычный способ справляться с трудностями — работать, работать, работать... За делом не остаётся ни времени, ни сил для страданий. Видимо так же Анжелика хваталась за всякую работу, чтобы справиться с болью от предательства молодого человека и от страха перед толпой, когда те, кого она несколько минут назад считала если не друзьями, то приятелями, тащили её на улицу и кричали «На костёр её!». Видимо, спасаясь в работе от боли, Анжелика и стала помогать Серафимовичу готовить заклятие роз...

Солнце стояло над головой, сильно хотелось пить, силы заканчивались у всех — человеческие возможности не беспредельны, а конца-краю этому полю видно не было.

В какой-то момент Марта запнулась, и не упала только потому, что держалась за поручни плуга.

Потом она запнулась снова...

Потом ещё раз...

Но вот быки дошли до конца поля. Развернулись. И пошли на второй круг.

И тогда Марта почувствовала отчаяние, потому что поле страданий было бесконечным.

Вскоре у Марты не осталось сил смотреть за Полиной, Анжеликой и Анной Юрьевной с Петром Ильичом. Она только видела спину Серафимовича. Марта уже не разглядывала опущены ли у него плечи или нет... По-прежнему ли он хромает? Ну да, хромает, а как же иначе?..

А иначе никак... Это поле страданий. А страдания бесконечны. Особенно, когда человек в жизни остутился. После этого ему до конца жизни суждено хромать, тащить на себе отметину о проступке. И даже самые лучшие берцы тут не помогут.

Марта вдруг подумала, что Серафимович все две тысячи лет ждал, что ему придётся допахать это чёртово поле, выполнить магический договор. Поэтому он и ходил в берцах — был готов... А что, вполне!

Эта мысль Марте понравилась. Но тут пришла следующая — а что у него за часы? Сумрачный колдун, когда увидел часы, то не захотел пожать руку Серафимовичу. Значит, это не просто часы, а какой-то прибор... По перемещению? Откуда и куда? Из этого мира в тот? А зачем? Зачем Серафимович носит эти часы и почему во всём университете магии нет часов. И зеркал тоже нет...

Марта усмехнулась — они столько с Полиной мечтали о том, чтобы где-то в тишине и покое поговорить, обдумать всё, что происходило с ними с тех пор, как они попали под заклятие роз. Теперь у Марты было много времени — думай не хочу!

«Хочу думать или не хочу?» — подумала Марта и усмехнулась своим мыслям. Думать приходилось невзирая на желания. Во-первых, потому что голову нужно было чем-то занять, чтобы справиться с болью. А во-вторых, нужно было найти выход — поле бесконечное и простому смертному человеку не под силу вспахать его всё. Даже пятерым смертным не вспахать! Значит, нужно найти решение... Должно быть решение!

«Думай, Марта, думай!» — приказала она себе.

Бабушка учила её в трудных ситуациях идти к истокам. Идти туда, где всё началось.

Что ж, к истокам, так к истокам... только где они, эти истоки?

Марта оглянулась на подруг и сердце её сжалось от боли за них. Она оглядела поле — конца-краю по-прежнему не было видно. Она снова зацепилась взглядом за спину Серафимовича — началось всё с него. С его предательства. И если бы это можно было бы как-то изменить... Вернуться и убедить или заставить его пахать поле там... тогда...

Но время течёт и повернуть его вспять невозможно — это все знают.

Или всё-таки можно?

И что будет, если повернуть время вспять? Ну вернётся туда Серафимович, допашет поле вместе с другом и что?

А ничего! Не будет университета магии, не будет этой странной битвы с Сумрачным колдуном, не будет студенток и преподавателей, а главное, не будет здесь самого Серафимовича...

Сердце Марты сжалось от боли и на глазах выступили слёзы.

Получалось, для того, чтобы облегчить участь Полины, Анжелики и Анны Юрьевны с Петром Ильичом, нужно пожертвовать Серафимовичем. Всё в душе воспротивилось этим мыслям.

— Он не пешка, чтобы им жертвовать! — сказала себе Марта.

Сказала негромко, но Серафимович, казалось, услышал её. Он словно бы ждал чего-то такого. Оглянулся и посмотрел на Марту, потом замедлил ход, а после и вовсе остановился.

Марта удивлённо смотрела на него. Она с трудом разогнула уставшую спину и сейчас не знала: радоваться ли передышке, опасаться ли новой волны страданий или... Ох, не зря Серафимович перестал пахать!

А он между тем оставил своего быка и сильно хромя пошёл к Марте, помахав всем остальным, чтобы они тоже подошли.

Марта смотрела на него и видела перед собой человека, во всём виде которого просто вопила обречённость.

Когда все собрались, Серафимович хрипло сказал:

— Вы должны принести меня в жертву. Вы тут из-за меня, и, если принесёте меня в жертву, поле отпустит вас.

— Нет! — ответила Марта чуть быстрее, чем все остальные. — Нет!

Даже Полина сказала с неприкрытой ненавистью:

— Нет!

Именно Полинину «нет» Серафимович удивился больше всего. И спросил у неё:

— Почему нет? Вам-то я больше всего страданий доставил.

Полина усмехнулась и зло ответила:

— Сбежать хотите?

— В смысле? — удивился Серафимович. — Я хочу вам облегчить жизнь.

— Сбежать хотите... — Полина усмехнулась. — Сбежать от страданий... Нет уж! Пащите идите!

— Но ведь... — Серафимович был обескуражен.

— Понимаете, уважаемый, — вмешался в разговор Пётр Ильич. — Вот вы принесёте себя в жертву. А как нам потом с этим жить? Вы побывали в этой шкуре уже, не так ли?

Серафимович удивлённо посмотрел на Петра Ильича, а потом обвёл взглядом остальных и растерянно произнёс:

— Я только думал...

— Как всегда вы думали только о себе, — отрезала Анжелика, но в её словах не было привычной Марте резкости.

И тогда Марта неожиданно для самой себя спросила у Серафимовича:

— А если бы была возможность вернуться на две тысячи лет назад и там допахать поле, или сделать то, что вы сделали, что б вы сейчас выбрали?

Серафимович грустно посмотрел на неё и тихо ответил:

— Дня не было, чтоб я не думал об этом. И ещё совсем недавно мой ответ был бы однозначным — я бы допахал несмотря ни на что. А вот сейчас я не знаю.

И Серафимович заглянул в глаза Марте. И она в его глазах, как в зеркале, увидела себя. Нет, не отражение — образ. От этого одного взгляда перед Мартой обнажилась душа Серафимовича, душа, полная любви к ней, к Марте.

— Если я сейчас отправлюсь туда, я не буду помнить ничего из... Я не вспомню вас, не вспомню университет, ничего...

— Куда не кинь, всюду клин, — покачала головой Анна Юрьевна.

— То есть, вы с этими воспоминаниями готовы умереть, но не готовы жить? — презрительно спросила Полина.

Марта с удивлением посмотрела на Полину. Она не узнавала подругу — та открылась

для неё совершенно с новой стороны.

Серафимович стоял растерянный.

— Это поле бесконечно, — пробормотал он.

— В природе нет ничего бесконечного, разве что человеческая глупость, — пожал плечами Пётр Ильич.

Серафимович уставился на Петра Ильича, а потом перевёл взгляд на его ноги. Пётр Ильич был босой. Обмотки то ли потерялись, то ли он сам снял их, и теперь стоял просто. Закатанные до колен штаны оголяли крепкие мускулистые икры, и Марта подумала, что, наверное, босиком по свежевспаханному полу хорошо пройти, приятно...

«Пройтись! — оборвала она себя, — А не работать!»

Серафимович, глядя на ноги Петра Ильича, сказал:

— Я сделал для вас столько зла, а вы готовы ради меня... — в голосе его прозвучало искреннее сочувствие.

— Не обольщайтесь, — отрезала Анжелика, — не ради вас. Ради себя и своей чистой совести. Может, мы уже приступим к работе, пока быки не разбежались.

Но быки спокойно стояли и ждали, когда закончится совет. И это удивило Марту. Она хорошо помнила, как в самом начале быки норовили освободиться.

Эта перемена в поведении животных добавила Марте уверенности, и она сказала:

— Скоро всё закончится. Давайте работать.

Похоже, что этот совет не только ей добавил сил. Марта шла за быком и чувствовала — что-то незримое изменилось над полем. То ли тучи стали не такими рваными, то ли солнце больше не жгло, не сушило, то ли земля стала мягче, податливей, то ли у пахарей открылось второе дыхание... А, может, просто появилась надежда.

По-прежнему сильно болела спина, уже дрожали от усталости ноги. По-прежнему слова-всполохи били точно в цель. Но на душе стало светлее, словно страдания очистили душу.

«Как город после грозы, — подумала Марта, налегая на плуг. — Где-то ветром сбило веточки, где-то даже деревья поломало, но в целом город, напоённый влагой, радуется солнышку и радуге».

Марта в поисках радуги непроизвольно взглянула на небо.

И действительно, от горизонта к горизонту раскинулся многоцветный мост.

Любуясь на него, Марта с улыбкой допахала очередную борозду и вдруг обнаружила, что поле страданий закончилось.

Серафимович стоял растерянный и смотрел на приближающихся Анну Юрьевну Петра Ильича — их борозда была последней.

— Ничего не понимаю, — сказал он, и Марте было непонятно: то ли он высказывает мысли вслух, то ли говорит лично ей. — Блейза сказала, что поле страданий не отпустит без жертвы. А мы вспахали его и никакой жертвы не потребовалось...

Пока Марта соображала, что ответить, вмешалась Анжелика:

— Нам же ещё засеять его нужно.

— А где семена — спросила Анна Юрьевна, всё ещё восседавшая на своём быке.

Остальные быки смиренно стояли рядком. И тоже было непонятно: они сильно устали или укрощены и ждут команды.

— Красиво, — прошептала Полина, любуясь радугой.

— Да, — согласилась с ней Марта.

Остальные ничего не ответили, но на некоторое время разговоры стихли.

И вдруг сзади послышалось пыхтение. Оказалось, это рыжий кот Мартин тащит увесистый мешочек.

Не обращая внимания ни на Марту, чему она очень удивилась, ни на кого другого, Мартин поднёс мешочек Серафимовичу и положил его у ног декана.

Потом встал на задние лапы и... и начал расти...

Через минуту перед Серафимовичем стоял широкой кости светловолосый парень — крепкий, как кремь.

Серафимович побледнел и прошептал:

— Флинт?..

— А ты изменился, Рок, — Бывший Мартин хлопнул Серафимовича по плечу.

— А ты, Флинт, нет, — покачал головой тот.

— Не слабый поворотец! — прокомментировала Анжелика и усмехнулась.

Флинт не обратил внимания на слова Анжелики. Он стоял и смотрел на Серафимовича. Серафимович в свою очередь не отрывал взгляда от своего давнего друга. И Марта подумала, что это испытание, пожалуй, будет посложнее, чем вспахать поле страданий на быках памяти. И то, что Серафимович дошёл до конца, позволило ему теперь выдержать взгляд своего друга... Друга, которого он когда-то предал. Теперь же он до конца испил чашу страданий, точнее, вспахал поле...

Марта стояла и рассматривала их. Флинт был моложе и мускулистее, Серафимович казался старше, опытнее. Его «хэндлбары» раскрутились и теперь кончики усов опустились, изменив облик декана.

В какой-то момент дуэли взглядами Марте захотелось вмешаться, и она шагнула вперёд.

— Мартин... Флинт, — обратилась она к парню.

Он оглянулся на неё и его взгляд потеплел.

— Здравствуй, Марта, — сказал он и ласково улыбнулся. — Ты так похожа на... горбунью, что...

Марта поначалу смутилась, но потом выпрямилась и спокойно ответила:

— Я не она, — Флинт покачал головой, а Марта продолжила: — Нам нужно засеять поле. Вы принесли семена? — Марта кивнула в сторону мешочка, который лежал у ног Серафимовича.

— Семена? — переспросил Флинт. — А... Да... Это семена. Зубы дракона...

— Мы не будем сеять зубы дракона, — ответила Марта.

Она сама не знала, откуда пришло это решение. Всё произошло спонтанно. Но допаханное на быке памяти поле страданий, кроме усталости дало ей что-то ещё...

Флинт удивился и на некоторое время потерял дар речи. Но потом всё же спросил:

— Почему?

— Потому что что посеешь, то и пожнёшь, — просто ответила Марта, и сама удивилась очевидности этих слов.

— Но Сумеречный колдун... — вмешалась Полина.

— Поль, — перебила её Марта. — Как бы ни было вспахано поле, но из семян кукурузы никогда не вырастет пшеница! Если мы хотим посеять доброе, нужно взять хорошие семена. А из зубов дракона вырастут только воины. И какая разница какому правителю они будут служить, они могут только воевать!

— Но государству нужна защита, нужна хорошая армия! — возразил Пётр Ильич. — Последнее время наша армия стала сильнее и другие страны начали с нами считаться!

— С одной стороны, вы правы, — согласилась Марта, — Но с другой стороны, хочется посеять что-то разумное, доброе, вечное... Чтобы вообще никогда войны не было.

— Ты идеалистка, — возразила Анжелика. — Люди по сути своей таковы, что они найдут из-за чего воевать! И уж лучше иметь хорошую армию защитницу, чем бояться, что кто-то позарится на наши территории и захочет освободить их для себя.

— Так у нас же земли много, её для всех хватит, — сказала Полина и пожалала плечами, мол, это же очевидно.

— Поэтому у нас вырубают леса, качают нефть и газ и отправляют их за границу, — усмехнулась Анна Юрьевна. — Не думают о том, как будут жить наши дети...

Серафимович и Флинт стояли и смотрели на людей. Оба молчали.

— А обязательно засеивать? — спросила Полина у Марты. — Может ну её...

— Если не засеять, то вырастут сорняки, — Марта задумчиво посмотрела на бескрайнее поле. — Представляешь, целое поле сорняков...

Полина тоже посмотрела на поле и спросила:

— А убирать урожай кто будет?

Все в ожидании ответа повернулись к Флинту и Серафимовичу — как к самым опытным, но те лишь развели руками. Весь их двухтысячелетний опыт не мог тут помочь.

Над полем повисла тишина. Было слышно лёгкое дуновение ветра. Где-то высоко вёл свои трели жаворонок. В небе по-прежнему светила радуга. Поле — ровное, чёрное — вспаханное, политое потом, готовое принять семя уходило за горизонт.

На краю пашни стояли люди и решали, каким будет их будущее и будущее их детей и не могли прийти к общему решению. Все хотели лучшей доли, но все видели эту долю по-разному.

— А если посадить цветы? — спросила Полина. — Ну, чтоб красиво было...

Пётр Ильич снисходительно улыбнулся и сказал задумчиво:

— Не цветы, конечно. Если не армию, то хлеб сеять нужно... Пшеницу.

— Или царицу полей кукурузу, — засмеялась Анжелика, но её смех прозвучал не радостно.

— Вот уж не думала, что это будет проблемой! — усмехнулась Марта и взяла горсть земли, помяла её в руке. — Я хлеб вообще не ем...

Анна Юрьевна посмотрела на Марту и тоже взяла горсть земли, понюхала её и сказала:

— Раньше казалось, что если всех людей накормить, дать крышу над головой, то все будут счастливы и войн не будет. И вот сейчас голода нет, жить... жить худо-бедно есть где, но воюют по-прежнему, если не ещё хлеще... Почему?

— Ну тут всё просто, — ответил Пётр Ильич. — Всё дело в базовых потребностях, — и продолжил, загибая пальцы: — Сохранение жизни... Это еда и жильё. Продолжение рода, то есть секс. И доминирование, желание выделиться, властвовать... И вот они-то никогда не позволят человеку примириться с собой и с обществом. То есть, это на биологическом уровне заложено в нас... Так что, даже не знаю, как лучше.

— А если у каждого будут свои семена и каждый посадит то, что он считает нужным? — спросила Полина.

— Это будет не красиво — всё поле пёстрое, как... — ответила Анжелика, и Полина согласилась с ней. — Да и как потом убирать?

— Так что мы решим? — спросил Пётр Ильич. — Не можем же мы тут стоять вечно?

— По логике это должен быть хлеб, но... Это так на поверхности, что... — Марта пожала плечами.

Анжелика наклонилась и подняла мешочек с семенами и, разглядывая его, сказала:

— Кстати, по сказкам зубы дракона убирать не надо. Они вырастают и сами... уходят, — И снова невесело рассмеялась.

Флинт с Серафимовичем переглянулись и Серафимович выступил чуть вперёд.

— Вы позволите?..

— Конечно! — ответил Пётр Ильич. — Вы наравне со всеми пахали поле, так что вправе наравне со всеми решать, что посеять.

— Мы выгоняли гусей... — начал Серафимович раздумчиво.

— Это были не упокоенные души солдат, — уточнил Флинт и согласно закивал.

— Мы видели... Мы почувствовали...

— Это было страшно...

Флинт и Серафимович рассказывали историю, которую Марта уже слышала от Агафьи Тихоновны — легенду о двух друзьях, которые встретили молодую колдунью и согласились выполнить магических договор. Только из уст Агафьи Тихоновны это звучало как сказка. А из уст Флинта и Серафимовича — как пережитая и переосмысленная быль. И рассказанная вот так — одновременно и по очереди, эта история объединяла их, как всегда объединяет пережитое вместе.

Марта смотрела на Флинта и Серафимовича, и видела двух друзей, которые понимают друг друга с полуслова... Несмотря на случившееся — понимают друг друга!

И именно это сильнее всего доказывало, что легенда — никакая не легенда.

— Так вот, — подвёл итог Серафимович. — Мы видели войну изнутри. Не просто какой-то конфликт, а монстра. И мы думаем... — он посмотрел на Флинта.

Флинт согласно кивнул.

— Мы думаем, — продолжил Серафимович, — что садить нужно зубы дракона. Мир нужно защищать.

Марта смотрела на него и понимала, что она согласна. Единственное, что её смущало, она не понимала: согласна она потому что это Серафимович сказал или потому что она сама так думает.

— Тем более, что других семян-то и нет, — тихонько добавил Пётр Ильич.

Когда Марта кинула в землю последние зубы-зёрна, она оглянулась на друзей. Все шли ровно и тоже закончили сеять. И теперь стояли, смотрели на поле, которое уже ощетинилось первыми ростками. Ростки поднимались, вытягивались, росли...

Стояли вшестером. Флинт с быками остался на той стороне.

Когда Марта наклонилась к мешочку с семенами, тот распался на пять. Посоветовавшись, решили быков оставить с Флинтом, а самим идти пешком и сеять, как на старинных гравюрах или в исторических фильмах: сеятель шёл по полю и широкими взмахами кидал семена в подготовленную землю.

Поле страданий, хоть и вспаханное, всё равно било болью, но теперь пахари знали, что поле конечно, и это давало им силы.

Удивительнее всего было то, что семян в небольших мешочках оказалось ровно столько, сколько нужно было для этого поля. Засеянным оно оказалось всё, и гораздо быстрее, чем вспахано.

И теперь Марта с подругами, Петром Ильичом и Серафимовичем, смотрели, как из-под земли прорастают и набирают силу «ростки»...

— ...Там о заре прихлынут волны на брег песчаный и пустой, и тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных, и с ними дядька их морской... — прокомментировала Анжелика.

— Прекрасных? — спросила Анна Юрьевна и в её голосе прозвучала неприкрытая тревога.

И действительно, чем сильнее вырастали воины, тем страшнее, отвратительнее они были.

— А что ещё могло вырасти из зубов дракона? — спросила Анжелика и судорожно вздохнула.

Воины, поднимаясь из земли, неотрывно смотрели на сеятелей, и во взглядах их была лютая ненависть ко всему живому.

— Вот тебе и защитники... — Анна Юрьевна была растеряна и не скрывала этого.

— Зря мы всё-таки посеяли зубы дракона, — прошептала побледневшая Полина.

— Других семян нам не дали, — оправдываясь, ответила Марта.

Она чувствовала свою вину и готова была расплакаться от отчаяния — она опять подставила близких людей. Ведь это именно её слово было последним, именно она поддержала Серафимовича и согласилась сеять зубы дракона.

Воины поднимались всё выше и выше. Они ещё не полностью выросли из-под земли, ещё пока оставались в ней по пояс, но уже сейчас были выше ростом и, судя по всему, гораздо сильнее даже Петра Ильича и Серафимовича, чего уж говорить о хрупких девушках?..

— Что же нам делать? — в отчаянии спросила Полина.

Марта понимала её. Вот сейчас воины «созреют», и Марта с подругами и Серафимовичем с Петром Ильичом окажутся один на один с ними. И судя по пристальным взглядам, какими воины смотрели на них, ничего хорошего сеятелей не ждало.

В позах, во взглядах сеятелей читались недоумение, обречённость и страх. Тот самый страх перед неотвратимым несчастьем, неотвратимой бедой.

И беда действительно была неотвратимой — спрятаться некуда, воевать бессмысленно.

Нужно было срочно что-то придумать, но Марте в голову не приходило ни одной мысли. Страх парализовал её и заставлял смотреть в глаза этим монстров и тупо ждать смерти.

— В легенде Ясон кинул в воинов огромным камень, — прозвучал неуверенный голос Анны Юрьевны. — И они начали драться между собой... Ясону оставалось только добить ослабших воинов... — вспомнила она легенду.

Но Анжелика возразила ей:

— Ясон был герой! Или как сейчас сказали бы — супергерой. А мы простые девушки и сражаться не умеем. Да и подходящих камней поблизости нет...

Марте было странно слышать такие слова от Анжелики, она уже свыклась с мыслью, что староста — девушка боевая и никогда не сдаётся. Но, видимо, и её страх лишил воли.

— Да уж, золотое руно нам не светит... — согласилась Анна Юрьевна, и Марта судорожно сглотнула: если и Анна Юрьевна сдастся...

А собственно, что Анна Юрьевна? Или что Анжелика? При любом раскладе им не справиться с войском, никак не справиться.

Пришла беда, открывай ворота, и в них войдут вот эти «зубы дракона»

«Хоть бы уж побыстрее...» — не закончила свою мысль Полина.

И Марта обняла её за плечи — не успокаивая, нет. Бессмысленно успокаивать, когда огромное войско, полное ненависти поднимается из-под земли и тебе от него никуда не деться.

Воины уже выросли по колено и скоро, очень скоро смогут двигаться, но у Марты решения не было — не было рядом огромных камней, чтобы кинуть, как Ясон и заставить воинов драться между собой, да и силы на это не было... не было и оружия, чтобы хотя бы попытаться дать отпор... И воевать они не умели.

Оставалось только молиться, чтобы закончилось всё быстро.

«Если смерти, то мгновенной...» — подумала «вслух» Марта и девушки переглянулись.

«Мне страшно...» — всхлипнула Полина.

«Мне тоже, солнышко» — ответила Марта и сильнее прижала к себе подругу.

«Мы умрём?» — спросила Полина, не догадываясь, что выражает сейчас мысли всех, кто стоял рядом с ней.

«Да что ты! Нет, конечно! — чересчур искренне возмутилась Анжелика. — Эти красавцы позовут нас в клуб, и мы будем с ними танцевать до самого утра!»

«Зачем ты так? — пожурила её Анна Юрьевна. — Полина, солнышко...» — Анна Юрьевна тоже обняла Полину, и Марту заодно, а вторую руку протянула Анжелике.

Та, подумав немножко, присоединилась. Марта тоже обняла её, замыкая круг.

Стояли некоторое время молча.

Воины росли. К концу рост их немного замедлился, как будто специально, чтобы продлить пытку страхом

— Хоть бы быки были, — не выдержала Анжелика. — Мы бы их направили на войско...

— А может, быки и не смогли бы помочь, — задумчиво сказала Анна Юрьевна. — Быки — это память. А память в страхе не помощник...

— Ну да, — согласилась с ней Марта. — Кто как, а я сейчас вспоминаю, наверное, все моменты в своей жизни, когда я проиграла. А их не мало...

— Я тоже... — подтвердила Анжелика.

— И я, — всхлипнула Полина.

«Интересно, о чём сейчас вспоминает Сеафимович?» — подумала Марта и посмотрела на мужчин.

«Какая разница?! Из-за него мы тут!» — фыркнула Анжелика и тут же добавила вслух: — Ой, Марта, извини!

Марта всем своим существом ощущала ужас — не только свой, но и тех, кто стоял рядом с ней.

Да, они стояли на краю поля страданий и ждали своей участи!

Потому что бежать было некуда, прятаться — негде.

Страх и ужас, ужас и страх — вот и все чувства, которые витали теперь над полем страданий.

Марта посмотрела на Серафимовича. Ведь это он предложил сеять зубы дракона. Да и быков памяти оставить на той стороне поля — тоже было его идеей. И сейчас его ужас и страх были отягощены чувством вины. Ей стало невероятно жаль декана.

«Мужчинам сейчас намного тяжелее, чем нам, — словно продолжила её мысль Анна Юрьевна. — Они природой созданы защищать нас. Вы даже представить себе не можете, каково это понимать, что женщин сейчас... и не мочь хоть что-то сделать...»

И отпустив Анжелику, она протянула руку Петру Ильичу.

Серафимович остался стоять один. Марта очень хотела позвать и его в круг, но ей было неудобно перед подругами...

Анна Юрьевна, почувствовав её желание, позвала декана:

— Идёмте к нам!

И он с облегчением шагнул и сгробастал всех, закрывая своим телом от воинов.

И Марта почувствовала если не спокойствие, то некоторое умиротворение. Потому что теперь, когда они все вместе, все едины и равны перед лицом смерти, когда есть понимание, что будущее неотвратимо, то и страх отступил.

Шло время, но воины не нападали.

Выглянув из-за плеча Серафимовича, Марта увидела, что воины выросли полностью, но почему-то продолжали стоять.

Время шло, воины стояли.

Время шло...

Ей стало интересно, почему воины не бросаются и не убивают их. Марта прислушалась к ощущениям и вдруг осознала, что страха больше нет.

Воины стояли и смотрели на сеятелей и не шевелились, не делали ни шага.

Казалось, мир замер, и время остановилось.

В какой-то момент Марта почувствовала, что ей неудобно стоять — тело устало от неподвижности, оно требовало движения.

Марта переступила с ноги на ногу, и воины на поле качнулись, но только качнулись, с места не тронулись...

Марта невольно поморщилась — ей показалось странно знакомым это единое движение. Словно... словно качнулась змеиная голова вслед за движением жертвы...

И сначала в её, Мартиной голове, как заезженная пластинка, зазвучало, а потом она вышла из круга и повторила уже вслух:

Стану Полоза... Невестой Полоза...

Стану верной ему женой.

Силу волоса, силу голоса

Сотворю над этой землёй.

Станут борозды, станут полосы...

Станет каждая из них змеей...

Стану Полоза, невестой Полоза...

Стану верной ему женой...

И одновременно со словами заворочалась внутри змея, а борозды на поле зашевелились.

Вскоре всё поле было полно змей. Разных — больших и маленьких, длинных и коротких, толстых и тонких, чёрных, зелёных, серых, пёстрых...

Земля вокруг воинов ожила и превратилась в единый змеиный клубок.

Но, как ни странно, воины не испугались. Они вообще никак не реагировали на змей, словно тех не было вовсе. Но несмотря на это, Марте стало спокойно. Читай больше книг на Книгочей. нет Она поняла, что находится под защитой самой Земли — своей стихии. И те, кто рядом с ней, тоже защищены. И вот эти зубы дракона не смогут причинить вред ни ей, ни её друзьям!

Едва она это осознала, как воины задрожали и растворились, словно марево, словно утренний туман под лучами восходящего солнца.

Не успела Марта порадоваться вслух, как раздался спокойный рассудительный голос Петра Ильича:

— Девушки, вы гораздо сильнее, чем думаете. Вы ведьмы. У вас есть ваша сила... Вспомните, кто помог Ясону?! Женщина! Медея... Используйте свои силы!.. — И добавил тихо: — Если уж у меня получилось...

Марта удивлённо посмотрела на него — о чём он говорит?

В растерянности она глянула на поле — воинов не было. Они исчезли после того, как Марта дочитала заклинание. Потом снова посмотрела на Петра Ильича — круг распался, и он теперь стоял рядом с Анной Юрьевной. Где ж ещё?..

— Всё! Они исчезли! Я смогла задавить их своим полем! — сказала Анна Юрьевна.

И Марта поняла, что до того воины растворились только для неё одной! Каждый со своим страхом должен был справиться сам.

Почти сразу же заулыбалась Анжелика, но Полина оставалась бледной и испуганной.

— Ну что ты, девочка! Уже всё позади! — попыталась успокоить её Анна Юрьевна.

— Пока ещё не для неё, — сказала Марта и в голосе её прозвучало искреннее сочувствие. — Каждый должен сам... Слышишь, Полина? Ты справишься! Они не по-настоящему, это морок!..

Но Полина словно не слышала никого. Она с ужасом в глазах смотрела на поле.

Потом, мягко высвободившись из объятий друзей, она подошла к самой кромке поля.

Марта стояла и смотрела на подругу от всего сердца желая, чтобы та смогла побороть свой страх.

Полина некоторое время задумчиво смотрела перед собой и вверх, туда, где она видела лица воинов. А потом шагнула на поле.

Марта сразу и не сообразила. А когда кинулась к полю, чтобы отговорить, оттащить подругу, у неё ничего не вышло. Едва она попыталась пересечь границу, как её отбросило назад.

А Полина шагала вперёд, повторяя:

Поднимусь на заре на лысую гору к семи ветрам.

Как подхватят меня семь ветров, как понесут на семь сторон...

...как на семь сторон да за семь морей...

...как за семь морей да за семь веков...

...Как за семь веков да к семи ведьмам-матерям.

Примут ведьмы-матери меня — жертву — и будет мир...

...Слово моё твёрдое, слово моё верное! Значит быть посему!

Марта была полна отчаяния. Она кинулась на невидимую преграду, кричала, билась о неё, словно птица в клетке, звала Полину, но та не слышала её. Она шла по борозде и повторяла заклинание...

На плечи Марте легли руки. Она обернулась и попала в объятия Серафимовича. Он ласково обнимал её и смотрел с такой нежностью, что Марта растерялась.

А Серафимович, убедившись, что Марта слушает его, тихо сказал:

— Я попробую вернуть её.

Потом поцеловал в макушку, коротко прижал Марту и оттолкнул от себя, развернулся и решительно шагнул на поле страданий...

И, не глядя по сторонам, быстро пошёл по борозде, догоняя Полину.

— Почему?.. — прошептала Марта. — Почему он смог пройти, а я не смогла?

— Видимо потому, что для тебя воины исчезли, а его битва впереди, — сочувственно сказала Анна Юрьевна, обнимая Марту. — Мы тут ничего поделать не сможем.

Пётр Ильич согласно покачал головой.

— Надо же, человеческий поступок! — удивилась Анжелика и добавила: — Уважаю!

Между тем Серафимович догнал Полину, схватил её за руку и начал что-то говорить, но Полина вырывалась и что-то в свою очередь объясняла ему.

Марта ничего не слышала. Словно прозрачная граница, отделившее поле, была непроницаема и для звука.

Внезапно Полина испугалась чего-то, присела, вскинув в защите руки.

Серафимович рывком отправил Полину себе за спину и взмахнул кистью так, словно он держит розу... И роза начала появляться в его руке... Очень медленно... Слишком медленно... И не успела... Серафимович получил осязаемый удар от невидимого Марте противника и упал на колени.

Наконец роза появилась, но Марта видела, что Серафимович ранен — по плечу стекала струйка крови. Но тем не менее он снова поднялся и, закрывая собой Полину, продолжил сражение.

Из розы вылетело первое заклинание — не очень сильное, но оно смогло опутать противника, сковать его движения и дать Серафимовичу время.

...И позволить Марте увидеть противника Серафимовича — одного из воинов. Опутанный розами, обездвиженный впившимися шипами, он остался стоять, словно столб...

А Серафимович кинул второе заклинание, потом третье, ещё одно...

Вскоре поле страданий было уставлено столбами, увитыми розами.

Когда последний воин был надёжно опутан благоухающими цветами, Серафимович бессильно опустился на землю, рядом с Полиной.

До Марты донёлся тонкий розовый аромат, и она поняла, что границы больше нет.

Не медля ни минуты, Марта кинулась к двум дорогим для неё людям.

Когда она продралась сквозь заросли, то увидела Серафимовича, лежащего без сознания. Голова его покоилась на коленях у Полины, и Полина пыталась подолом платья отереть кровь, но у неё ничего не получалось — кровь стекала на землю и прорастала розовыми кустами. Марта поняла, что ещё чуть-чуть, и Серафимовича будет не вынести с поля страданий — с поля битвы.

Они с Полиной попробовали поднять декана, но девичьих сил не хватило на это.

К счастью подоспели Пётр Ильич и Анна Юрьевна с Анжеликой.

Но нести взрослого мужчину через шипастые заросли...

Отчаяние охватило друзей, но на помощь им пришёл Флинт с быками.

На краю поля, осторожно спуская Серафимовича с быка, Флинт восхитился:

— Как вам удалось из зубов дракона вырастить цветы? Это же... Засеять поле страданий розами... Как?!

— Это не мы, это он, — ответил Пётр Ильич, поддерживая голову Серафимовича. — Что теперь?

Флинт не успел ответить. Вокруг потемнело. Послышалась ритуальная песня...

Когда глаза привыкли к темноте, Друзья увидели, что они на Лысой горе, рядом с алтарём и пентаграммой, по углам которой так и стоят анимаги — все, кроме котика. Вокруг ходит хоровод, девушки поют... За ними, по кругу горит костёр... Около огня стоит настороженная Огненная ведьма Блейза... Лишь только звёзды поблекли, да на востоке небо посветлело.

Марта поискала взглядом Сумрачного колдуна. Привыкшие к яркому свету глаза не сразу разглядели коренастого и широкоплечего с седой лохматой бородой человека. Лишь когда он шагнул к сеятелям, Марта его узнала. И удивилась: он изменился.

По-прежнему во всём его облике чувствовалась сила, по-прежнему он был космат и взъерошен, но в рассветной мгле его рубаха была не серой, а голубой, волосы не седые, а русые...

Это был не страшный колдун из потустороннего мира, а хозяин, мужик. Он подошёл, с интересом поглядывая на друзей. Один из быков фыркнул, и Сумрачный колдун махнул в его сторону. Все быки послушно развернулись и ушли в пентаграмму.

Марта, провожая их взглядом, испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, облегчение от того, что эти исполины исчезли, а с другой — она уже сроднилась с ними, они казались ей оплотом надёжности и стабильности. А чем ещё может быть память?..

— Вижу, вы справились, — сказал Сумрачный колдун и в его голосе прозвучали лёгкое удивление и едва заметная радость.

— И что теперь? — спросила Марта.

— Ничего. Договор исполнен, — Сумрачный колдун пожал плечами. — Поле вспахано и засеяно. Порядок восстановлен. — И глядя на Серафимовича, добавил с усмешкой: — Тебя, Рок, благословляю и, согласно нашему договору отдаю тебе в жёны свою дочь. — И крикнул в темноту: — Доченька, поди сюда, тебя суженный ждёт!

Марта смотрела то на Сумрачного колдуна, то на сникшего Серафимовича, и всё в её душе протестовало, но она ничего не могла поделать. Договор на то и договор, что должен быть исполнен обеими сторонами!.. Серафимович свою часть, пусть помощью, но исполнил. Теперь очередь Сумрачного колдуна.

Огненная ведьма Блейза с опаской подошла к ним.

— Дай руку! — приказал ей Сумрачный колдун, и она не посмела ослушаться. — Помогите ему подняться! — приказал он Флинту и Петру Ильичу.

Марта кинулась было защитить раненого Серафимовича, но наткнулась на острый взгляд Сумрачного колдуна — что могла сделать, она сделала. Теперь Серафимович должен сам ответить за свои слова.

Серафимович поднялся, поддерживаемый с двух сторон Флинтом и Петром Ильичом.

— Дай руку! — приказал ему Сумрачный колдун.

Серафимович протянул широкую ладонь.

— Ты с честью... да-да-да! С честью прошёл испытание! Ты засеял поле страданий... розами! Такого ещё никому не удавалось! Согласно нашему договору, отдаю тебе свою любимую дочь...

Марта смотрела и чувствовала, что сейчас расплатится. Происходящее казалось ей огромной несправедливостью, она понимала, чувствовала всем своим сердцем, что Серафимович не любит Огненный ведьму Блейзу. Да и та не любит его. И вот теперь по какому-то глупому договору, который вообще был заключён две тысячи лет назад, Серафимович должен официально жениться на ректорше...

Серафимович был слаб и бледен, он потерял много крови и теперь нуждался в медицинской помощи, но Сумрачный колдун, казалось, не замечал этого.

Анна Юрьевна, Полина и Анжелика подошли к Марте и встали рядом поддерживая почти так же, как Флинт с Петром Ильичом поддерживали Серафимовича. Потому что в голове у Марты мутилось и кровь отхлынула от лица.

— Нет... — прошептала Марта почти одновременно с тем, как расправивший плечи Серафимович забрал руку у Сумрачного колдуна.

— Прости, Хозяин, но нет! — хрипло сказала Серафимович. — И повернувшись к Огненной ведьме Блейзе закончил: — Прости Блейза. Я понимаю, нет мне прощения, но... прости.

Сумрачный колдун насупил брови и рявкнул:

— Да как ты смеешь отказываться от моей дочки?!

Марта поначалу испугалась, но глянув на Сумрачного колдуна, от удивления открыла рот — его глаза смеялись.

— Я люблю другую... — едва слышно прошептал Серафимович.

— Что-о-о?.. — казалось, Сумрачный колдун стал выше ростом. — А ну-ка повтори! Громче!

— Я люблю другую! — громко и уверенно ответил Серафимович.

Было видно, что он еле держится на ногах, и уже упал бы, если бы не Флинт и Пётр Ильич. Но Сумрачный колдун, казалось не замечал его состояния.

— Ну и что будем делать, дочка? — с едва заметной насмешкой обратился Сумрачный колдун к ректорше.

— Надоел он мне за эти годы! Другого найду! Лучше! — ответила та и дёрнула плечом.

— Спасибо, — искренне ответил ей Серафимович.

— Ну что ж, если ты не в претензии, то тогда нам тут делать больше нечего... — сказал Сумрачный колдун и повернулся в сторону пентаграммы.

Но он не успел сделать шага, как его окликнули:

— Подождите! А как же мы?

Мимо хоровода, остановившегося, едва сеятели вернулись на Лысую гору, мимо растерянных студенток, спешила Агафья Тихоновна.

Сумрачный колдун оглянулся, с интересом рассматривая профессора травоведения.

— Подождите... — переводя дыхание повторила она, как только подошла. — А как же мы? Что с нами будет?

Сумрачный колдун оглядел студенток и преподавателей так, словно впервые увидел их.

— С вами?.. — повторил он за Агафьей Тихоновной. — Не знаю... Не я создал ваш университет и не мне решать. — и, обратившись к Огненной ведьме Блейзе, спросил: — Что скажешь, дочка? Тебе рашать...

Ректорша замаялась.

И тогда, распрямляя плечи к Сумрачному колдуну шагнул Серафимович.

— Я пригляжу за университетом, это мой долг. Я принимал участие в создании, и...

На лице Огненной ведьмы Блейзы промелькнула целая гамма чувств, но вслух она так ничего и не сказала.

Серафимович повернулся к ней и предложил:

— Ты две тысячи лет не была в отпуске. Если хочешь, можешь...

Огненная ведьма Блейза с благодарностью посмотрела на Серафимовича и кивнула.

Она стояла рядом с Сумрачным колдуном и готова была уйти с ним, а Марта злилась. Злилась на то, что Огненная ведьма бросает раненого Серафимовича и университет магии,

Марта была уверена, что идея создания университета принадлежит не Серафимовичу. И вот он должен разгрести всё один...

С другой стороны, она радовалась, что Огненная ведьма Блейза уходит и злилась на себя, потому что радуется, а Серафимовичу теперь будет трудно...

А Огненная ведьма Блейза, как ни в чём не бывало, взяла под руку Сумрачного колдуна.

— Ну что, пошли? — спросила она, обращаясь к тому, о ком не так давно говорила, как о злейшем враге человечества.

— Не терпится? — не сдержался Сумрачный колдун, но потрепав её по руке добавил миролюбиво: — Пошли, конечно. — И шагнул к пентаграмме. — Но прежде чем переступить всё ещё светящуюся границу, остановился и повернулся к мужчинам. — Флинт, будь добр...

— Да, конечно, — ответил Флинт.

Он помог Серафимовичу сесть на землю, потом опустился на четвереньки и потянулся, как кот.

В следующий момент на месте Флинта потягивался, выпуская коготки рыжий Мартин.

Среди студенток и преподавателей разнёсся возглас изумления.

И хотя Марта уже знала, что Мартин — это Флинт, а всё равно вот такое обращение человека из легенды в рыжего питомца кухарки и любимца студенток и у неё вызвало удивление и восхищение. Сразу же вспомнились те немногие моменты в столовой, когда Мартин ластился к ней, тёрся о её ноги, напрашивался на ласку.

«А как же Мартин... То есть Флинт? — мысленно спросила Марта. — Он уйдёт с ними или останется?»

«А это, видимо, как он сам решит...» — ответила Анна Юрьевна, любуясь котом.

Кот, словно почувствовал её мысль, вздыбил шерсть и зашипел в сторону Анны Юрьевны. Та даже отшатнулась от неожиданности.

— Что это он? — спросила Анжелика.

А Мартин бочком, с выгнутой спиной и вставшей на дыбы шерстью обошёл женщину по широкой дуге и направился к свободному углу пентаграммы.

Поведение кота удивило не только Марту.

Все взоры были теперь прикованы к Анне Юрьевне.

— Что это он? — растеряно повторила вопрос Анна Юрьевна, а Марта вспомнила, что и в столовой Мартин шипел на следовательшу.

Из-за круга студенток на поляну вышла Ольга-Варга.

— Всё-таки, вы заразились от оборотня. Кот чувствует в вас волка. Точнее, волчицу...

— Но Флинт... он же ничего такого... — начала было Анна Юрьевна.

— Флинт — человек. В человеческом образе он не так чувствителен. А Мартин — кот, — пожала плечами Ольга-Варга, мол, это же очевидно.

— И что теперь делать? — спросила Анна Юрьевна и посмотрела на Петра Ильича словно ища у него поддержки.

А он разрывался: с одной стороны, раненый Серафимович — нельзя оставлять его совсем без поддержки, а с другой — любимая женщина — с ней случилась беда.

И не важно, что беда случилась не сейчас, а накануне. В поддержке Анна Юрьевна нуждалась именно сейчас.

Серафимович почувствовал это и похлопав мужчину по плечу, сказал:

— Иди к ней!

Петра Ильича не надо было уговаривать. Он помог Серафимовичу лечь и поспешил к Анне Юрьевне.

Марте стало невероятно жалко декана — одного, всеми брошенного... И она поспешила к нему.

Не успела она подойти к Серафимовичу, как услышала позади себя насмешливый голос Огненной ведьмы Блейзы.

— Как же ты похожа на мою сестрицу! Такая же уродливая и глупая!..

— Блейза! — одёрнул её сумрачный колдун.

— Ну ладно... Умная и красивая, — мило улыбаясь поправила Огненная ведьма Блейза, и Марте от этого стало только хуже.

«Не обращай на неё внимания!» — подумала вслух Анна Юрьевна.

«Она злится, что Серафимович влюбился в тебя, а её так за две тысячи лет и не полюбил» — поддержала Анжелика.

Марта была благодарна подругам за поддержку, но всё же слова Огненной ведьмы Блейзы о том, что Марта умная и красивая прозвучали настоящей издёвкой. Тем более, что Марта помнила — сестра ректорши была горбуньей. Да и у самой у неё ещё недавно был горб...

Пока Марта думала, как ответить, Огненная ведьма Блейза стояла и наслаждалась замешательством Марты.

И вдруг, совершенно неожиданно для всех, вперёд шагнула Полина.

— Если вы причините вред моей подруге, я не посмотрю на ваш статус и двухтысячелетнюю историю, а просто превращу вас в жабу, которой по сути вы и являетесь! — с явной угрозой в голосе сказала она.

Огненная ведьма Блейза захохотала, а Марта с удивлением повернулась к Полине.

Та стояла — решительная и прямая, и во всём её облике были вызов и уверенность. И это так не вязалось с той Полиной, которую Марта знала до сих пор.

Глянув на ректоршу, Марта увидела, как у той на кистях рук начало собираться голубое пламя. И это была уже реальная угроза!

Испугавшись за подругу, Марта закрыла её собой и быстро заговорила:

— Не сердитесь на Полину, она потрясена битвой, у неё помутился рассудок...

— Нет, Марта, не помутился, — перебила её Полина. — И если она тебя хоть пальцем тронет, быть ей жабой до скончания века!

— Да как ты смеешь?! — взвилась Огненная ведьма Блейза и уже подняла руку, чтобы бросить в Полину огненный шар, но тут раздался негромкий спокойный голос Сумрачного колдуна:

— Я б на твоём месте, дочка, не делал этого. Она сражалась с зубами дракона и победила их!

— Это Рок их победил! — возразила Огненная ведьма Блейза, однако руку опустила.

— Она была в это время на поле и ушла оттуда целой и невредимой... — ещё тише добавил Сумрачный колдун. — Это её самопожертвование дало Року возможность...

Огненная ведьма Блейза стряхнула пламя и смерив презрительным взглядом Марту и Полину, не взглянув на Серафимовича, развернулась, шагнула через черту пентаграммы и исчезла.

Сумрачный колдун улыбнулся, отвесил символический поклон Серафимовичу, потом Марте и Полине, задержал взгляд на Марте, вздохнул и обернулся к коту. Прежде чем

шагнуть через черту, сказал рыжему красавцу:

— Флинт, если хочешь, можешь идти с нами.

Мартин широко зевнул и принялся вылизываться с самым независимым видом.

Сумрачный колдун понимающе улыбнулся и пробормотав:

— Ну, как хочешь... — пересёк линию и тоже исчез.

На линии горизонта вспыхнула малиновая бусина восходящего солнца. С первыми лучами солнца и сама пентаграмма, и зооморфы растворились в воздухе, лишь Мартин остался сидеть около алтарного камня.

Защебетали птицы, зазвенели насекомые, наступил новый день. День после Вальпургиевой ночи.

Марта вздохнула и подошла к Серафимовичу.

— Вы как? — спросила она, опускаясь рядом с ним на колени.

— Жить буду, — едва слышно ответил он, улыбнулся ей и взял её за руку.

Марта сидела рядом с Серафимовичем, и в её душе пели райские птицы, цвели райские цветы, тело согревало райское солнце...

Ей казалось, что прошёл всего лишь миг, когда она почувствовала на плече руку. Повернувшись, увидела Агафью Тихоновну.

— Давай, я посмотрю его раны, — мягко сказала она, отстраняя Марту, и та нехотя отошла от Серафимовича.

Быстро оглядев всё ещё кровоточащие раны декана, Агафья Тихоновна позвала мужчин преподавателей.

При помощи двух жердей, лент и нескольких заклинаний сделали носилки. Агафья Тихоновна, отдавая чёткие указания, помогла Серафимовичу лечь. Впереди взялись за ручки носилок преподаватель ритуальных песен Прохор Сиявуш и преподаватель заговоросложения Ива Медлибор. За задние ручки взялись Бард, который подошёл с некоторой опаской и неуверенностью, и Пётр Ильич — он взялся за ручку ещё до того, как Агафья Тихоновна обратилась к нему за помощью. Она удивлённо посмотрела на него и согласно кивнула.

Когда Бард вышел из-за спин студентов на открытое место, Марта с тревогой посмотрела на Полину. Та стояла с каменным лицом, словно изваяние.

Бард, проходя мимо Полины, попытался неуклюже поприветствовать её, но, словно наткнулся на глыбу льда, и поспешил к носилкам...

Марта отметила для себя, как сильно изменился этот красавчик. Нет, Бард не стал менее красив, но теперь он производил совершенно другое впечатление. И ей совершенно неожиданно стало его жаль. Но разбираться в своих чувствах по отношению к лаборанту Февроньи Статс ей сейчас совсем не хотелось.

Носилки подняли, и Серафимович застонал. И Марта думать забыла о Барде. Она кинулась к носилкам и взяла декана за руку. Тот повернулся к ней и попытался ободряюще улыбнуться.

Пошли. Марта засемила рядом. И тут Пётр Ильич наступил на камень и дёрнулся Серафимович снова застонал. Агафья Тихоновна зашипела было, но увидев босые сбитые ноги, промолчала. Лишь вздохнула тяжело.

Анна Юрьевна шла рядом с Петром Ильичом, пытаясь поддержать его хотя бы морально. В любом случае нужно дойти до комнаты...

Едва процессия двинулась, как Мартин с самым независимым видом пробежал вперёд

и, задрвав высоко хвост, возглавил колонну.

Так и шли: кот Мартин, Серафимович на носилках — Прохору Сиявушу и Иве Медлибору пришлось высоко поднять носилки, чтобы Серафимович лежал ровно и не сползал.

С одной стороны, рядом с носилками шла Марта, с другой — рядом с Петром Ильичом шагала Анна Юрьевна. Полина и Анжелика отправились сразу за ними. Следом — студентки. Февронья Статс выстроила их в колонну и заставила петь. Хор звучал нестройно, но отвлекал, не позволяя задуматься о будущем.

А будущее было неопределённым. Была непонятна судьба университета магии, была непонятна судьба преподавателей, и, естественно, непонятна судьба девушек студенток.

О своей судьбе Марта старалась не думать. Едва какие-то мысли всплывали у неё в голове, как она повторяла слова Скарлетт О'Хара: «Не буду думать об этом сегодня, подумаю об этом завтра». И понимала, что завтра она тоже не хочет думать. Она вообще не хочет думать...

Как спустились, Марта не помнила. Шли-шли, и вот — двери.

Едва процессия подошла к центральному входу, как во всём университете вспыхнул свет, хотя необходимости в нём не было — солнце уже встало.

Двери приветливо распахнулись, и носилки внесли в холл.

— Несите Серафимовича в его комнату! — приказала Агафья Тихоновна.

Потом поискала взглядом среди входящих студенток, задержала на минуту взгляд на Анжелике, но, нахмурившись, продолжила искать, пока не увидела Февронью-Статс.

— Февронья Статс, проследите, чтобы декана разместили как надо, — указала она преподавателю истории магии и добавила: — А я схожу за настойками, мазями и эликсирами.

Марта видела, что Февронье Статс не понравился тон, с которым с ней разговаривала Агафья Тихоновна, и тем не менее, она подошла к носилкам.

Но, прежде чем возглавить процессию, повернулась к Марте.

— Идите в свою комнату! — приказала она и бросила взгляд, полный ненависти на Полину.

Марта хотела возмутиться, но Анжелика, подойдя сзади, обняла её за плечи.

— Пойдём, — потихоньку сказала она. — Не дай ей повода сорвать на тебе зло...

Анна Юрьевна проводила тревожным взглядом Петра Ильича. Он ободряюще улыбнулся ей и пошёл с носилками по коридору и вскоре они скрылись за поворотом.

Полина стояла и смотрела в пол, казалось, она не видела, каким взглядом одарила её Февронья Статс, и Марта подумала, что это даже хорошо...

Ведьма Аглая и Ольга-Варга переглянулись. К ним подошла Лилит Златановна и уже хотело что-то сказать, но Ведьма Аглая подняла руку в предостерегающем жесте. А потом мягко сказала столпившимся студенткам:

— Вы можете пойти отдохнуть! У вас была тяжёлая ночь. Сегодня занятий не будет, идите отсыпайтесь! Обед будет по расписанию. Вечером жду вас в холле. Думаю, у нас будут для вас объявления...

Студентки, переговариваясь, начали расходиться. Вскоре в холле остались только преподаватели и Марта с Полиной, Анной Юрьевной и Анжеликой. Поймав косой взгляд Дилит Златановны, Анжелика подошла к Марте и Полине и обняла их за плечи.

— Пойдёмте, я провожу вас, а то ещё заблудитесь, — сказала она улыбувшись.

Прежде чем в своём холле разойтись по комнатам, Полина спросила:

— Интересно, а что за объявление?

Анжелика пожала плечами, а Анна Юрьевна ответила:

— Ректор ушла, декан ранен... Университет остался без руководства... Видимо, будут перестановки...

Анжелика согласно кивнула. А потом, вздохнув, сказала с чувством:

— Как мне это всё надоело! Как я устала... Вы как хотите, а я пошла спать! — и развернувшись, отправилась к своему коридорчику, обозначенному картиной с горящей на костре ведьмой.

— Анжелика! — окликнула её Анна Юрьевна, и когда та обернулась, сказала: — Спасибо за всё!

— Всегда пожалуйста! — ответила староста и скрылась за пеленой, тут же затянувшей проход.

Едва вошли в комнату, Полина стянула платье и бросила его на кресло. Но глянув на Марту, подняла и повесила на спинку стула.

— Я в душ! — сказала она и прямым ходом направилась в ванную комнату.

Марта подошла к своей кровати, постояла немного, потом подошла к окну...

Из душа вышла Полина.

— Вы как хотите, а я спать! — сказала она, забираясь под полог цвета весеннего неба.

Анна Юрьевна спросила у Марты:

— Ты пойдёшь мыться?

Марта отрицательно качнула головой, и Анна Юрьевна отправилась в душ.

Стоя у окна, Марта смотрела на пестреющую весенними цветами поляну и не видела её. В голове у неё снова и снова вставали картины прошедшей ночи — очень длинной ночи... Ночи, насыщенной событиями.

И все эти события сливались в один момент — тот, когда Серафимович держал её за руку. Но на смену этому моменту неизменно приходил тот, когда Февронья Статс приказывала отправиться в свою комнату, а носилки скрывались за поворотом. А голос Огненной ведьмы Блейзы надсмехался: «Ну ладно, умница и красавица...» От всего этого в голове Марты была мутная каша.

— Тебе нужно ополоснуться и лечь поспать, — мягко сказала Анна Юрьевна.

Она уже вышла из душа и теперь от неё пахло свежестью. Она взяла Марту за руку и повела её в ванную.

Не в силах сопротивляться, Марта разделась, встала под тёплую струю.

Вода стекала по лицу, и Марте казалось, что она плачет. Но слёз в уставшей душе не было.

Анна Юрьевна помогла ей обмыться, потом вытерла, отвела к кровати и уложила.

— Спи, — сказала она.

И Марта вдруг осознала, что Петра Ильича всё ещё нет.

— А как же вы? — спросила она приподнявшись.

— Я подожду немного. А ты спи. Тебе нужно набраться сил. Думаю, что нас ждёт непростой вечер. Спи!

И Марта послушно закрыла глаза.

Во сне Марта снова стояла на краю поля страданий, только в этот раз она была одна — без друзей и быков памяти... Зато проросли зубы дракона, и похожи они были на... зубы. Вместо ветра отовсюду слышался голос Огненной ведьмы Блейзы: «...умная и красивая...», а потом — раскатистый хохот.

Марта знала, что ей нужно перейти поле, и не просто перейти... Где-то там, на том краю Серафимович, Полина, Анна Юрьевна с Петром Ильичом и Анжелика... И они нуждаются в её помощи.

Но зубы острые, а Марта босая. Она пообещала защитить этих людей, ставших ей близкими, но зубы...

И тут Марта поняла, что зубы-то — змеиные! Дракон одного рода со змеями! А змеи... Едва Марта это осознала, как зубы на поле собрались в огромную пасть, которая с шумом захлопнулась и вот уже перед Мартой свивает кольца Полоз — змеиный царь.

— Ты обещала мне стать верной женой, пришло время сдержать слово, — говорит Полоз Змеиный Царь.

— Но я люблю Серафимовича, — шепчет Марта.

— Это твои слова? — спрашивает Полоз Змеиный Царь, и Марта слышит свой голос:

Стану Полоза... Невестой Полоза...

Стану верной ему женой.

Силу волоса, силу голоса

Сотворю над этой землёй.

Станут борозды, станут полосы...

Станет каждая из них змеёй...

Стану Полоза, невестой Полоза...

Стану верной ему женой...

— Да, — шепчет Марта.

— Я пришёл тебе на помощь, защитил тебя. Теперь твоя очередь исполнить договор — стать мне верной женой.

— Но я должна спасти друзей! — шепчет Марта.

— Пришло время выполнить обещание, — настаивает на своём Полоз Змеиный Царь.

— Я не думала, что это на самом деле, — говорит Марта и слёзы льются из её глаз. — Я люблю Серафимовича... Я не хочу...

— Пришло время исполнить обещание... Я долго ждал.

— Я не хочу... что мне делать?..

— Я долго ждал... Очень долго...

Печёт солнце. Сухой ветер несёт горький воздух. Земля пахнет пылью. Рокочет голос Огненной ведьмы Блейзы: «...умная и красивая...», где-то там, бесконечно далеко, словно их и не существует вовсе, близкие и дорогие люди... близкий и дорогой человек...

И Марта одна — на краю бесконечного поля страданий. Она хочет заплакать, но слёз уже нет — они высыхают, едва успев зародиться. И нет средства для спасения.

— Стану Полоза, невестой Полоза... — шепчет Марта, потому что обещания нужны

выполнять. — Стану верной ему женой... — говорит Марта и шагает на поле страданий, потому что теперь ей нечего бояться — если она не может помочь близким, то нет смысла беспокоиться о себе. — Распушу по плечам я волосы... Пусть судьба свершится со мной... — что есть силы кричит Марта, чтобы заглушить плач сердца.

Марта запинается, ноги её подгибаются, и она бессильно ложится на землю, а вокруг неё — кольцами — Полоз Змеиный Царь.

Но не успевает он сжать Марту в объятиях, как превращается в венок алых роз, и вот уже тонкий розовый аромат плывёт над полем.

***

Анна Юрьевна уложила Марту в кровать и по-матерински подоткнула ей одеяло. Потом постояла посреди комнаты, раздумывая, что делать. Идти искать Петра Ильича?.. Где? Анна Юрьевна в университете магии совсем не ориентировалась. Она ещё могла пройти там, где уже была, но проблема заключалась в том, что была-то она мало где, а плана-схемы университета не наблюдалось. Вся надежда была на то, что Петра Ильича проводят потом в комнату.

По-хорошему нужно было ложиться спать, но как лечь, когда любимый человек неизвестно где. Понятно, что не должны ему причинить вред, но... оставили же его босиком — Анна Юрьевна поморщилась, вспомнив израненные ноги Петра Ильича — раны нужно помыть и хорошо бы обработать антисептиком и забинтовать. Но где его найти?!.. Да и обрабатывать нечем. Хоть промыть бы...

Теперь, когда Огненная ведьма Блейза ушла, а Серафимович ранен, власть начали делить преподавательницы ведьмы... В них-то как раз уверенности и не было.

Точнее будет сказать, Анна Юрьевна была уверена, что, если чего от них и ждать, так это какой-нибудь пакости, особенно, если вспомнить, как Агафья Тихоновна смотрела на Петра Ильича.

Была, конечно, Ольга-Варга, которая отнеслась к нему по-человечески, но она к власти не рвалась, так что, как предположила Анна Юрьевна, на неё сильно рассчитывать не стоит.

Раздумывая о том, что делать, Анна Юрьевна машинально поправила висящую на стуле одежду Марты и Полины, подошла к столу, сложила ровными стопками учебники и тетради. Подняла свои джинсы и разорванную с засохшими пятнами крови футболку. Джинсы положила на стул к одежде девушек, футболку развернула, осмотрела её. Потом пошла в ванную и попыталась отстирать кровь. Но пятна остались.

Да и особого смысла отстирывать не было — футболка оказалась безнадежно испорчена.

Анна Юрьевна снова рассмотрела её, покрутила, а потом с трудом оторвала кусок ткани — мокрая ткань рвалась плохо — ополоснула его и пошла вытирать пыль — со стола, с подоконника, с ручек кресла, со спинок стульев...

Протёрла пыль, снова поправила одежду на стуле. Походила по комнате, потом взяла оставшуюся часть футболки и начала протирать не застеленные участки пола — таковых оказалось немного. Потом пошла мыть ванную комнату...

Остался не пропылесосенным ковёр на полу в комнате. Петра Ильича всё ещё не было. И Анна Юрьевна начала влажной тряпкой чистить ковёр... Толку было мало, но помогало отвлечься.

Наконец в комнате был наведён порядок, и Анна Юрьевна, разложив в уголке в ванной

тряпки и села в кресло.

Петра Ильича всё не было.

— Да что же это такое?!.. — прошептала она, встала и подошла к окну. Глядя на цветущий луг прошептала, всплывшие в памяти имена: — Светлый Дагде и Великая Боан... — и вспомнив ночной ритуал уже уверенно сказала: — Светлый Дагде и Великая Боан, помогите! Верните мне моего мужа. Сил нет уже...

Едва Анна Юрьевна проговорила обращение, как на душе стало спокойно, появилась уверенность, что с любимым всё в порядке. А через некоторое время открылась дверь и в комнату вошёл Пётр Ильич. Ноги его были забинтованы, к ступням привязаны плотные подошвы, чтобы не пачкались бинты.

— Ну наконец-то! — воскликнула Анна Юрьевна и бросилась к нему.

Пётр Ильич ласково обнял свою женщину и спросил:

— Чего не спишь?

— Тебя жду, — просто ответила Анна Юрьевна, осознавая, что повторяет слова тысяч верных жён.

Пётр Ильич кивнул и сжал Анну Юрьевну в объятиях, зарылся в её волосах и с удовольствием вдохнул запах.

Анна Юрьевна постояла минуту, наслаждаясь объятиями, а потом высвободилась и спросила:

— Как ноги?

— Всё нормально, — ответил Пётр Ильич. — У них хорошие снадобья. В аптеки бы такие...

— Я бы лучше врачу показала б... — с сомнением покачала головой Анна Юрьевна.

— Да где ж его взять? — ответил Пётр Ильич и добавил: — Пойдём-ка спать, а то уже скоро полдень... Надо бы хоть чуть-чуть подремать, пока есть возможность.

— Ты, может, кушать хочешь?

— Спать! — ответил Пётр Ильич и пристально посмотрел на Анну Юрьевну.

— Да ну тебя, — отмахнулась она, зардевшись. — Девчонок разбудим...

— Мы потихоньку...

Под приглушённые смешки зелёное платье с вырезанными по бокам полосами легло на кресло, поверх легли тенниска и брюки. Двое, как единое целое спрятались под нежно-розовым пологом и укрылись тёмно-вишнёвым одеялом. После небольшой возни женские трусики отправились под подушку, а следом и мужские...

***

Птичий щебет, долетавший через закрытое окно не мог скрыть звуков, доносившихся с кровати Анны Юрьевны. Полина вцепилась зубами в одеяло, чтобы не выдать того, что она не спит и всё слышит.

Боле того, она старалась не думать, чтобы случайно мысль не прозвучала «вслух», и Анна Юрьевна не услышала её.

Когда вошли в комнату, Полина постаралась побыстрее спрятаться от всех, сказала, что идёт спать.

На самом деле сна не было ни в одном глазу. Просто Полина хотела побыть одна, насколько это возможно, обдумать всё, случившееся накануне и этой ночью. Она помнила слова Марты о том, что Бард не тот, за кого себя выдаёт и боялась, что Марта тоже вспомнит

об этом и начнёт говорить, что вот, мол, я же тебя предупреждала!..

Обсуждать сейчас свои чувства с кем бы то ни было Полина не хотела. Она хотела сама разобраться в своих чувствах и в сложившейся ситуации.

С одной стороны, Бард поступил, как последний мерзавец. С другой — Серафимович сказал, что тот был под действием заклятия. Но ведь он мог соврать, чтобы разозлить её, Полину, и тем самым заставить подняться.

И она разозлилась... и поднялась...

Но вдруг он соврал? Сказал нарочно... А на самом деле Бард по своей воле... И всё это просто мужская солидарность!..

Но если не соврал, то Бард не виновен... Он не сам чуть публично не изнасиловал, а это действие заклятия. А сам он никогда бы так не поступил...

Ведь не может заклятие заставить делать то, что человек делать не готов.

Или может?..

Или оно вытащило на поверхность тёмную, потаённую сторону Барда?

Вопросы одолевали Полину, и не было на них ответов.

Давно уже спала Марта. Стихли Анна Юрьевна и Пётр Ильич, и из-под их полог раздалось мерное дыхание. Полина повернулась на спину и открыла глаза.

Сквозь пелену небесно-голубого полога комната выглядела, как апартаменты в небесном море — стоило чуть пошевелить головой, и казалось, что колышется толща воздушной воды... Вот сейчас из-за облака-стола выплывет скат и, раскинув крылья, словно орёл, будет парить под потолком, А из-под кресла, как из норы появится мурена и зависнет, словно воздушный шарик на верёвочке. И если вдруг поднимется ветер, то мурену может унести... на семи ветрах да на семь сторон, как за семь морей да за семь веков... к семи ведьмам-матерям...

Слова пришли сами, из ниоткуда. Едва Полина вспомнила про ведьм-матерей, как увидела перед собой внутри полога семь лиц — полупрозрачных, но тем не менее, чётких, рельефных...

Они смотрели на Полину и ждали.

Полина некоторое время рассматривала их, как парящего ската и летающую мурену, но потом пришло осознание, что ведьмы-матери ждут её.

И как только Полина поняла это, ведьмы-матери переглянулись.

— Вы пришли за мной? — спросила Полина.

— Мы пришли к тебе, — ответила старшая ведьма-мать, словно захлопали ставни на ветру.

Полина мысленно повторила заклинание, вдумываясь в значения слов.

Ведьмы-матери терпеливо ждали.

— Я в заклинании говорила, что стану жертвой, чтобы был мир. Я готова.

Старшая ведьма-мать усмехнулась, вторая — покачала головой... А младшая ведьма-мать выплыла вперёд.

— Тебе что, нравится быть жертвой? — прошелестел листвою на ветру голос.

Полина открыла рот от удивления и возмущения. Потом, подумав, закрыла.

Получалось, что она всё время вела себя, как жертва. Может, потому и произошло с Бардом то, что произошло?..

Словно отвечая на её мысли старшая ведьма-мать кивнула.

— Я больше не хочу быть жертвой, — сказала Полина. — Мне не нравится...

Старшая ведьма-мать улыбнулась и снова кивнула.

— Мне нужно переписать заклинание? — спросила Полина, заглядывая в призрачные лица.

— А чего ты хочешь? — застучали под прибоем камушки на морском берегу.

Полина непроизвольно вспомнила Барда, то, как они шли по коридорам университета магии и беззаботно болтали о том и о сём.

И тут же устыдилась своих воспоминаний. Рассердилась на себя за них и расстроилась из-за того, что рассердилась. Потом вздохнула и сказала:

— Я не знаю. Другого человека ведь нельзя изменить...

— Но можно измениться самой, — заскрипели мачты, с трудом удерживающие наполненные ветром паруса.

— Я не знаю как. Перестать с ним разговаривать? Но это же не значит, что я изменюсь...

— Не значит... — зашелестел в степи камыш.

— Чего ты хочешь? — запел ветер в узком ущелье.

— Я хочу быть счастливой! И ещё хочу любить...

— Это хорошо, что ты хочешь сама любить, а не чтоб тебя любили, — захлопала крыльями ветряная мельница. — Любовь — это лучшее, что может с нами случиться. Даже если она безответная.

— Это больно... — прошептала Полина.

Старшая ведьма-мать улыбнулась.

— Рождение нового не может быть без боли, — пронёсся над лесом верховой пожар.

Вглядываясь в мудрые лица семи ведьм-матерей, Полина вдруг осознала, что ей нужно делать.

— Я поняла! — сказала она. — Единственная жертва, которую нужно принести, это открыться для любви, впустить её в своё сердце, рискнуть...

— Да... — прошелестело в листве деревьев тёплым весенним ветром.

Полина благодарно улыбнулась семи ведьмам-матерям и закрыла глаза.

Сон её был спокойным и ровным.

Уже начало темнеть, когда в комнату девушек вошла Ольга-Варга. Она громко прочистила горло на пороге, громко вздохнула, громко кашлянула.

Девушки заворочались в кроватях, и комната сразу же наполнилась звуками пробуждающихся людей.

— Уже пора идти? — спросила Марта.

— Ещё нет, но уже скоро, — ответила Ольга-Варга.

— Что теперь с нами будет? — спросила Полина, раскрывая свой полог и спуская ноги с кровати. Она была румяная ото сна и её щёку пересекали две складки, какие бывают только когда человек долго, глубоко и сладко спит в одной позе.

— Об этом вам скажет Агафья Тихоновна, — Ольга-Варга и подошла к окну и сделала вид, что с интересом рассматривает пейзаж. — Одевайтесь быстрее. Надевайте чёрные платья...

Полина, а следом Марта шмыгнули со своей одеждой в ванную и закрыли за собой дверь.

Анна Юрьевна не спеша встала, взяла одежду Петра Ильича и передала ему под полог. Потом, прихватив свою одежду, тоже пошла в ванную...

Ольга-Варга всё это время стояла лицом к окну и делала вид, что её совершенно не интересует то, что происходит в комнате.

Едва все оделись, она повернулась и задумчиво осмотрела их.

— Агафья Тихоновна вам всё скажет, — задумчиво повторила она и добавила, словно подвела итог: — Но кое о чём она умолчит.

— И о чём же она умолчит? — настороженно спросила Анна Юрьевна, чувствуя поддержку Петра Ильича и Марты с Полиной.

Ольга-Варга проигнорировала вопрос и вдруг усмехнулась.

— А вы побили мой рекорд! — сказала она и потянулась. — Мне бы завидовать вам. Вы такие крутые ведьмы!..

Но в интонации, с которой были сказаны эти слова зависти не было. Была усмешка...

Все, естественно, насторожились. В комнате повисло молчание. Ольга-Варга задумчиво рассматривала девушек и Анну Юрьевну с Петром Ильичом. Они ждали...

— Если захотите, — сказала Ольга-Варга, когда молчание стало невыносимым, — вы сможете вернуться домой. Вас доставили сюда для битвы с Сумрачным колдуном. Вы с ним бились и победили.

— Об этом Агафья Тихоновна скажет или умолчит? — уточнила Анна Юрьевна.

— Умолчит, — ответила Ольга-Варга.

— А о чём скажет? — спросила Марта.

— О том, что исполняет обязанности ректора теперь Февронья Статс, её секретарём будет Бард, а Агафья Тихоновна исполняет обязанности декана, пока он не поправится.

При имени Барда Полина вздрогнула и удивлённо посмотрела на Ольгу-Варгу. И промолчала...

Зато Пётр Ильич задумчиво пробормотал:

— Неожиданно! Я думал на место ректора станет Агафья Тихоновна...

— Не всё так просто, — усмехнулась Ольга Варга. — Агафья Тихоновна травница. А

Февронья Статс хорошо знает историю магии и нашего университета. И потом она тут дольше всех. Она входит в число первых выпускниц.

— И сколько же ей лет? — уточнил Пётр Ильич.

— Не так много, как можно подумать. Но и университету не две тысячи лет, а много меньше.

— Ольга-Варга, — неуверенно спросила Полина. — А там в столовой что ещё вы хотели нам сказать? Ну, когда ректорша вас прервала...

— Теперь это не имеет значения, — ответила Ольга-Варга. — Вам по-прежнему нужно думать о том, как выжить.

— Выжить? — удивилась Марта.

— Вы думаете, и. о. Огненной ведьмы Блейзы простит ей Барда? — усмехнулась Ольга-Варга и кивнула на Полину. — А тебе простит... — она кивнула на Марту, — того, что испугалась твоей змеи? И вам она не простит того, что вы любите друг друга. По-настоящему. Она не простит вам того, что к вам пришли Светлый Дагде и Великая Боан. Не к ней, а к вам... — Ольга-Варга посмотрела на Анну Юрьевну и Петра Ильича и добавила — Теперь, когда у неё есть власть...

В комнате повисло обескураживающее молчание. Ольга-Варга, казалось, наслаждается растерянностью девушек и Анны Юрьевны с Петром Ильичом.

— Что вы посоветуете нам сделать? — спросила Марта, когда смогла взять себя в руки.

— Это очевидно. Потребовать расторжения договора. Теперь вы это можете. Вы победили Сумрачного колдуна. Свою задачу выполнили. Так ведь, Марта?..

Но ответить Марта не успела. В комнату девушек стремительно вошла молчаливая помощница Серафимовича.

— Ну что ж, время пришло, — сказала Ольга-Варга и вышла из комнаты.

Когда за ней закрылась дверь, в комнате воцарилось смятение. Все стояли растерянные и не знали, что теперь делать.

Сдержано кашлянув, молчаливая помощница Серафимовича кивнула на дверь, мол, пора!

Вперёд с отчаянной решимостью выступила Полина и сказала:

— Чего стоять? Пойдёмте, послушаем, что нам скажут. Версию Ольги-Варги мы слышали, послушаем теперь другую...

Марта с удивлением посмотрела на подругу и тоже шагнула к двери.

Анна Юрьевна повернулась к помощнице и спросила:

— Ему тоже идти?

Пётр Ильич запротестовал, было — мол, он пойдёт в любом случае! Но на его счастье помощница кивнула — да. И Анна Юрьевна с Петром Ильичом вышли следом за девушками.

В гостиной уже горели люстры и жалюзи были закрыты. Девушек было немного, и все они направлялись в коридор.

Полина не раздумывая влилась в поток. Марта еле поспевала за ней. Она успела только бросить взгляд на четырёх полуобнажённых девушек, танцующих вокруг козлоногого Пана на картине над их коридором. И мельком на горящую на костре ведьму над коридором Анжелики... Но подумать о них не успела, потому что нужно было спешить за Полиной и постараться не потерять её в толпе студенток. Идти вот так, за кем-то, было непривычно. Обычно Марта прокладывала путь и решала, что делать, а тут она даже подумать не успевала.

А Полина шла уверено, как будто она точно знала, куда направляется. Собственно, когда Марта пригляделась, то поняла, что все девушки идут в одну сторону. И тогда она успокоилась. А потом и вовсе узнала коридор — все шли в столовую.

Столы в столовой были сдвинуты так, что образовали ряды. И ещё четыре стола стояли отдельно, образовав тем самым президиум — на четверых человек. И там уже сидели Агафья Тихоновна и Ольга Варга. Два стула были пусты.

Студентки расселись вместе с остальными преподавателями. Лилит Златановна с независимым видом устроилась у стены, но на её лице Марта прочитала тревогу.

Виолетта Марковна сидела рядом с Прохором Сиявущем. Они о чём-то тихо переговаривались, и понять о чём было невозможно — когда Марта попыталась прислушаться, то в ушах зашумело, а глаза заслезились. Видимо, применили защитное заклятие, догадалась Марта.

Ведьма Аглая добродушно улыбалась студенткам, пыталась их успокоить, когда те проявляли слишком сильное волнение или принимались громко разговаривать.

Ива Медлибор сидел среди студенток, глупо улыбался, и было видно, что мысли его находятся очень далеко.

Кухарка Мавруша хлопотала у раздаточной стойки. Когда она в очередной раз стукнула крышкой, Агафья Тихоновна строго глянула на неё, Мавруша сникла и присела на стул, на котором обычно лежал Мартин.

Марта оглядела столовую в поисках рыжего кота, но его нигде не было.

Наконец студентки расселись и тогда дверь распахнулась, и в столовую гордо вошла Февронья Статс. Следом за ней, с толстым фолиантом в руках шагал Бард.

Они прошли напрямик к свободным местам в президиуме. Февронья Статс заняла крайний стул. Бард положил фолиант рядом с ней и по её знаку сел в середине.

Марта возмущённо вскинулась — она была уверена, что четвертое место для Серафимовича. Она начала оглядываться в поисках декана, но его в зале не было. Сердце её тревожно забило — Марта вдруг осознала, что всё это не фарс, всё серьёзно.

Она повернулась к Полине и увидела, что та спокойна, расслаблена и только в глазах горит незнакомый Марте огонь.

Снова открылась дверь и в столовую проскользнула Анжелика. И села неподалёку от двери.

Февронья Статс с возмущением поглядела на старосту и довольно громко прошипела:

— Если вы думаете, что теперь можете не соблюдать правил, то вы жестоко ошибаетесь!

— Извините, — ответила Анжелика и словно бы стала невидимой.

Февронья Статс ещё некоторое время сжигала её взглядом, а потом встала и, глянув свысока на Марту с Полиной и Анной Юрьевной, обратилась ко всем:

— Как вы знаете, наша уважаемая ректор Огненная ведьма Блейза взяла отпуск. А наш декан Серафимович сейчас поправляет здоровье. В связи с этим у нас некоторые перестановки. И они будут записаны в «Истории университета», — и Февронья Статс продемонстрировала книгу, которую принёс Бард.

Студентки восприняли эту новость молча, как и ту, что Февронья Статс будет замещать ректора, а Агафья Тихоновна — Серафимовича. До их возвращения.

По некоторому торжеству, прозвучавшему в голосе Февроньи Статс, Марта поняла, что замещать она собралась долго. Тем более, что объявила студенткам об изменении в

расписании и даже в программе обучения. Теперь магические обряды будет преподавать Бард.

Едва было произнесено это имя, как по рядам студенток пронёсся возмущенный шепот, который Февронья Статс прервала, хлопнув ладонью по столу.

— Тихо! — крикнула она и добавила: — Повторяю для непонятливых — предмет «Магические обряды» будет преподавать мой личный помощник Бард.

Марта смотрела на бледное неподвижное лицо секретаря Февроньи Статс и пыталась представить его на месте Серафимовича, и у неё ничего не получалось.

Входная дверь снова приоткрылась и девушки, что сидели близко к проходу зашушукались, раздались смешки. По проходу кто-то шёл, но Марта не видела кто.

Наконец этот кто-то вышел на открытое пространство перед президиумом, и Марта увидела Мартина. Он ступал торжественно, высоко задрав пушистый хвост.

Подойдя к столу он требовательно мявкнул.

Февронья Статс сделала вид, что не видит кота.

Мартин ещё раз мяукнул, потом ещё и ещё...

— Да уймите же вы его! — крикнула Февронья Статс Мавруше.

Та вскочила со стула и хлопнула по сиденью:

— Мартин, кис-кис, идём сюда, вот твой стул!..

Но рыжий красавец не обратил на неё внимания. Он стоял около президиума и требовательно мяукал.

Тогда Мавруша, сутулясь, взяла стул и поставила его рядом со столом президиума. Мартин тут же вскочил на него и с независимым видом начал вылизываться.

По столовой прокатился смешок.

— Не вижу ничего смешного! — истерически крикнула Февронья Статс.

Но с появлением Мартина что-то в атмосфере изменилось, исчезло напряжение.

«Интересно, что сделала б Февронья Статс, если бы Мартин был обычным котом?» — подумала вслух Марта.

«Но он не обычный кот, он герой древней легенды. Его не так просто выбросить за дверь» — ответила ей Анна Юрьевна.

«А ей этого очень хочется! — добавила Анжелика от дверей. — Привет всем!»

«Привет. Ты чего опоздала?» — спросила Марта.

«Ходила, провела Серафимовича» — мысленно ответила Анжелика.

Марта аж подскочила на месте и обернулась к Анжелике.

«Как он?» — чуть не вслух закричала она.

«Жив наш декан, — разулыбалась Анжелика. — Только очень слаб.

— Вы видимо, считаете себя особенной?.. — начала Февронья Статс в упор глядя на Марту. — Вас, видимо, не касаются общие правила университета?.. Вы, видимо, считаете, что можете опаздывать на лекции, не слушать объявлений руководства, да?..

Она нависала над столом, как ледяная глыба. И когда, казалось, её негодование достигло апогея, Мартин поднялся и сладко потянулся. Потом запрыгнул на стол и подошёл к Февронье Статс, улёгся на то место на столе, по которому она время от времени хлопала ладонью и снова потянулся, выпуская коготки.

Бард сидел, склонив голову к фолианту, и казалось не видел, что происходит вокруг.

Мельком глянув на Полину Марта увидела, что та с усмешкой наблюдает за происходящим, словно сидит в театре.

«А ведь действительно театр!» — подумала она вслух.

«Только больно уж пьеса дрянная» — ответила Анна Юрьевна.

«И что делать нам?» — спросила Марта.

«Домой отправляться, чего ж ещё?! — ответила Полина. — Сыта я уже этим университетом магии!»

«Домой-то домой, но как?» — спросила Марта и вдруг почувствовала сожаление, она поняла, что совсем не хочет домой. Во всяком случае не сейчас — не повидав Серафимовича.

Марта сидела на общеуниверситетском собрании, рядом исходила на визг новая ректорша университета, но Марта её не слышала, все её мысли были то на поле страданий, то на Лысой горе, рядом с Серафимовичем.

В действительность её вернула пружиной выскочившая из ниоткуда змея и отбившая заклинание. Марта даже сообразить не успела, когда перед ней зашипела её защитница.

В столовой повисло молчание. Потому что одно дело, когда преподаватель или даже ректор ругается на нерадивого студента, и совсем другое дело, когда в него кидают заклинание.

Марта поднялась. Она не знала, что делать, но и не отреагировать было нельзя. Уйти из столовой? А куда? Самостоятельно покинуть университет магии она не могла и теперь не знала, поможет ли ей новая ректорша. Да и вообще, поможет ли кто? Остаться тут? Значит признать правоту и право преподавателя кидаться заклинаниями. И ей было всё равно какое это было заклинание. Собственно, она не успела даже понять какое...

Пока Марта раздумывала, рядом с ней встала Полина. Задержавшись всего на миг поднялись Анна Юрьевна и Пётр Ильич.

— Да как вы смеете?! — воскликнула Февронья Статс, но её голос прозвучал негромко и в нём явно послышался страх.

Атмосфера накалилась до предела, и тут снова открылась дверь и в столовую вошёл Серафимович. Он покачнулся, и Анжелика тут же подставила плечо.

Серафимович был бледен, осунулся, но глаза его горели гневом. Едва он появился, как Мартина змея исчезла, растворилась, будто её и не было.

Он прошёл на середину зала и сказал, обращаясь к студенткам:

— Вы слышали объявления. Можете идти по своим комнатам, ужин будет через полчаса. Завтра занятия по расписанию, расписание получите у старост.

Некоторое время в столовой никто не шевелился, а потом девушки задвигали стульями и направились на выход.

— Вы останьтесь, — сказал он Марте и её друзьям, когда они тоже повернулись к двери.

Когда за последними студентками закрылась дверь, Серафимович обратился к преподавателям, сидевшим в рядах.

— Вы тоже можете идти. Все важные объявления сделаны.

Преподавателям не нужно было повторять дважды. Едва за последним закрылась дверь, Серафимович повернулся к президиуму.

— Собственно, вы тоже можете идти, — сказал он спокойно.

Февронья Статс хотела возмутиться — она и. о. ректора, а он ей приказывает, но Серафимович так посмотрел на преподавателя истории магии, что она встала и, вслед за Агафьей Тихоновной, молча направились к двери, бросив через плечо Барду:

— Не забудь «Историю университета»!

Бард взял книгу и пошёл следом. Около Полины замедлил шаг и повернул в её сторону голову, но посмотреть в глаза не смог и быстро зашагал к двери.

Мартин спрыгнул со стола и потёрся о ноги Серафимовича. Потом, задрвав хвост, с независимым видом тоже покинул столовую.

В столовой остались только Марта, Полина, Анна Юрьевна с Петром Ильичом и Серафимович, опирающийся на Анжелику. Она подвела его к стулу Мартина и помогла сесть.

— Извините, что так получилось, — негромко сказал Серафимович. — Вы, безусловно, достойны уважения и почестей и некому их вам оказать.

Марта смотрела на него и ей хотелось плакать. Он был слаб, ему бы лежать, сил набираться, а он пришёл сюда наводить порядок. Она видела, что это отняло у него много сил, и он едва цепляется за сознание.

— Думаю, вам сейчас лучше всего отправиться домой, как вы считаете? — спросил он, избегая смотреть на Марту.

— Домой — это в свою комнату или... домой? — уточнила Полина?

— Ваша комната уже стала вашим домом? — улыбнулся Серафимович.

— Нет, но... — смутилась Полина.

— Домой — это домой, в привычный мир, к своим привычным делам. Думаю, договор с университетом магии можно считать исполненным.

Сразу же после этих слов по столовой поплыл чарующий запах роз. Но Марта ничего не замечала, она не отрывала глаз от Серафимовича.

— А вы? — с трепетом спросила она.

— Я — неотъемлемая часть этого мира. Мой дом тут, — грустно улыбаясь ответил Серафимович.

Марте хотелось закричать, что она хочет быть неотъемлемой частью его мира, но она ком в горле запер все слова и Марта никак не могла его проглотить.

— Ты как? — спросил Серафимович у Анжелики. — Останешься или с ними?..

— Мне некуда возвращаться, — просто ответила Анжелика.

Серафимович кивнул, и в его руках выросла роза — алая бархатная роза с тонким изысканным ароматом.

Марте хотелось закричать, что она не готова вот так... Что ей много что нужно сказать ему, Серафимовичу... Но она лишь глотала слёзы, которые катились по щекам.

— Марта, — тихо позвал Серафимович, — подойди пожалуйста... Я сам не могу...

Марта подлетела в один момент.

Серафимович снял с руки часы и надел их на Мартину руку, они впору подошли ей, как будто браслет был сделан на тонкую девичью руку, а не на широкую мужскую.

— Пусть они будут у тебя, — сказал он, нежно глядя её пальцы, и в глазах его были отчаяние и любовь.

Марта смотрела на Серафимовича, стараясь запомнить каждую чёрточку, но слёзы мешали...

— Встаньте рядом, — попросил Серафимович.

Марта, Полина и Анна Юрьевна с Петром Ильичом прижались друг к другу Серафимович встал с помощью Анжелики и поднял розу.

В последний момент Марта вспомнила картинку, которую ей показывала Шуша. Тогда

она решила, что ей с друзьями угрожает опасность. Ах, если бы она знала, что всё закончится вот так, если бы она только могла предположить, что произойдёт, она бы всё сделала иначе. Она бы...

Марта сидела на экзамене по конфликтологии. Первым вопросом в билете значилось: «История возникновения науки конфликтологии». Марта мысленно сравнивала её с историей магии и понимала, как наука молода. Сколько веков, и даже тысячелетий существует человечество, столько веков существуют конфликты. Потому что конфликты — это неотъемлемая часть жизни. А вот изучать их, описывать, классифицировать, искать закономерности и способы разрешения или завершения конфликтов любого уровня стали по историческим меркам совсем недавно.

А ещё, глядя на преподавателя, Марта понимала, что знание того, какой это конфликт и каковы наиболее оптимальные пути выхода из конфликтов такого рода не помогает в жизни избегать этих самых конфликтов. Знание и умение — это не одно и то же. Знать мало, нужно уметь эти знания применять. Вроде банальные мысли, но вот для Марты они стали откровением.

Ещё одним откровением для Марты стало, что совсем без конфликтов нельзя. Смогла ли она сейчас рассуждать вот так о конфликтах, не случись в её жизни университета магии? Вряд ли... Скорее всего конфликт с преподавательницей так и завис бы неразрешённым. Нет, возможно, Марта и выходила бы свою тройку, но, как говорится, осадок остался бы.

Конфликты нужны. Они нужны для развития, для жизни. Потому что жизнь — это постоянный конфликт со смертью. И разрешится он только с уходом из жизни. Но то, какой будет эта жизнь, зависит от того, как человек будет разрешать конфликт. Сам! Только сам...

И то, что останется после, какая память будет о человеке, тоже зависит от того, как человек распорядится своим основным конфликтом. Там, на поле страданий Марта многое поняла. И потом, в столовой, когда пришёл Серафимович...

Поэтому, когда она подошла к преподавательскому столу, то была спокойна — она знала, чего хочет от своей жизни. И была рада, что у неё в запасе ещё много времени — целая жизнь.

Отвечала Марта уверенно, а преподавательница слушала Марту и улыбалась. Потом взяла зачётку и без разговоров поставила высший балл.

— Ну как? — спросила Полина, едва Марта вышла в коридор.

— Хвост сдан! — похвалилась Марта и показала зачётку. И добавила: — Ну что, идём?

На улице их ждали Анна Юрьевна и Пётр Ильич. Прошло всего два месяца с того момента, когда Серафимович вернул их домой, но у Анны Юрьевны уже наметился небольшой животик. Пётр Ильич заботливо поддерживал её и в глазах обоих светилось счастье.

«И куда мы? В кино? В кафе?» — мысленно спросила Марта.

— В кафе! — вслух ответила Анна Юрьевна. — Я голодная, как волк!

Марта улыбнулась. Она понимала, что шутка Анны Юрьевны про волка, это её способ справиться со страхом, со своим конфликтом. Благословение бога солнца Светлого Дагде и его жены Великой богини земли Боан — это одно, а раны, нанесённые оборотнем — это раны, нанесённые оборотнем. И пока ребёнок не родится, нельзя узнать, всё ли с ним в порядке. Кроме обычных медицинских показателей, конечно, за которыми Анна Юрьевна

следила внимательно.

— Ну и чего же хочет маленький волк? — поддержала шутку Марта.

— Маленький человек хочет жареного мяса, — засмеялась Анна Юрьевна.

Шутка про маленького волка и маленького человека тоже стала частью традиции здесь, в обычном мире — первый раз она прозвучала на следующий день, после того как Серафимович вернул их и Марта, Полина и Анна Юрьевна с Петром Ильичом встретились и в первый раз пошли к «Петровичу». Тогда не знали, о чём говорить и эта шутка помогла убрать возникшее, было, напряжение.

— Пойдём есть шашлыки? — предложил Пётр Ильич. — Вы как, девушки?

— К «Петровичу»? — уточнила Марта, глядя на Анну Юрьевну, та согласно кивнула. —

Тогда на автобус? Или пешком прогуляемся?

Решили идти пешком. Погода замечательная, какая и должна быть в конце июня — в меру жарко, в меру свежо — после ночного дождя. Вообще погода последнее время радовала — была поистине благословенной... Это лето обещало стать богатым на урожай.

Разговаривали о работе, об учёбе, о планах на будущее, и ни словом не упоминали дни, проведённые в университете магии — для таких разговоров время ещё не пришло.

В кафе «Петрович», где подавали лучшие в городе шашлыки, было многолюдно. Заказали свиные рёбрышки и сели за столик на улице под навесом.

— Как у вас дела на работе? — спросила Марта у Анны Юрьевны, чтобы нарушить повисшее, было, молчание.

— Перевели на бумажную и теперь никаких дополнительных дежурств.

— Я слежу за этим! — подтвердил Пётр Ильич.

— А у вас что с сессией?

— Всё сдано! — отчиталась Марта. — Да, Поль?

Но внимание Полины было в другом месте. В кафе вошёл молодой человек — высокий блондин в чёрных брюках и тонкий чёрный свитерок. Брюки поддерживал ремень с большой пряжкой. Молодой человек остановился у входа, в задумчивости рассматривая очередь. Потом вздохнул и пристроился к хвосту.

В голову ей ударила кровь, сердце застучало, руки задрожали...

Но приглядевшись внимательно, Полина вздохнула облегчённо — это не Бард. Да и не свитерок у него вовсе, а рубашка, и не чёрная, а тёмно-синяя, и не брюки, а джинсы... Просто со света так показалось. И когда Марта толкнула Полину в бок и спросила:

— Алё, ты где?

Полина уже спокойно улыбалась. И лишь сердечко всё ещё трепыхалось, но теперь от разочарования — не Бард...

— А у нас новости! — сказал Пётр Ильич. — Мы с Аннушкой подали заявление в ЗАГС давно уже, сразу как...

— Ах, вы тихушники! — чуть громче, чем следовало, засмеялась Полина.

— В общем, регистрация уже на следующей неделе. Приглашаем вас, — сказала Анна Юрьевна и улыбнулась. — Всё будет просто, гостей немного, только самые близкие.

— А когда? — уточнила Марта.

Анна Юрьевна и Пётр Ильич, дополняя друг друга рассказали, когда и где состоится регистрация. И опять никто не обмолвился о ритуале на Лысой горе. Все понимали, что тут реальный мир, и тут, для того, чтобы считаться мужем и женой, нужен штамп в паспорте и свидетельство о браке. Зачем говорить об очевидном?..

Как ни растягивали удовольствие, но с рёбрышками покончили, чай выпили, но уходить пока ещё не хотелось. Болтали ни о чём — о новых фильмах, о прогнозах на урожай, о политике, о музыке, о моде — в том числе и для беременных...

И вдруг Марта встрепенулась — порыв ветра донёс аромат роз. И в следующий момент кто-то прикоснулся к её плечу.

— Извините, не подскажите, который час?

Марта аж подпрыгнула. Уже целый месяц она, словно паролка, ждала подобного вопроса. Часы, которые Серафимович подарил ей, не показывали время. Обычное время... Там был циферблат и по кругу двигались стрелки, но на циферблате было десять делений! Не двенадцать... и не четыре, а десять. Марта не представляла, что можно мерять этими «часами». Но она носила их, не снимая, и время от времени поглаживала браслет. И рисовала в своём воображении, как она сидит задумавшись, а к ней подходит кто-то и спрашивает: «Который час», она поднимает голову и видит знакомые «хэндлбары»...

Вот и сейчас Марта радостно подскочила, обернулась...

Это был не Серафимович.

Молодой человек, приятно улыбаясь, объяснил:

— Батарея на телефоне сдохла. А мне нужно узнать время. А тут смотрю, симпатичная девушка с часами...

Марта рефлексивно убрала руку под стол и покраснев ответила:

— Часы не работают.

— ...Симпатичная девушка с неработающими часами... — с явной заинтересованностью в голосе поправился молодой человек.

Марта глянула на Анну Юрьевну и Петра Ильича. Они улыбались и делали усиленный вид, что их срочно заинтересовала рекламка, наклеенная на приборе для специй. Полина рассматривала проезжающие машины, словно выбирала одну из них для себя и не торопилась прийти подруге на помощь.

Молодой человек не уходил.

— Может, я могу помочь вам их отремонтировать? У меня есть хороший друг часовщик.

— Вряд ли это по силам вашему другу... — пробормотала Марта.

— Ну что вы... Он очень хороший часовщик... Если вы дадите мне свой телефон, я...

Анна Юрьевна с Петром Ильичом уже не скрывали улыбки. Полина перестала смотреть на машины и начала рассматривать молодого человека.

— Если я вижу, что могу помочь хорошему человеку... — настаивал, немного смущаясь, парень.

Марта не знала, как быть. Она была растеряна. Обычно парни не замечали её. А тут такая настойчивость.

— И что? Мне что же, теперь всем хорошим давать свой телефон? — с усмешкой спросила Марта.

— Я не все! — обиделся молодой человек, но от стола не отошёл. — Ну или возьмите мой номер, позвоните потом... — не сдавался он. — Я правда хороший...

Марта задумчиво посмотрела на него и ничего не сказала.

Он постоял ещё немного и пробормотав:

— Какая симпатичная девушка с неработающими часами... Эх!.. — отошёл от стола.

И тогда Марта повернулась к друзьям и спросила:

— Интересно, как там Анжелика и Серафимович, и остальные?..

